

Андрей Вилков

Боги не играют по правилам

Уровень сложности – экстрем



“Карабкайся наверх или встанешь под слоем песка”

Все началось с рекламы: «Вы хотите поучаствовать в новом проекте — виртуальной реальности полного погружения? Заполните анкету, и если вам повезет, мы совершенно бесплатно вышлем вам дорогостоящее устройство для входа в волшебный мир. От вас требуется только играть. Насладитесь новой жизнью!» И мне повезло! Но они соврали. За все надо платить.

Да кто вообще читает мануал? Я дрожащими руками распаковал коробку, нацепил VR-шлем, запустил игру и выставил уровень сложности «эксперт» — условие теста. Никакого интерфейса, никаких сообщений — полное погружение.

* * *

Я толкнул тесные стены и узнал свое имя. «Гур» — с таким звуком треснул кокон. Мир поприветствовал меня. Я не возражал и вторым ударом проломил изнутри скорлупу яйца. Наверное, это было первым испытанием, выпавшим на мою долю. Грех жаловаться. Не пройди я его — не было бы всего остального.

Я не вдохнул свежего воздуха, не окунулся в теплый солнечный свет. Нет. На голову обрушился песок. Дышать стало нечем. Я попытался, но песчинки залезли в нос, в рот. Фыркнул, закашлялся. Кровь забурлила. Время стремительно уходило. Промедление — смерть. И тогда впервые я понял смысл жизни: карабкайся наверх или останешься под слоем песка. Я рванул что есть мочи. Греб ненавистный песок и толкал свое худое тело из последних сил, на последнем издыхании.

Оставалось чуть-чуть, но меня схватили за лапу и потащили назад. Так я узнал, что не один в этом мире, и познакомился с заклятым врагом — Красноглазым. Не знаю, как его звали на самом деле, но когда мы выбрались на поверхность и глотнули спасительного кислорода, я впервые увидел его. Это был еще тот урод: двухметровый кожистый червь с парой бесформенных ласт. Сморщенная лысая голова с дырками вместо носа, ушей и рта. Только глаза бессмысленно хлопали и щурились от палящего солнца. Ладно, чего креха таить, я выглядел так же. Только у моего будущего врага правый глаз был красным. Быть может, это я в толчее и спешке саданул ему, а может еще кто. Это не важно. Тогда я еще не знал, кто мы и что мы. Красноглазый тоже. Мы пискнули от радости и поползли в разные стороны.

Я остался один. Но ненадолго. Потыкавшись в валуны, попробовав на вкус камни и песок — больше в округе ничего не было — я пополз обратно, в надежде найти хоть что-нибудь съестное. Голод мучал не меньше палящего солнца, а в горле начиналась засуха. Тогда я впервые увидел богов в небе, и понял, что мне надо стать как они. Но как? Я — червь с ластами.

Размышления пришлось отложить: кто-то тяпнул меня за хвост. Я подскочил от неожиданности, развернулся и дал леща серому червю. Этот упырь выпустил мой хвост и застыл как статуя. Ну, я с другого ласта еще раз саданул по щам. Да смачно так, глист аж перевернулся. Казалось бы, мысль моя ясна: не тронь маленький хвост, с другой стороны он может быть гораздо больше. Но нет. Серый гад вывернулся и снова бросился в атаку. Я пропустил пару увесистых шлепков, и тут уже у меня вскипела кровь. Свернувшись в кольцо, я оттолкнулся ластами от земли и резко распрямился. Хвост, что плеть, стегнул серого по морде. Это его слегка отрезвило. Он попятился. А я разгоряченный бросился на него. Врезал ластом, вторым, вцепился в шею и стал рвать, как тряпку. Я уже праздновал победу, как что-то твердое ударило меня по голове. В глазах помутнело. В мозгах зашумело. Челюсти разжались. Не знаю, как этот гаденыш до такого додумался, но когда я взглянул сквозь мутную пелену на него, то заметил в ласте — камень. Да-да, камень. Эта тварь использовала

оружие. Второй удар выбил у меня из глаз искры. Захотелось прилечь, отдохнуть. Но я знал: боги смотрят на меня. Если я хочу стать как они, если я хочу к ним, то не могу отступить. Иначе, зачем я здесь? Зачем выполз из недр земных?

Я увернулся, скрутился в кольцо — камень стукнул в скалу возле самого уха — и второй раз проделал свой коронный прием. Серый, похоже, ничему не научился. На этот раз я вложил в удар. Хвост не просто стегнул врага, он врезал ему так, что голова червя шмякнулась о валун и хрустнула как арбуз. Упырь квакнул и выпустил камень из ласты. Я схватил его оружие и добил врага двумя или тремя ударами. Где там упомнишь, когда кровь заливает глаза, ласты трясутся, а боги смотрят.

Но это был не конец. Я знал, что нужно сделать. Чувствовал, что нужно богам. Камнем я вспорол брюхо червя и достал лучезарный кусок плоти — сердце! Оно светило, словно маленькое солнце. Я поднял трофей, и боги радовались вместе со мной. Сердце принадлежало им. Я должен был принести его, но как? В себе! Я сжал его ластом и понял, что так не очень удобно брать предметы. Хорошо бы изменить его на что-то более подходящее. Например — боги мне подсказали — на руки!

Лучезарное сердце затряслось, забилося — я сильнее сжал его, и вспыхнул ослепительный свет. Когда я открыл глаза, вместо ласт у меня были руки с пятью пальцами. Я схватил камень, повертел. Так-то лучше.

За холмом блеснула вспышка — еще кто-то лишился сердца. И еще кто-то приобрел его, стал сильнее. Медлить нельзя. Все просто: или ты, или тебя. За поворотом блеснул свет. Мне туда. Хватаю камень поострее, и ползу, помогая себе руками.

Навстречу вывалился толстый червь, что тюлень, раза в два больше меня. Не моя весовая категория, но я не даю заднюю, иду на врага. Толстяк хрюкнул и ринулся навстречу. Как-то неуклюже, волнами: ласты шлепают, путаются. Я резво, как головастик, юркнул на открытую площадку, огляделся: тут подходящее место выпустить кишки толстопузу. Гигант бросился — я легко увернулся и с размаху завинтил камнем в висок. Такого он точно не ожидал. Впрочем, он даже не успел об этом подумать. И никогда уже не поймет свою ошибку: вес — не главное. Зато я усвоил урок и добыл еще одно сердце!

Вспорю брюхо жирдяю, сую руки в теплую дыру. Судорожно шарю там среди жира, крови и вонючих внутренностей. Вот оно! Хватаю твердый кристалл — сердце! Свет бьет в глаза, следом — тяжелый удар ласта. Качусь кубарем. Вскакиваю и вижу — вот сволочь! — мой трофей сжимает в лапах Красноглазый. Он засмеялся, глядя на меня: грязного, в песке, в крови и внутренностях толстяка. Так я познал горький урок: не обязательно самому трудиться, можно жить за чужой счет. Это был удар ниже пояса. Пришлось проглотить обиду и действовать.

Я сжал в кулаке камень и хотел уже броситься в атаку, но возникла небольшая проблема: Красноглазый использовал сердце. Теперь он выглядел совсем не так, как при нашей последней встрече. Это был настоящий монстр на четырех лапах, а в длинной пасти блестели острые зубы. Он тряхнул головой, оскалился и развернулся в мою сторону. Из ужасного рта капнула слюна. Этот гад превосходил меня не только размерами, но и вооружением.

Он рванул навстречу со скоростью, которая мне и не снилась. Где мне, червя с ручками, тягаться с ним — четырехлапым чудовищем? Он быстро приближался. Я приготовился к своей последней битве. Я знал, она будет кровавой. И кровь будет моей. Я

сжался в комок ярости. Боги будут довольны. Они не разочаруются.

Сам не знаю как, я поднял руку с камнем и что есть мочи швырнул булыжник в Красноглазого. Мой снаряд угодил точно в яблочко — в красный глаз говнюка. Это его, конечно, не убило, но дало мне спасительные секунды, чтобы укрыться в расщелинах невысоких скал. Мы еще встретимся, решил я и быстро пополз в другую сторону.

Солнце нещадно жгло. В горле царила засуха, и я понимал, что долго не протяну. Оставалась надежда, что другим не лучше, чем мне. В карантине не расслабишься. Боги не любят долгую развязку. И я не заставлю их ждать.

Выглянув из-за края скалы, я заметил в расщелине затаившуюся ящерицу. Неплохая стратегия: спрятаться в засаде и нападать только на того, кого действительно можешь победить. Это не для меня. Прыгаю на спину жилистой гадине. Хватаю руками за горло и душу, душу, душу. Тварь бьется, царапается, клацает зубами. Если отпущу, она меня убьет. Это точно. Пальцы, словно клещи, держат бестию, и она слабеет, повисая безжизненным шангом.

Я смертельно устал от перенапряжения. Но времени нет. Некогда загорать на солнышке. Выпотрошив жертву, я схватил сердце и сжал — свет ударил в разные стороны. Я обнаружил себя. Красноглазый знает, где я. Но мне плевать! Пусть все видят, что я стал сильнее! Теперь я еще больше похож на богов! Я — бог!.. Ну, пока нет, но...

Я прыгнул на песок и побежал рысью на четырех лапах: две ноги и две руки. Стоп. Бегать как Красноглазый не очень-то удобно. Выпрямился. И — о, боги! — так гораздо лучше. Вижу дальше, руки свободные.

За валунами послышался топот. Не очень умно встречать противника в чистом поле, без оружия. Я развернулся и понесся к скалам — на двух ногах. Из-за камней выскочил клыкастый волосатый здоровяк на тоненьких ножках. Он запрыгал передо мной, как козлик, явно вызывая на бой. Что ж, я принимаю вызов. Два камня в руки, и — вперед.

Я сразу бросил во врага тяжелые снаряды — мимо. Крепыш ловко увернулся и ринулся в атаку. Так не пойдет. С голыми руками на клыки — самоубийство. Пришлось отступить и вооружиться заново. Но на этот раз я не бросал камни. Сжав булыжники покрепче, я спрыгнул на раскаленный песок и ринулся навстречу врагу. Тот не спасовал. Мы приближались как две лавины, несущие смерть. Мгновение! — и мы столкнемся в смертельном ударе. Но за долю секунды до этого я резко ушел в сторону и врезал здоровяку камнем в лоб. Раздался треск: то ли булыжник раскололся, то ли череп, то ли мои кости. Рука онемела. Я развернулся, готовый к новому удару. Враг уже стоял напротив и гневно фыркал. По рылу текла кровь. А во лбу отчетливо виднелась вмятина, словно по алюминиевому тазу стукнули молотком. Крепыш оскалился и хотел было прыгнуть, а ноги не слушались. Он пошатнулся, но устоял. Время стремительно уходило. Боги требовали крови. Помня о том, как меня лишили заслуженного трофея, я не стал ждать и прикончил раненого ударом второго камня.

Вспороть толстую шкуру оказалось не так-то просто. Я пробовал руками, зубами, камнем — все без толку. Единственное, что мне пришло в голову — идти к скале и там найти острый кусок. Я быстро добежал и стал шарить у подножия. Нашел. Но тут невдалеке показался новый противник — бесформенный тьюфак с длинными клешнями. Сейчас это было некстати.

Он меня не видел, но заметил труп. К счастью, у него не хватило мозгов, чтобы подойти и проверить. Он прошлепал мимо и скрылся за валуном. Я не стал рисковать — вспомнил

детство и вновь почувствовал себя червем. Упал на горячий песок и пополз. Через минуту в руках вспыхнуло сердце! И знаете, что я изменил себе? Голову. Я сделал ее как у богов. И хочу вам признаться, это было самое лучшее решение.

За углом вспыхнул свет. Я вскочил с земли — весь в крови, песке и кишках — и рванул обратно к скалам. Там безопасно. Во всяком случае, пока.

Не успел я добежать, как на поле битвы выскочил истинный монстр: когтистые лапы, мощный торс, смертоносные клыки и глазищи — что фонари. Во всяком случае, один. Я узнал его. Это был Красноглазый, только теперь глаз был синим — моя работа. Синеглазый тоже меня узнал, судя по слюновыделению из пасти. Мы оба знали, что нам еще рано танцевать. Я отвернулся и полез на вершину.

Карабкался недолго. Две минуты, и я на вершине мира. Хотя мир-то с ноготь, и вершиной это назвать сложно. Так, прыщ в центре пляжа, накрытый матовым куполом. За ним пустота. Чему удивляться — карантин. Но не это меня ошарашило, а то, что мы с Синеглазым остались одни. Он как раз пытался залезть ко мне на камни, но длинные крючковатые когти сильно мешали. Чтобы обозначить территорию, я швырнул в него булыжник. Затем еще. Сверху вниз бросать, скажу я вам, то еще развлечение. Легко, играя, я дал ему пару увесистых шлепков по бокам, и гаденыш отступил. Итак, мы провели границу: его песок, моя скала.

Впервые я вздохнул спокойно. Вздохнул, сглотнул комок в пересохшем горле и понял: время мне не помощник. Я раза в три меньше Синеглазого, следовательно, умру от истощения раньше него. Да и какое, к черту, развлечение богам смотреть на это?

Что ж, Синеглазый, мы встретимся гораздо раньше, чем я думал. Ты — огромная машина для убийства. Я — голый заморыш. Но не ты бог, а я! Боги не играют по правилам.

Я осмотрелся. Что мы имеем? Камни, песок и трупы. Из этого предстоит создать нечто такое, что усилит меня. Я — бог, ну... во всяком случае, я выгляжу также: ноги, руки, тело, голова и еще один орган... большой — сейчас это не важно. Главное — голова. Не могу не удержаться и скажу еще раз: голова — лучшее мое приобретение! Хотя, есть еще один орган... большой, но о нем после.

Камни — хорошо. Песок — неплохо. Трупы? Ближайшее мертвое тело — ящерица, задушенная мной в расселине. Но к ней приближаться нельзя: Синеглазый не даст. Прекрасная возможность проверить его. Что-то он заскучал — таскает по песку разодранный труп тюфяка с клешнями, что собачонка тряпку.

Чтобы не спускаться, я бросил в него пару камней. Не попал, но он посчитал это вызовом и примчался к подножию. Это и надо было. Я спокойно перемахнул через вершину скалы и затаился. Сработало. Синеглазый рванул вокруг. Я подождал немного, перелез обратно и спокойно спустился к трупу ящерицы. Пока там этот дурень разберется что к чему, я закончу.

Еще на вершине я сделал отщеп. Было нелегко. Только с третьего раза получился неплохой нож. Он работал что надо. Одним движением вспоров живот ящерице, я достал кишки, отрезал кусок кожи и благополучно вернулся наверх. Синеглазый как раз возвратился и ничего не понял. Где ему, зверюге безмозглой, тягаться с богом, ну, не совсем богом, но...

Я сидел на вершине и работал над чем-то невообразимым. Это вам не камень с земли поднять или сделать отщеп. Я мастерил пращу. Кишки и кусок кожи — все, что для этого надо. Ну и камни.

Через полчаса практики, Синеглазый у меня бегал по кругу, что лошадь в цирке. Я приловчился бросать камни и придавал ему скорости смачными шлепками бульжников по бокам. Но время работало против меня. Солнце жгло. От жажды начинались миражи. Мне казалось, что Синеглазый ныряет в волнах, плещется в воде и зовет меня. На самом деле он действительно звал меня, но не утолить жажду, а станцевать последний танец. Да и боги заждались. Чего тянуть?

Я смастерил из остатков кишок и камней новое оружие и стал спускаться вниз. Боги смотрели на меня. А я шел к ним. Синеглазый все понял и, надо отдать ему должное, не стал нападать сразу. Он отошел к краю купола и замер в ожидании. Это была дуэль двух победителей. Двух характеров. Двух стихий.

Я ступил на горячий песок. Боги, смотрите на меня. Вот он я: голый, уверенный, сильный! В руках смертоносное орудие — бульжник на кишке. В глазах — ярость.

Синеглазый пошел в атаку. Вначале медленно, вскидывая песок длинными когтями, потом быстрее, быстрее, еще быстрее. Я стал вращать камень. Кишка загудела, завывала, засвистела...

Может быть стоило отпрыгнуть, может укрыться за камнем, может еще что. Не знаю. Я остался стоять как стена и, когда враг прыгнул, врезал камнем по голове. Удар пришелся точно в цель. Меня смело. Впечатало в шершавую скалу. Боль была адской. Я завопил. Коготь Синеглазого вспорол брюхо. Он достал меня. Теперь шансов выжить нет. Он разорвет мое слабое тело на куски одним движением когтей и заберет сердце. Но он почему-то медлил.

Я открыл глаза: монстр хлюпал, булькал и пускал кровавые пузыри из развороченного носа. Его огромная голова была разбита вдребезги и походила на распустившийся кровавый цветок. Синий глаз выпучился и смотрел на меня. В нем читалось непонимание. Он никак не мог взять в толк, что с ним, и почему он не может прикончить меня.

Я слез с когтя. Выбрался из-под дрожащей туши и первым делом залепил рану песком. Так кровь быстрее свернется. Это негигиенично? Нестерильно? Да мне плевать. Мне что, в карантине на пенсию выходить? Я иду к богам!

С трудом разрезав каменным ножом брюхо Синеглазого, я залез в горячую утробу по пояс и выдрал сердце.

Прямо передо мной открылся портал. Он засверкал радужными переливами, словно волшебный цветок. А в нем я увидел мерцание богов. Они смотрели на меня и радовались. Они ждали меня. Я прошел испытания. Теперь я — один из них.

Стиснув зубы от боли, иду к ним. Кровь из раны в боку капает на песок, скатывается темными шариками. Ноги вязнут. Этот мир не спешит отпускать меня. Но тут я закончил. Иду не оглядываясь. В руке светится сердце врага. Лучи пробиваются сквозь пальцы, слепят. Я улыбаюсь и ныряю в наэлектризованное марево портала.

Впереди — неизвестность. Что будет там, в реальности богов? Как они примут меня? Впрочем, я знаю: как равного. А если нет, то я заставлю их. Как заставил всех в карантине. Они теперь — пыль, а я иду дальше.

Огромное спасибо за ЛАЙК! И СПАСИБИЩЕ за РЕПОСТ!!!

Где-то за пределами мира

Анька взвизгнула, захлопала в ладоши и хотела уже броситься ко мне на шею, но вовремя спохватилась: не стоит трогать человека в шлеме виртуальной реальности, особенно в таком.

— Ты чего там? — крикнул мой папа с кухни.

Худенькая, с короткими каштановыми волосами и карими глазами Анька запрыгнула обратно на стул и подобрала под себя ноги. На ней был синий халатик с цветущей сакурой.

— Виталий Борисович, Сашка прошел на следующий уровень!

— Ни свет ни заря, а они уже в свои игры, — пробурчала мама Ульяна Исааковна, шлепая в ванную.

— Да не ворчи ты, — вступился за нас отец, — сегодня же суббота, пусть молодежь повеселится.

— Пушай на субботник идут, — проворчала бабуля Октябрина Владленовна, пнув Стельку, путающуюся под ногами и тархтевшую как трактор. — Нечего на диванах разлеживаться. Горшок на голову натянут и сидят. Эко вздумали. Вот мы в молодости...

Дальше было не разобрать: она скрылась на кухне. Анька махнула рукой и тихонько затворила дверь. Да, так мы и жили. Почти коммунальная квартира: папа, мама, бабушка, я с подружкой Анькой, да кошка Стелька, дворовой расцветки. Что поделать, суровые будни Мухосранска. Анька, конечно, не всегда ночевала, мы ведь только встречались, но она была членом семьи — мы вместе уже пять лет, аж с девятого класса. Да еще когда я в армии сапоги топтал, она уже была родной для моих стариков. Мы уже и пожениться думали, да все как-то откладывали. Ну, не в нашей же коммуналке потом жить.

В комнату вошел папа. У него был огромный волосатый живот, помятое подушкой лицо, бородавка на мясистом носу и прыщ на щеке. В руках он держал бутылку пива и сковороду со скворчащей яичницей. В глазах сверкали огни пятничного вечера.

— Дай-ка я посмотрю, чем вы тут занимаетесь, — проговорил он и плюхнулся в кресло. — Что это у тебя на голове, Сань?

Обычно нас не тревожат, и мы с Анькой живем своей жизнью, пересекаясь со стариками только на кухне. И именно сегодня, когда я получил долгожданную посылку, папа решил спрятаться от мамы и спокойно попить утром пивка. А как у нас часто бывает, где собираются трое — туда приходят остальные.

В комнату вошла мама с тарелкой хлопьев в молоке и уселась на диван. На голове у нее была копна выжженных химией светлых волос, сквозь которые пробивались отросшие черные корни. Щеки покрывал нездоровый румянец — следы вчерашних посиделок у старой подружки Аллы. Мама вздохнула и покачала головой, глядя на меня. А я, естественно, сидел в VR-шлеме, как истукан. На мониторе светился экран загрузки — красный портал в поле и надпись: «Боги не играют по правилам».

— Это новый шлем виртуальной реальности, — пояснила Анька, — помните, мы вам рассказывали...

— Помним-помним, — отмахнулся папа, — все уши прожужжали с этим шлемом.

— Ну, и чего мы тут собрались? — спросила Ульяна Исааковна. — Смотреть на заставку?

— Это загрузочный экран, — ответила Анька. — Сашка перешел на следующий уровень, надо немного подождать.

— Интересно, — сказал Виталий Борисович, жадно отхлебнув из бутылки.

— А ты уже с утра закладываешь за воротник?..

— Да не начинай ты.

Виталий Борисович обиженно отвернулся. Как говорится: вот и поговорили. Молчание затянулось. Анька поежилась на стуле от неловкости. Она обычно не встревала в споры и вела себя как мышка, но сейчас ее просто распирала радость за меня. И она не выдержала.

— По всему миру было разослано двадцать пять тысяч шлемов виртуальной реальности, — затараторила она. — Это совершенно новая разработка, где воспринимаемый мир не отличается от реальности: человек впадает в некое подобие транса, где игровая вселенная дополняется мозгом до полного соответствия нашему миру. Так написано в инструкции. Память теряется, и, кажется, что человек заново родился, но при этом сохраняется моторная память и речь. Это будущее игровой индустрии — полное погружение. Сегодня утром началась Игра — все прошли карантин, где бились с ботами, и сейчас встретятся в поединке друг с другом. Миллионы людей следят за игроками. Если все пройдет благополучно, то...

— Саш... — позвала Ульяна Исааковна с опаской.

— Не трогайте его, — перебила Анька, — он ничего не слышит. И тут написано, что это опасно.

— Мне это не нравится, — сказала мама.

— Не бойсь, — махнул рукой Виталий Борисович, — все будет хорошо.

— Ты пива выпил, и тебе уже хорошо...

— Не волнуйтесь, — перебила Анька, — Сашка выйдет, когда закончится игра. Это так интересно! Представьте только, время для него идет как во сне — ему кажется, что он проживет целую жизнь! А на самом деле пройдет всего несколько часов.

— Ничего себе у вас игры, — сказала Ульяна Исааковна.

Ну, и как же без бабушки? Октябрина Владленовна зашла в комнату. Она привычно поджала тонкие синие губы и осмотрелась в поисках места. Сесть можно было на диван или на табурет. Но... ей должны были уступить место. Виталий Борисович пробурчал что-то с набитым яичницей ртом и пересел на диван. Октябрина Владленовна тут же заняла его место. Последней вошла Стелька и не долго думая примостилась у Аньки в ногах.

И тут как назло загрузилась игра. Появился Сашка.

— Срань господня! — проскрипела бабуля. — Автор этого явно страдает какими-то извращениями.

Прочитал?! Понравилось и ждешь продю — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Боги, вы ли это?

Я очнулся в сырой придорожной канаве. Вскочил, что ошпаренный, и огляделся. Позади шумел лес. Через дорогу, разбитую телегами и лошадьми, зеленел луг. Там мирно паслись овечки. На холме крутилась мельница. Неплохо, но на райские кущи не похоже. Где боги? Вот он я, встречайте.

— Мать-перемать! — женщина в грязном крестьянском платье взвизгнула. — Глянь, Фройль, что за чудо вылезло из канавы.

— Дура ты, Элли. Это гость нашего барона, — сказала вторая и положила на дорогу мешок.

Я развернулся к ним и предстал во всей красе: высокий, сильный, голый.

— Ого! — в один голос воскликнули женщины, и опустили глаза намного ниже середины моего тела.

С минуту мы рассматривали друг друга. Женщины в основном смотрели в одно место, а я изучал их намного тщательней. Это были неказистые простолюдинки с мужскими нагруженными руками в полинялых платка и грубых штопаных платьях. Как-то по-другому я представлял богов: красивые, высокие, сильные — как я, в общем.

В мешке хрюкнул поросенок. Женщины отлипли от моего тела.

— Ты, это, прикрылся бы что ли, — сказала Фройль.

Я осмотрел себя. Что им не нравится? Белый шрам на месте раны или коготь Синеглазого на большом пальце правой руки? Я сделал его себе на память, и как оружие он ничего — острый загнутый серп.

Я хотел сказать им, что этот шрам я получил в бою, но вдруг ощутил в горле такую жажду, что позабыл обо всем на свете. Рядом была лужа, и я не думая ни о чем упал на колени и стал жадно пить. О! Какое же это блаженство! Словами не передать. Я вылакал наверно половину и остановился только когда стал засасывать жирную грязь.

— Точно дружок нашего барона, — сказала Элли.

— Господин, может вам воды дать? — Фройль достала бурдюк из мешка.

Я отрыгнул, вытер кулаком рот и сказал:

— Благодарю, я уже напился.

Из-за поворота показалась телега. Возница — толстячек с бородкой в потертом кафтане и сапогах с загнутыми носами — спрыгнул на дорогу и, не обращая внимания на грязь и лужи, побежал к нам. В руках он нес какой-то сверток.

— Что встали! Идите своей дорогой! — закричал он на крестьянок.

Те забубнили, засобирались и, поглядывая на меня, пошли прочь.

— Приветствую тебя, герой! — мужичек сунул мне сверток. — Оденься.

Я развернул кусок ткани.

— Что это?

— Набедренная повязка. Все герои ходят так.

Я приоделся.

— И вот еще, — мужичек протянул мне флягу, — после карантина все герои обычно хотят пить.

Я отклонил руку и очень недобро взглянул на него:

— Где боги? Как мне попасть к ним?

— Вот так всегда, — всплеснул руками мужичек. — Если бы меня слушали, то все было бы хорошо. Так нет же. Сразу, где боги! Нет, чтоб послушать хранителя, узнать все по порядку. А то не успел появиться, уже где боги...

— Хватит. Я понял. Ну, где этот хранитель?

— Перед тобой.

— Где боги, хранитель?

— На небе, — он ткнул пальцем вверх. — Ты же должен знать: портал откроется только для победителя.

Я нахмурился. Это что ж такое получается? Еще одно испытание? Путь к богам не легок. Я сжался в комок и хищнически осмотрел округу, готовый прыгнуть на врага с голыми руками. И не совсем голыми. У меня был острый коготь. Им я вспорю брюхо любому.

— Расслабься, — сказал хранитель. — Это не карантин. У тебя много времени. А точнее двадцать девять дней — лунный месяц без малого. Когда в следующий раз взойдет полная луна, начнется великий праздник! Пойдем-пойдем. Нечего тут стоять. По дороге я тебе все расскажу.

Мы сели в телегу и медленно покатали. Под колесами хлюпала грязь. Старая костлявая кобыла неохотно передвигала ноги, все время пускала газы и мотала хвостом, разбрасывая по сторонам навоз. В канаве квакали лягушки. Я болтал ногами и жевал пресную лепешку, любезно предложенную мне хранителем.

Он с кислой рожей осмотрел меня с ног до головы, вздохнул и сказал:

— Как всегда, нам не везет.

— В смысле?

— Слабоват ты для героя. Как ты вообще победил?

Я смерил его взглядом и решил, что не стоит трогать этого дрыща, еще зашибу. Он может быть полезен. Но в голове отложил себе памятку: дать леща коротышке.

— Ты так человеком и пришел из карантина? — спросил хранитель.

— Ты о чем?

— Обычно герои — это такие гиганты с зубами, клыками, броней, а ты просто человек. Ну, красивый, рослый, мускулистый с хером до колена, но толку от этого? Ты когда использовал последнее сердце, что заказал?

Я показ коготь на большом пальце правой руки. Хранитель шлепнул себя по лицу так, что лошадь пошла быстрее.

— Идиот! — воскликнул он, взывая к богам. — Ну что мы сделали вам? За что?!

Тут я пересмотрел свое решение относительно леща в будущем и смачно залепил хранителю ладошкой. Лошадь пошла еще быстрее. Хранитель, кажется, обиделся, но я решил сразу объяснить ему ситуацию.

— Меня зовут Гур. Я — бог. Ты помогаешь мне, или я тебя уволю об стену...

Я хотел сказать еще что-то пострашнее, но меня отвлек крылатый монстр в небе.

— Что это?

— Это герой барона Фарбера, — вздохнул хранитель. — Его имение чуть дальше.

Я пошевелил бровями, поглаживая коготь. Да, сплоховал я малость.

— Ладно, рассказывай все по порядку, — сказал я, забросив в рот остатки лепешки.

— Меня зовут хранитель Фуас, — представился он. — Называй меня хранитель Фуас.

— Хорошо, Фуас.

— Хранитель Фуас.

— Так куда мы едем, Фуас?

— Хранитель Фуас. А едем мы в имение Мелавуд, барона Горлмида — это твой дом до великого праздника.

Барон, имение, мой дом — звучало неплохо. Может не как бог, но как полубог я точно устроился.

— А что, Фуас, эти леса, луга — наши?

— Хранитель Фуас. Нет. Это барона Кетлуана. Может, я расскажу все по порядку?

— Валяй.

Несправедливость богов

— Начнем с истории. Итак, давным-давно двадцать девять знатных домов Бангшира грызлись между собой как собаки. В этих прекрасных плодородных землях царил голод и страх. И когда государству стала грозить смерть, боги сжалились над нами. Они собрали на совет баронов и сказали: «Ваши сады вновь будут цвести, пашни будут колоситься, на лугах будут пастись овцы, а в погребах стоять бочки с вином, если вы подпишете вечный мир...» Бароны загалдели, того и гляди подерутся. Слыхано ли — мир подписывать с кровными врагами? А боги дальше: «Чтобы решить ваши споры, в каждый дом будет послан герой, и в день великого праздника сойдутся те молодцы в смертельной битве. Чей боец одержит верх, тот дом станет на целый год главой Бангшира, и все остальные будут платить ему дань. А сам герой войдет в божественный портал». Бароны загалдели, но уже не так яростно. «А если вам не по нутру наше предложение, то мы спалим к чертям собачьим ваш Бангшир и заведем новый». Бароны приутихнув, закивали головами. Выпили мировую и разошлись готовиться к праздничному месяцу. С тех пор и поныне мир и процветание пришли в Бангшир. Некогда захудалый городишка Морхэнд — причина вечных войн и раздоров — превратился в богатую столицу с парками и фонтанами. Там, на главной арене, через двадцать девять дней сойдутся в смертельном бою герои от каждого дома. И победитель вознесется к богам!

Он закончил и мечтательно уставился в небеса. Меня устраивал такой расклад: месяц погостить у барона, а потом надрать задницы говнюкам и отправиться, наконец, к богам на пирушку.

Я хлопнул по плечу Фуаса и сказал:

— Так вы должны меня на руках носить.

— На руках носят героев, а не тех, кто хером потряс перед бабами, да воды из лужи наакался.

Так я получил еще один урок: не пей из луж и не маши елдой, пока ничего не достиг.

Тем временем мы выехали к небольшой речушке. Она рассекала надвое живописный луг, на котором собралось не меньше сотни народу. Все в пестрых нарядах. Среди гостей резвились дети, словно козлята. Играла музыка. Столы ломились от яств и вин. Слышался веселый смех. Пахло жареным мясом.

Я втянул носом полную грудь аромата. И тут в небе над пиршеством засверкали молнии. Люди вскочили с мест, подняли бокалы, и закричали:

— Приветствуем тебя, герой!

Чуть в сторонке от гуляния открылся портал и из него вылез огромный жирдяй с клыкастой пастью — этакий огр. Он завопил и, по-видимому, хотел наброситься на людей, но ему тут же подкатили бочку вина и подали теленка на вертеле. Огр уселся и принялся за угощение.

— Мы проезжаем имение Гринвуд барона Рочера, — пояснил Фуас и вздохнул. — А это его герой.

Я посмотрел на слипшийся хвост старой кобылы, на нашу скрипучую телегу, на хранителя и скривился. Оказывается, мой барон-то не очень гостеприимен. Фуас заметил мою кислую мину и сказал:

— Нам давно не везет с героями, поэтому имение Мелавуд небогато.

Я промолчал. Но я знал, боги смотрят на меня. Они хотят зрелища, а не легкой победы. Я дам им его. А когда я доберусь до них, ох уж я тогда найду того, кто раздавал героям баронов.

Хранитель что-то лопотал еще, а я не слушал. Я вдруг ощутил жуткое желание вырвать кому-нибудь сердце. Но мы приехали.

Замок, а это был именно замок, стоял на небольшом холме. Он был окружен частоколом и рвом. Ров был заполнен мусором. Ворота нам открыл трубочист. Может он и не был трубочистом, но лицо осоловевшего мужичка было вымазано сажей. Он посмотрел на меня потерянными глазами и повис на воротах, пытаясь закрыть.

— Добро пожаловать в Мелавуд, — сказал Фуас. — По традиции в честь героя бароны закатывают пир.

Я приободрился. Не все так плохо, как показалось в начале.

— Барон Горлмид ждет тебя наверху в зале для банкетов, — продолжил хранитель. — Там мы продолжим рассказ о наших обычаях и правилах.

Я спрыгнул с телеги босыми ногами в грязь и осмотрелся. Да, имение переживало не самые лучшие годы. Это издавна замок казался неприступной крепостью, а вблизи было заметно, что он разваливается. Повсюду на камнях рос мох и молодые деревца, вороны загадили стены, крыши сараев прохудились. По двору ходили куры. Они копались в грязи и недовольно кудахтали. На лестнице спал кот.

— Идем, — позвал Фуас.

Мы поднялись по ступенькам к обшарпанной двери. На пороге я вступил в подарочек от кур, и он неприятно застрял между пальцев. Но я быстро позабыл об этом, так как мы попали сразу в плохо освещенный зал с огромным столом.

Гостей было не много — всего-то человек двадцать. В былые времена этот зал собирал не меньше сотни. Выглядели присутствующие далеко не как знатные особы, скорее как наемники: кто во что горазд, но все при оружии. Во главе стола сидел барон, как я догадался. Это был обрюзгший увалень в грязной куртке. Он прекратил жевать, вытер руки о трудовое пузо, пригладил сальную бороду и крикнул:

— А вот и герой. Заждались мы тебя уже. Заходи, садись, ешь, пей.

Я сел за другой конец стола напротив барона, сгреб наверно половину всего, что было и принялся угощаться. А чего стесняться? Герой я или нет? Пиром это назвать можно было с натяжкой: соленые огурцы, картошка, капуста, остатки курицы и кувшин кислого вина — все, что мне удалось отведать. Я быстро справился с закусками, откинулся на спинку стула и стал пить кислятину прямо из кувшина, хрустя куриными костями. Ну не пропадать же добру.

— Гур! — представил меня Фуас. — Барон Горлмид рад приветствовать тебя в имении Мелавуд.

Барон взглянул на меня хмельным взглядом и сказал:

— Он мне нравится. Не то, что последний. Сожрал корову, свиней, кухарку и сдох первым на арене. Этот хоть ест не много.

— По давней традиции, — продолжил хранитель, — герой должен облачиться в турнирные доспехи и дать клятву верности.

Четверо крестьян внесли носилки с кучей ржавого металлолома. Я допил вино, подошел и пригляделся. На разбитом вдребезги нагруднике еще виднелась кровь предыдущего

владельцы, шлем вонял тухлой рыбой, а самое главное, что они были размером на быка. Я был немаленьким и среди гостей выделялся ростом и шириной плеч, но не настолько же. Затем внесли меч. Я взял его двумя руками и едва оторвал от земли.

— Расслабься, — махнул рукой барон, — покутим месяц, а там пукнешь на арене и дело с концом. Садись, ешь, пей.

Один из гостей — бородач в кольчуге и подшлемнике — стукнул кружкой по столу и сказал:

— Нахрена на него вино переводить? Вали откуда пришел, герой!

— Верно говоришь, Зигруд, — сказал его дружок — лысый детина в рубахе. — Скажем, что в портале подох и все.

Одноухий мордоворот добавил:

— Ага.

В зале повисло молчание. Барон пожал плечами и стал ковыряться в тарелке с костями.

— Нет-нет, — вступился за меня Фуас, — так нельзя. По закону...

— Заткнись, или полетишь вместе с ним, — сказал Зигруд.

Оставить это так я не мог. Герой я или сопля под столом?

— У тебя или две жизни, или ты пьян, дровосек, — спокойно сказал я.

— Осторожно, — шепнул мне Фуас, — Зигур лучший кулачный боец Мелавуда.

Но мне уже было наплевать. Я сжал кулаки и двинулся к столу. Коготь удобно улегся и совершенно не мешал. Трое громил поднялись.

— Ну, жопа, щас драть будем, — пробасил одноухий и бросился на меня.

Я не спасовал и ударил навстречу. Попал. Но и сам отхватил. Челюсть онемела, звуки приглушились, земля качнулась, но я устоял. Одноухий сел на задницу и пустил из носа юшку. Зрители застучали кружками, захлопали. Следующий — лысый. Я уклонился от размашистого хука справа, нырнул под левую руку и саданул на скачке в подбородок снизу. Голова лысого подпрыгнула, словно мяч. Зубы клацнули. Он рухнул как подкошенный и захрапел. Завоняло дерьмом. Зрители пришли в восторг. Даже барон шире раскрыл хмельные глазки.

Я довольно хмыкнул и получил увесистый удар под глаз. Попятился, и кулак просвистел в миллиметре от носа. Вот это я люблю! Боги, вам надо крови? Будет! Кость в кость! Я ринулся на врага. Полетели руки, засвистели кулаки. Морда задеревенела, кажется, я плыл и болтался на волнах как хлипкая лодчонка в шторм. Но я бил и попадал. Я не видел куда, как, но отчетливо ощущал, как голова в подшлемнике отскакивает от кулаков. Внезапно мои руки стали молотить воздух. Я чуть не упал по инерции, но устоял. Мутная пелена спала с глаз: Зигур лежал на полу. Но пока я очухался, он перевернулся и вскочил на ноги. Зрители ликовали.

Откуда ни возьмись выскочил одноухий и сходу получил в левый глаз. Прыгнул Зигур. Вот вам, боги, добавки. Я уклонился и ударил навстречу, но провалился и получил такую зуботычину локтем, что в ушах зазвенело, а в глазах сверкнули искры. Следом онемело ухо. В зале шумели, как в лучшие годы. Но мне казалось, что я вылетел за пределы замка и парю где-то в небе, вместе с птицами. Они противно чирикали прямо в подбитом ухе. Могучий кулак Зигура звонко шлепнул по щам. Я схватился за воздух, станцевал какой-то немислимый танец ногами и эффектно крутнулся на полу. Этого вполне хватило, чтобы прийти в себя.

Вновь подскочил одноухий. Я встретил его коротким крюком слева в правый глаз, и он исчез. Вот же никак не успокоится. Следующий — Зигур, но его так просто не взять. Он набросился на меня, осыпая ударами, что заведенный. На этот раз я пропустил только один удар, остальные пришлось в защиту. Улучив момент, я контратаковал и смачно вlepил бородатому в нос — брызнула кровь. В ответ я пропустил еще. Даже не знаю, куда пришелся удар. Морда загорелась огнем. Вновь повело, но я не давал заднюю, я бил, бил и бил. Ой, похоже, нравится это богам!

Лицо Зигура пухло на глазах, будто его кусали пчелы. Лопнули губы, как спелые вишни, и это гад наконец-то лег. Ему на помощь пришел одноухий. Он размазал кровавые сопля по лицу и ринулся вперед. Я перехватил его руку, крутнул паршивца и саданул о колонну. Теперь он успокоился. Я вошел в раж и машинально хотел вспороть брюхо врагу когтем, но

меня остановил Фуас.

— У него нет сердца! — крикнул он, и я пришел в себя.

Действительно, это был просто человек. Что мне толку от его смерти?

Зрители приветствовали меня стоя. Как выяснилось, они уже успели сделать ставки и теперь бурно обсуждали поединок. Когда страсти улеглись, а я, прихватив кувшин вина, доковылял до своего стула, барон Горлмид сказал:

— Для солдатни в таверне ты неплохо машешь кулаками, но для героя на арене этого мало.

— Не только кулаками бьются, — ответил я, еле шевеля языком.

— Да, но ты меч-то поднять не можешь.

— Это не меч, а дубина. Мне нужен настоящий клинок.

— Другого нет. Хочешь, отнеси кузнецу, может перекует тебе.

Это была хорошая идея, но в голове у меня мозги перемешались, и сейчас я мог только подносить кувшин к разбитым губам.

— Продолжим, — объявил Фуас. — Герой, возьми меч, доспехи можешь не одевать, но шлем — обязательно, и преклони колено перед бароном.

Я скривился.

— Иначе нельзя. Герой не может выйти на арену, не присягнув барону. Боги так велели.

Раз велели боги, то придется. Чего не сделаешь ради великой чести войти в портал? Боги, только ради вас! Я поднялся и поковылял к груде металлолома. Нацепил мятый горшок на голову, забросил на плечо меч и, вдыхая смрад тухлой рыбы, встал на одно колено перед бароном.

— Клянусь, — сказал Фуас.

— Клянусь, — повторил я.

— Биться до смерти на арене за барона Горлмида и во всем следовать законам Бангшира.

Я повторил, бросил железяки на пол и вернулся на свое место. Больше меня не трогали. Скучный банкет вскоре закончился. Мне показали комнату — крохотную сырую нору, — и оставили в покое. Но отдохнуть я не собирался. Разузнав, где найти кузнеца, я вышел во двор. Отпихнул назойливого кота и, распугав кур, направился к кузне.

Кузнецом оказался трубочист — тот, который открывал ворота. Он спал, уткнувшись мордой в поленницу. Рядом валялся пустой кувшин. У меня всего-то двадцать девять дней осталось, а он спит. Я хорошенько встряхнул трубочиста. Он открыл один глаз. Тогда я повторил, и он забормотал:

— Чего тебе? Завтра приходи. Не видишь, выходной у меня. Герой сегодня прибыл.

Я сунул его головой в кадушку с водой для лучшего пробуждения и сказал:

— Я — герой. Мне нужно, чтобы ты перековал доспехи и меч.

Кузнец взглянул на меня вторым глазом и хлопнул себя по ляжкам:

— Едрить-колотить! Для героя — все сделаю! Тащи свои доспехи. Завтра все будет готово.

Я мигом приволок металлолом и довольный отправился отдыхать.

С самого утра, едва прокричал петух, я бодренько пошел к кузнецу. Этот гад спал там же в обнимку с пустым кувшином и даже не притронулся к латам. Они лежали ровно на том же месте, где я их оставил. Отвесив трубочисту леща, я окунул его головой в кадушку. Но на этот раз подержал немного дольше, чтобы подумал гаденыш.

— Где мои латы? — проревел я в самое ухо.

— Ексель-моксель! Для героя — все сделаю! Завтра все будет готово.

Тут я заметил, что кузнечный горн давно не работал. И сама кузня в таком состоянии, что хоть святых выноси. Надежда таяла как снеговик на печи. Мне начинало все это жутко не нравиться. Все шло прахом. Как я буду биться на арене без меча и доспехов? Так не пойдет. Мне нужен кузнец.

Я решительно направился к воротам, но меня остановил Фуас.

— Ты куда собрался? — взволнованно проговорил он.

— Кузнеца искать.

— Тебе нельзя покидать имение одному. Нельзя заходить на чужие земли. Нельзя появляться в столице до дня великого праздника.

— Мне нельзя проигрывать, — сказал я сквозь зубы. — Что будет, если я нарушу твое «нельзя», а?

— Тебя убьют, — спокойно ответил Фуас.

Я осмотрел его с ног до головы, затем глянул на свои босые ноги и набедренную повязку. В таком виде меня узнают сразу. А вот если переодеться, то я вполне сойду за местного.

— Мне нужна одежда.

— У тебя одежда героя.

Я подмигнул. Мол, догадайся, что я затеял.

— И думать забудь, — запротестовал хранитель.

Ну, что ж. Боги видят, я пытался. Все, что было в моих силах, я сделал. Я хотел как лучше, но... Оглядевшись по сторонам, я врезал Фуасу в морду, взвалил на плечи и потащил за ворота. В кустах у дороги я переоделся в его костюм. Нельзя сказать, что одежда мне подошла. Куртка сидела как корсет на бегемоте, а узкие штаны подчеркивали все выпуклости. От сапог пришлось вообще отказаться.

Я вышел на дорогу, развернулся спиной к имению Мелавуд и зашагал навстречу приключениям. Уж я не сомневался, что они меня найдут в таком наряде.

Немного поразмыслив, я понял, что не смогу притащить свои доспехи героя на переделку кузнецу другого барона. Оставалось только раздобыть новые. Как? Позаимствовать чьи-нибудь латы, а точнее превратиться в разбойника у дороги? — не для меня. Да и опять с размером будет беда. Нет. Придется ковать новые.

Вдалеке показался замок. Я зашагал бодрее. Чего мучать богов? Они не любят скучать.

У ворот я остановился. Вот это был замок! Загляденье. Настоящий дворец, а не куча нетесаного камня. Повсюду трепетали флаги. На ставнях блестела свежая краска. Травка у стены аккуратно скошена и убрана. Ров заполняла прозрачная вода, а в ней плавали красные рыбы и лебеди ходили, что корабли.

Я постучал:

— Эй там, в скворечнике! Открывай! Оглох что ли?

— Кто такой? — пробасила железная голова из сторожевой вышки.

— Я — Гур. Дело есть к вашему кузнецу.

— Сейчас, — железная голова скрылась.

Громыкнул засов, и дверь отворилась.

— Где искать-то его? — спросил я.

— А вон из кузни дым идет, — стражник в тяжелых латах показал на домик под липой. — Ток он как услышал тебя, так убежал кудысь.

Я внимательно осмотрел снаряжение солдата. Он меня. А кузнец-то что надо, решил я и направился к кузне. Что подумал стражник, глядя на мой костюм и разбитую морду, мне плевать.

Внутренний двор замка был ухожен, словно королевский парк. Только фонтанов не хватало. Зеленая травка, клумбы-цветочки, птички-бабочки и... из винного погреба выполз огромный огр — тот самый, которого я видел на поле. Он прошлепал по газону босыми ножищами и скрылся в хлеву.

Я аж остановился. Враг был в десятке метров. Кровь забурлила. Догнать — и выпустить кишки жирдяю! А как же правила? К черту правила! Боги не играют по правилам. Боги требуют сердце врага. Сейчас!.. К счастью, голова — мое лучшее приобретение. Не надо спешить. Раз меня легко впустили, впустят еще.

Я глубоко вздохнул и пошел дальше. Кузнеца не было. Горн пыхтел жаром, повсюду валялись инструменты, заготовки, а вот самого мастера след простыл. Я взял меч со стены, повертел: неплохая работа, но маловат. Взял двуручный — то, что надо.

— Извините, — сказал за спиной мальчуган в грязной рубахе — я резко обернулся и глянул на него так, что он задрожал, — Я... я... Вы ищите что-то?

— Не бойся, — радостно сказал я. — Мне нужен кузнец. Ты видел его?

— А зачем он вам?

Я взял паузу и сделал вид, что рассматриваю лезвие меча и пробую его заточку. Это произвело внушительный эффект: мальчишка съежился и задрожал еще больше. Я понял, что кузнец боится какого-то визитера, но поспешил успокоить гонца.

— Хочу купить кое-что у твоего мастера.

Мальчишка вздохнул с облегчением.

— Сейчас я позову его, — крикнул он и убежал.

Пришел кузнец — невысокий крепыш с ручищами-тисками, бегающим взглядом и чисто выбритым подбородком. Звали его Кьян. Одет он был слишком чисто для своей профессии, словно бы не кузнец, а портной. Особенно бросался в глаза край белоснежного платка в нагрудном кармане. Кьян держался на расстоянии и был готов в любую секунду дать деру.

— Чем могу помочь?

Я еще раз внимательно осмотрел его, прежде чем сказать:

— Я по одному делу.

Кузнец приготовился бежать. Я улыбнулся самой доверительной улыбкой и пояснил:

— Хочу купить этот меч.

Я сказал купить, но только сейчас задумался над финансовой частью этого предложения. У меня не было ни гроша. И я сильно сомневался, что мне ссудит денег барон или кто-либо еще.

Теперь настала очередь Кьяна оценивать меня. Он прошелся глазами по облегающему наряду и видимо догадался, что денег у меня нет, так как единственная выпуклость на коротких штанах не походила на кошелек.

— Этот меч стоит дорого.

Я пошел ва-банк, и заговорщицки осмотревшись, прошептал:

— Я все знаю про тебя и про нее. Если ее отец...

Кузнец побелел. Я попал в цель. Нельзя дать ему опомниться и все отрицать. Надо подарить ему надежду.

— Но я никому не расскажу, — подмигнул я. — Наоборот, мне будет приятно помочь вам. Любовь — это так прекрасно!

Я положил меч, взял кузнеца под руку и затащил в дальний угол.

— Скажите, что я могу для вас сделать?

Кьян, кажется, пришел в себя. В глазах загорелась искорка надежды.

— Если ее отец узнает, он с меня шкуру спустит. Я никому не могу доверять, но если ты все и так знаешь, то помоги, — он взглянул на меня щенячьими глазами, — помоги нам.

Готов. Считаем, что меч у меня в кармане.

— Все что угодно, — уверил я влюбленного.

— Тогда... была не была. Мы любим друг друга. Хватит пустых перегибков. Пора нам встретиться, — затараторил кузнец, схватив меня за рукав. — Возьми этот платок, чтобы она знала, что ты от меня, и скажи, что я буду под нашим дубом на закате. Она как раз сейчас будет прогуливаться вдоль реки. Помогите нам, и я в долгу не останусь.

— Как мне быстрее добраться? — спросил я в надежде понять, кого и где нужно отыскать.

— Сразу за воротами слева от дороги идет тропинка. Иди по ней до реки, а там увидишь.

Огромное спасибо за ЛАЙК! СПАСИБИЩЕ за РЕПОСТ!!!

Я легко нашел тропинку и довольно скоро вышел к реке. Как мне помнится, слева был Шатодар — земли барона Кетлуана, а справа на другой стороне небольшой речушки — имение Суарекон барона Фарбера. Я заметил одинокий дуб на берегу — это и есть место, где должна прогуливаться возлюбленная кузнеца. Осталось передать послание и меч у меня в кармане. Легкая работа.

Зайдя в тень листвы, я осмотрелся. Со стороны барона Фарбера зеленели сочные луга. В небе кружил дракон — местный герой. Он играл с молодым бычком, как кошка с мышкой: гонял, ловил, подбрасывал, трепал и снова отпускал. Я внимательно проследил за его выкрутасами и вздохнул. Придется потрудиться, чтобы завалить такую птичку.

В имении барона Кетлуана на лужайке молоденькая крестьянка посла коз. Больше никого видно не было. Выбор невелик. Я сорвал жменю полевых цветов и направился прямо к пастушке. Завидев меня, она перестала есть щавель. Козы тоже замерли с травой во рту.

— Здравствуй, красавица.

Я обворожительно улыбнулся и выставил перед собой волшебный букет цветов. Насколько я знаю, он должен был развеять все сомнения и расположить ко мне девушку, а то и сразить ее наповал. Но чуда не произошло. Крестьянка. Что тут попишешь? Пастушка внимательно изучила мой наряд и попятилась.

— Не бойся, — успокоил я. — Вот твой платок. Мне его дал твой друг.

Но девушка испугалась еще больше и побежала прочь. Козы заблеяли, шарахнулись в разные стороны.

Ничего не знаю. Мне нужен этот долбаный меч. Я вмиг поймал беглянку, закрыл рот ладонью, чтобы не слышать визг и спокойно сказал:

— Ты знаешь кузнеца Кьяна?

Пастушка замотала головой.

Не дурак. Все понял. Отпустил девку и вернулся к дубу. Она что-то кричала вслед, но я не слушал. Дракон все еще резвился на сочных лугах и похоже чувствовал себя отлично в гостях у барона Фарбера. Я стал присматриваться к нему повнимательней. Я чувствовал, что боги сейчас замерли на небе. Они ждали, грызли ногти от предвкушения кровавой битвы. Сердце засветилось у меня перед глазами. Оно мое! Я знал это.

Я шагнул в поток холодной воды — и отрезвел. Какое к черту сердце? Дракон в поле, и я с голой жопой! Так себе расклад. Ноги приятно омывало проточной водой. Светило солнце. Пели птицы. Я понял, что спешить не стоит. У меня еще двадцать восемь дней.

Я напился из реки, вытер рот кулаком и увидел в сиянии солнца белоснежную принцессу. Сомнений не было. Это она. Я перешел реку, рванул жменю полевых цветов и двинулся прямо к божественному явлению в сопровождении двух служанок. Завидев меня, девушки остановились. Я нацепил на лицо самую искреннюю радость и припал на колени, выставив волшебный букет. Сразу видно, люди образованные — клюнули. Заулыбались. Закокетничали. Приняли меня наверно за кого-то.

— Благородные рыцари не выскакивают из кустов, как разбойники, — засмеялась принцесса. — Кто вы, я не видела вас раньше?

— Гур — рыцарь золотой кузни, — представился я, в надежде, что она поймет намек.

В ответ раздался веселый смех. Я встал. Глаза принцессы плавно сползли с букета цветов на облегающие штаны.

— О! А меня зовут Эльбель, я дочь барона Фарбера, — выдохнула она и обратилась к служанкам: — Оставьте нас. Рыцарь золотой кузни не даст меня в обиду. К тому же, наш герой тут.

Я посмотрел на дракона. Он уже замучил бычка и таскал безжизненное тело по полю.

— Не волнуйтесь, прекрасная Эльбель, — я взял ее под руку, играя мышцами, — лучшего защитника вы вряд ли найдете.

Она была бы красива, если бы не нос — острый, загнутый, что кайло. В остальном же дочь барона была очень даже ничего: длинные золотистые волосы, большие зеленые глаза, алые губки, широкие бедра, осиная талия и пышный бюст. Мои штаны изрядно напряглись — того и гляди лопнут. Еще и она подливала масла в огонь, откровенно посматривая туда.

Мы обменялись парой каких-то нелепых фраз, посмеялись, и я вспомнил о кузнеце. Рядом с нами никого не было. Служанки ушли обратно, а дракон куда-то подевался.

— Знаком ли тебе этот платок? — спросил я, выхватив его из кармана, словно фокусник.

— Да, — она подняла брови от удивления, — это мой платок. Я его потеряла неделю назад. Где ты его нашел?

— Мне дал его один кузнец.

— Какой кузнец? — скривилась она.

— Кьян из Грунвида.

Дочь барона Фарбера побелела от злости и чуть не тюкнула меня своим кайлом.

— Я поняла. Это тот идиот, который сидит под дубом с удочкой. Он все смотрит на меня как больной. Наверно я потеряла платок, а он залез на наши земли и украл его. Если я еще раз его увижу — убью!

До меня стало доходить. Кьян решил, что Эльбель специально бросила платок для него. Вот болван. Насочинял себе черт знает что. Влюбленные видят то, что хотят увидеть. Свидание отменяется. Но мне нужен меч. Требовался новый план.

— Дурацкий платок, — Эльбель выбросила его и осмотрелась по сторонам. Никого в округе не было. — Забудем о нем. Давай присядем вон под теми кустиками.

Я не возражал. Мы удобно улеглись на сочной травке.

— Знаешь, — сказала Эльбель, — Мне так не хватает ласки.

Намек понял! Я вмиг избавился от куртки и схватился за штаны, чтобы они не лопнули и замер. Из-за кустов вышли трое крестьян. У двоих в руках были кинжалы. Третий достал из-под плаща веревку и мешок. Они явно не за клевером для кроликов пришли. Эльбель завизжала.

— Мужик, твоя смерть нам не нужна, — сказал один из нападавших. — Можешь уйти.

Дочь барона Фарбера посмотрела на меня круглыми зелеными глазами.

Огромное спасибо за ЛАЙК! СПАСИБИЩЕ за РЕПОСТ!!!

Брошь в форме змеи

Какое мне дело до местных разборок? Может это кровная месть, может Эльбель хочет похитить тайный любовник или убить ревнивый муж? Мне-то что? У меня своя цель. Не разве я мог ее бросить тут одну? Я схватил куртку, чтобы не показывать коготь и встал между бандитами и девушкой. Воин, нечего сказать.

— Вот болван, — прорычал бородатый крестьянин с кинжалом и бросился на меня.

Я прыгнул навстречу. И пошла кутерьма. Боги любят веселье. Бородатый не ожидал от меня такого и даже не успел замахнуться, как коготь впился ему в горло. Брызнула кровь. Крестьянин зашамкал что-то, выпучил глаза, выронил клинок и схватился за шею. Эльбель завизжала еще сильнее.

Подбежал второй — светловолосый дылда — и ударил кинжалом. Я отскочил, но кончик лезвия обжег грудь. В душе вспыхнул огонь. Я уже не мог отступить. Сжав зубы, я атаковал. Коготь просвистел у самого носа бандита. Он увернулся и сделал ложный выпад. А я-то не играл с ним в игры. Я пер вперед, и слева завинтил ему кулаком в челюсть. Дылда растянулся на земле. Ему на помощь подоспел третий. Он накинул веревку мне на шею и стал душить. Дурень. Он не знал о смертоносном когте. Одним движением я вспорол ему брюхо и инстинктивно засунул руку в рану. Бандит заорал, но где ему перекричать Эльбель. Она голосила, что сирена.

Светловолосый детина вскочил и дал деру. Я не стал гнаться за ним. Зачем? Боги и так довольны. Они получили что хотели. Я знаю это. Дочь барона, наконец, замолчала, и стали слышны стоны умирающих.

— Кто это был? — спросил я, прижимая куртку к ране.

— Скоты чертовы! Твари поганые! Ублюдки хреновы! — закричала она вслед убегающему.

Я стал шарить по карманам убитых. Они были абсолютно пусты, словно специально. Единственное, что удалось найти — это брошь для плаща в форме змеи.

Подошла Эльбель и спросила:

— Ты ранен?

— Царапина, — ответил я как истинный рыцарь-герой.

— У нас лучший лекарь во всей округе. Он тебя за два дня поставит на ноги. Идем, — она схватила меня за руку.

Я аккуратно освободился. Нельзя мне к врачу в стан врага. Боги меня вылечат гораздо быстрее ваших настоек на подорожнике.

— Прекрасная Эльбель, — я поцеловал ее руку, — сейчас сбегутся все твои няньки, и нам будет скучно. Вечером на закате я буду ждать тебя под тем дубом.

Она шлепнула меня по заду.

— Не опаздывай. Тебе полагается вознаграждение.

Я надел плащ, прихватил кинжал и показал ей брошь:

— Ты когда-нибудь видела такое?

Девушка покачала головой, и я быстро пошел прочь. Эльбель закричала служанкам и скрылась за кустами.

Рана болела, и казалось, что с меня стекает кожа. Куртка насквозь пропиталась кровью. Она капала большими каплями на землю, текла по ногам. Мне надо было срочно лечь и поспать. Я знал: боги излечат меня, как только мне удастся заснуть. В глазах пошли черные круги. Уши заложило. Еще чуть-чуть и я отключусь.

Холодная вода в реке немного взбодрила и дала сил добраться до кустов ивы. Там я упал, закутался в плащ и вырубился.

Сколько проспал, не знаю. Но когда очнулся, то увидел перед собой огромные глаза, рога и чавкающую слюнявую морду. Я вскочил, — и коровы шарахнулись в стороны, чуть не затоптав пастуха — мальчугана лет восьми. Рана полностью затянулась, и на ее месте был только белый шрам на память. Я взглянул на солнце: время еще есть. В Гринвуд.

Кьян ждал меня в дверях. Он даже работу забросил, так ему не терпелось узнать новости.

Не стоит пока говорить ему всю правду. Он еще понадобится. Влюбленный поверит в любые сказки, решил я и сходу сказал:

— На нее напали, но слава богам, я оказался рядом...

— Что с ней? — перебил кузнец.

— С ней все в порядке. Но если бы у меня был меч.

— Он твой. Я хочу увидеть ее.

— Тише. Придется подождать. Ее отец в гневе. Она просила, чтобы ты не появлялся возле дуба. Иначе она боится, что тебя убьют солдаты.

Кьян приуныл.

— Барон Фарбер ревностно следит за своей землей. Она сказала что-нибудь еще?

— Любит и ждет встречи.

Кузнец ахнул, открыл рот, глаза заблестели.

— Но просит подождать и не ходить к дубу.

— Готов ждать хоть вечность.

С него достаточно, а то еще головой стукнется о потолок, взлетая на крыльях любви. Я взял меч и пообещал держать его в курсе событий. Уходя я показал брошь.

— Что скажешь об этом?

Он повертел ее в руках и пожал плечами:

— Обычная застежка в форме змеи.

С улицы донесся рев огра.

— Что это раскричался ваш герой, — спросил я.

Кьян посмотрел на меня очень недобрым взглядом.

— Ты конечно друг мне, — сказал он, — но тебе нельзя спрашивать меня о герое. За такое вышвыривают из замка, но... ты мне друг, ты доказал, что не шпион. Только впредь не делай так.

Я уверил его в случайности своего вопроса и попрощался.

Проклятый огр топал по травке у противоположного конца двора, жевал коровью ногу и сотрясал воздух громкими откровениями из прямой кишки. Воняло так, что мухи передохли. Все окна и ставни в замке были закрыты. Никого в округе видно не было. Несварение желудка у людоеда — это, скажу я вам, не понос у воробья. Тут не отделаешься брезгливым фи. Тут можно потерять чувство прекрасного и навсегда поломать психику, глядя как огр дрыщет на ходу и тут же ест мясо.

Но я не из робкого десятка. Видал разные вещи. А совсем не лишне посмотреть на врага.

Уж я-то знал, мы спляшем с ним и очень скоро.

Выйдя за ворота, я зашагал к своему замку. До заката было еще далеко, и мне хотелось разузнать что-нибудь об этой чертовой броши. Она не выходила у меня из головы.

Фуас выбежал мне навстречу и набросился, словно сварливая жена. Ему бы еще скалку в руки.

— Ты где был? Откуда у тебя меч? Этот плащ? Ты ограбил кого-то!

— Дыши глубже, хранитель. Я чист как стекло. Все честно заработано, и одна принцесса спасена. Кстати, мне нужна обувь, и нет ли у тебя рубахи и штанов пошире?

— Ты больше не покинешь замок!

— Спокойно, мамочка, я уже большой мальчик и сам решу, что мне делать. — Я достал брошь. — Скажи лучше, видал ли ты такую безделушку раньше?

— Откуда она у тебя? Змея — знак барона Валлуга из Моасада.

Я свел брови.

— Барон Валлуг пытался выкрасть дочь барона Фарбера. Хранитель Фуас, игра уже началась. Я намерен победить. И либо ты со мной, либо я обойдусь без хранителя.

Фуас сжал губы ниточкой и проговорил сквозь зубы:

— Я поищу сапоги и остальное.

Я улыбнулся. Теперь я не один. И у меня будут сапоги! Но время шло. И солнце уже коснулось каменной стены замка.

— Некогда с тобой лясы точить, — сказал я. — У меня свидание с принцессой...

— С дочерью Фарбера? — перебил Фуас.

— Да. Хочу узнать побольше о драконе.

По размеру нашлись только растоптанные сандалии. Сойдет. Все лучше, чем босиком бегать. Так же хранитель принес штаны и рубаху. Я приделся, завернулся в плащ, нацепил меч и двинулся на свидание.

Ждешь проду? ЛАЙК и РЕПОСТ ускорят ее выход!

Убийственная страсть

В назначенное время я как штык был на месте с букетом полевых цветов. Принцесса опаздывала. Солнце уже спряталось за горизонтом, багровое небо потемнело, и в наползающей тьме засверкали первые звезды. Я подумал было, что меня обманули, как из полумрака выплыла Эльбель. Я узнал ее по длинному загнутому носу.

Она отшвырнула прочь цветы и набросилась на меня, словно львица. Опытная женщина. Я бы даже сказал, профессионалка: не испугалась размера, быстро добилась своего и ублажила меня.

Мы лежали и смотрели в звездное небо.

— Это еще не все, — сказала она. — Я приглашаю тебя на ночную прогулку.

Я хмыкнул. Она жарко шепнула в ухо:

— Я хочу повторить это в одном месте.

Почему нет? В одном месте, в другом месте. Я люблю разнообразие.

Когда совсем стемнело, мы пошли в сторону замка. Я предполагал, что тайное желание Эльбель будет что-то вроде секса на постели родителей или на сеновале, но мы спустились в подвал. Тут было сыро, холодно, воняло плесенью и квашеной капустой. С потолка капало. Слышались шорохи и странные звуки, будто по полу катают бочку.

— Уже скоро, — прошептала дочь барона.

И действительно, за следующим поворотом она остановилась. Мы оказались в огромном помещении на балконе. Он шел вокруг круглой ямы. Я заглянул за бортик: внизу мирно спал дракон — герой барона Фарбера.

Вот так встреча. Как говорится, среди шумного бала. Я задышал сильнее. Руки зачесались. Боги на небесах оживились. Чувствуют, как затрещал наэлектризованный воздух, как запахло кровью. Всего-то надо перепрыгнуть через бортик и вонзить меч в спящую тушу.

Эльбель задрала платье и положила локти на бортик.

— Сделай это сзади, — сказала она.

Эта чертовка хотела смотреть на дракона. Думать, что это он пыхтит за спиной. Она жаждала его — своего героя. Я не смог устоять. А что? Два блюда лучше одного. А если честно, то я напрочь забыл о драконе, как только увидел аппетитные округлости.

Я пришел в себя только когда Эльбель вскрикнула в блаженном экстазе. Дракон проснулся. Все, мамаша, яйца стухли. Я получил хороший урок: думай головой, а не хреном.

— Я устала, — прошептала дочь барона. — Дорогу сам найдешь? Нет, погоди, тебя могут принять за разбойника. Идем, я выведу через потайной ход за стену замка. Там дойдешь сам, не маленький.

Я не сопротивлялся и не задавал лишних вопросов в надежде попасть сюда еще раз. Эльбель потащила меня по лестнице вниз, проводила в коридор и закрыла за спиной железную дверь на ключ. Я остался один в темном туннеле. Вариантов немного, не заблужусь. Повернув за угол, я вошел в логово дракона.

— Ты извини, — крикнула с балкона Эльбель, — Герой голоден, а ты всего лишь человек.

Так я усвоил еще один урок: не доверяй женщинам, особенно носатым.

Пришлось унять ненависть, заткнуть в глотке все слова, которые вмиг родились в сердце, и взять себя в руки.

Дракон втянул ноздрями воздух, фыркнул и поднялся. Ну и громадина — что слон с крыльями. Я осмотрелся. Обитель бестии была круглой, как бочка. В стене чернели два прохода: тот, через который зашел я, и за спиной крылатого монстра — большой выход наружу. Но это после. Боги желают крови. На свежий воздух выйдет лишь один из нас. Меня пригласили потанцевать, разве можно отказаться?

Дракон затряс головой. Эльбель захлопала в ладоши. Я выхватил меч — и бросил на землю.

— Принцесса! — я преклонил колени. — Я полюбил тебя с первого взгляда. Я сражался за тебя и умру за тебя.

Дракон приблизился, клацнул зубами. В лицо ударил запах тухлятины и болотной тины.

— Ты покорила меня своей красотой, — продолжил я прощальную речь. — Дозволь полюбоваться на тебя еще раз перед смертью.

Эльбель высунула нос за перила. В свете единственного факела он бросил тень на всю стену. Крылатый зверь подошел вплотную и облизнулся.

— Эта смерть для тебя, — сказал я — и всадил коготь тварюге в левый глаз.

Крылатый монстр взвыл, но писк дочери барона заглушил дикий крик боли. Я прыгнул в сторону. Вовремя. Дракон ударил в то место, где я секунду назад читал речи. Он завертелся, нанося бессмысленные удары куда попало. Поднялась пыль. Это мне помогло укрыться в проеме. Выждав удобный момент, я подбежал и схватил меч. Теперь другое дело. Дракон понял свою ошибку и, не смотря на боль, успокоился. Я вернулся во тьму коридора.

Зверь попятился и закрыл задницей выход. Кровь заливала каменный пол. Эльбель верещала сиреной. Времени не было. Через минуту сбежится пол замка и тогда конец.

Я вышел из укрытия. Дракон повернулся ко мне левым глазом. Как тут не воспользоваться таким преимуществом? Я пошел по дуге справа. Бестия стала поворачивать голову, чтобы не упускать меня из виду. Это блокировало левую лапу и создавало дополнительные неудобства — то, что мне и надо. Я махнул клинком, не надеясь достать врага, а скорее почувствовать дистанцию. Дракон огрызнулся когтистой лапой — тоже по воздуху. Затем он попытался укусить меня. Ему пришлось развернуть голову, и я оказался в слепом пятне. Я рубанул — клинок глубоко вошел в плоть, раскрыл длинный нос, рассек губу — и отскочил. Зверь пришел в ярость, бросился вперед. Пришлось дать деру. Вновь поднялась пыль.

И тут до моих ушей донесся лязг металла и топот ног. Спускались солдаты. Я увидел черную дыру в стене — выход. Надо было выбирать: уйти или взять сердце. Надо ли говорить, что избрал я?

Развернувшись лицом к врагу, я вскинул меч над головой и ринулся в атаку. Лоб в лоб — проигрышный вариант для меня: я гораздо меньше дракона. И когда когтистая лапа поднялась для удара, я швырнул что есть мочи двуручный меч. Лезвие вошло в тело дракона по рукоять. Но он успел ударить — меня смело, шандарахнуло о стену. В глазах помутнело, в ушах зазвенело. А, нет. Это звенели сапоги солдат. В глазах не муть, а пыль. Но грудь горела огнем, текла теплая густая кровь по животу. Сейчас бы передохнуть. Сверху отчетливо слышались голоса. Завопила Эльбель:

— Вон он! Стреляйте в него!

Я прыгнул к дракону. Он дергал ногой и облизывал свою кровь с пола. Схватив двумя

руками, я вырвал клинок и всадил гадине в брюхо. Одним движением разрезал и нырнул вовнутрь. Застучали стрелы, а я шарил руками в склизких потрохах. Наконец, рука нащупала твердый кристалл — сердце! Некогда думать над улучшениями. Мне надо поскорее убраться отсюда. Выбор очевиден — скорость. Я сжал вожаденный алмаз и даже тут, в утробе дракона, увидел свет.

Солдаты ахнули. Эльбель взвизгнула, а я выбежал, словно ветер.

А в другой вселенной

— Что за обнаженно-недоэротичные сцены? — фыркнула Октябрина Владленовна. — Почему он размахивает причиндалами перед девушками? Я уж не говорю про забавы с принцессой рядом с драконом!

Все молчали. Нужны ли ответы на такие вопросы? Оправдывать Сашку за то, что он делает бессознательно, практически во сне? Виталий Борисович просто открыл вторую бутылку пива и сделал смачный глоток. А Ульяна Исааковна часто моргала, не понимая, злиться ей, возмущаться или радоваться за сына, что он так ловко все провернул и заработал сердце. Но независимо от своих мыслей, каждый косился на Аньку. Это ведь ей изменял Сашка. Но вопреки ожиданиям, она радовалась, как будто ничего и не было с Эльбель. Это ведь только сон. Надо ли устраивать сцены за сновидение?

Тишину нарушила бабушка:

— Какая-то фантастика с легким налетом извращения, или посредственная эротика в фэнтези мире. Срань господня.

Ульяна Исааковна решила сменить тему.

— И надолго это? — спросила она. — Сашка хоть завтракал?

— Да, — ответила Анька, — он набил полное брюхо перед игрой. Но вы не волнуйтесь, в шлеме стоят датчики жизнедеятельности, и если здоровье будет под угрозой, Сашку просто выкинет.

— А сколько будет идти игра? — спросил Виталий Борисович.

— До последнего игрока.

Папа присвистнул.

— Тогда я схожу еще за пивом.

— Может хватит уже? — резко бросила Ульяна Исааковна.

— Я футбол смотрю всегда с пивом, а это лучше чем футбол!

— Тут не поспоришь, — сказала мама и махнула рукой. — Бери и мне баночку, а лучше две.

— Я мигом! Сашка, держись!

Виталий Борисович вскочил и побежал одеваться.

— Стелка! Твою мать! — донеслось из коридора. — Опять мне в ботинки нассала, тварь!

Кошка, едва слышав свое имя и почуяв, чем пахнет расплата за маленькую шалость, молниеносно прыгнула с ног Аньки и, царапая древний паркет, скрылась под кроватью. Ее мало интересовало происходящее на экране, а поспать можно и тут. Потом, когда забудется мокрое дело, можно будет выйти и подлизаться к хозяйке, а она уж защитит от этого вонючего крикливого толстяка. Подумаешь, немного исправила вонь от ботинок. Чего он разорался-то? И не такое делала раньше.

На мониторе плавно покачивалась проселочная дорога и кивали клены — Сашка шел в свое имение. Квакали лягушки. Стрекотали насекомые. Можно было отдохнуть и посмотреть, наконец, сайт игры. А там творилось такое! Счетчик пользователей мотал, что заведенный. Он уже насчитал за десять миллионов человек, смотрящих трансляцию. Форум

больше походил на чат: темы плодились как грибы после дождя, и тут же обрастали тысячей комментариев. Уследить за чем-то было просто нереально.

Анька нашла Сашкину группу. Тут пока было не густо: всего-то двадцать три зрителя. У других — сотни, тысячи. Там идет обсуждение, все наперебой хвалят своих кумиров, а тут — тишина. Всплыла реклама героев с самыми большими рейтингами. Все как на показ — с внешностью кинозвезд в реальном мире, а вот в игре как раз наоборот — сплошь монстры.

Анька вышла в общий поток и стала читать первые попавшиеся темы. Это больше походило на птичий базар, чем на общение людей: стоял такой буквенный галдеж, будто накануне все наелись селедки с молоком. Кто ругался, кто спорил, кто издевался, кто умничал, кто угрожал, что вычислит оппонента по ip, кто пытался взломать игру и передать своему герою нужную информацию. Последних в один голос предупреждали не делать этого, ссылаясь на пункт лицензионного соглашения № 9, в котором было написано, что при попытке взлома система аварийно выведет человека из игры, а это может быть опасно для здоровья.

Тем временем на экране картинка изменилась.

Я вернулся в свое имение к утру. Вопреки ожиданиям в замке никто не спал. Ворота открыл кузнец-трубочист и закрыл за спиной на тяжелый засов. На мои расспросы относительно доспехов он сказал, что сегодня плохой день для этого.

— Поспеши, тебя ждет хранитель, — сказал он и скрылся в кузне.

Фуас выбежал мне навстречу.

— С тобой все в порядке? Мы думали, тебя уже нет в живых!

Я резко прыгнул из стороны в сторону, показать, что я не только жив, но и прекрасно себя чувствую с новой способностью быстро двигаться.

— Осталось двадцать восемь героев, — похвастался я.

Хранитель не смог сдержать улыбки, но тут же опять свел брови и сказал:

— Ночью кто-то залез в твою комнату.

— Брать там нечего, — отмахнулся я. — И это все?

— Идем, я покажу тебе кое-что.

Мы поднялись в мою холодную нору с койкой и маленьким окном под потолком. В комнате действительно кто-то побывал. Все было перевернуто верх дном. На полу чернела лужа крови, валялись перья.

— Ночью стражник услышал шорох, — стал рассказывать Фуас. — Он знал, что тебя нет в замке, и решил проверить. Его нашли тут, — хранитель показал на лужу крови.

Дело приобретало серьезный оборот. За меня тоже взяли. Остаюсь я в замке в компании пары кувшинов вина — и все.

— Смотри, — Фуас показал дрожащей рукой на открытое окно.

На раме отчетливо виднелись следы когтей и слизь. Я взял на палец склизкую соплю, потер, понюхал — ничем не пахло. Затем осмотрел царапины: не глубокие, кривые, словно тот, кто их оставил, страдал от тяжелого похмелья. Я поднял с пола подушку: она была разрезана чем-то острым. Выглядело все очень странно.

— Я хочу взглянуть на труп.

Фуас пожал плечами и сказал:

— Он в подвале.

Мертвый стражник лежал на столе, накрытый покрывалом. Я откинул край и взглянул бедолаге в лицо: на нем застыла гримаса злобы и ненависти. Это был смелый парень, раз так смотрел в лицо смерти. Он не побоялся монстра, а боролся за свою жизнь, но проиграл.

Я стащил покрывало. В левом боку, между пластинами нагрудника чернело пятно крови. Избавив покойника от панциря, я задрал рубаху и взглянул на рану. Это была глубокая широкая дыра. Выжить после такого не смог бы никто.

— В замке есть лекарь? — спросил я.

Хранитель неуверенно проговорил:

— Я занимаюсь этим.

— Скажи, что убило его.

— Рана нанесена острым загнутым предметом. Возможно это отметина от зуба или когтя.

— Послушай, Фуас, — серьезно сказал я.

— Хранитель Фуас.

— Неважно. Чей герой выиграл в прошлом году?

— Барона Валлуга.

Я достал из кармана брошь с изображением змеи.

— Его люди хотели похитить дочь барона Фарбера. А теперь это... Скажи, кто побеждал последние пять лет?

— Уже на протяжении десяти лет — только два самых влиятельных дома Бангшира. Это Валлуга и Куэмо.

— Ты смотрел бои?

— Конечно. Разве можно пропустить такое событие!

— Расскажи о героях Валлуга и Куэмо.

— На стороне первого обычно мерзкое ядовитое пресмыкающееся, а у второго — кальмароподобный монстр.

Рана у стражника была похожа на укус огромной змеи. Я взглянул прямо в глаза Фуасу и сказал:

— У вас погибали герои до праздника?

— Д-да.

— Мне нужна другая комната.

— Конечно. Я уже распорядился. Идем, я покажу, — хранитель потащил меня к выходу.

Мы зашли в отдаленную часть замка, и Фуас показал отличную спальню с огромной кроватью, камином, креслами и книжными шкафами.

— Тут будет гораздо комфортнее, — хранитель подошел к окну, — и вид превосходный.

Я прыгнул на кровать и сказал:

— Мне нравится. А сейчас оставь меня. Я смертельно устал.

Фуас вышел. Мне действительно надо было отдохнуть, но я никак не мог заснуть и все время думал о случившемся. Я понимал, что это только начало. За мной придут, но не сейчас — ночью. Значит надо достойно встретить гостя. У меня родилась одна идея, и сон как рукой сняло.

Я отыскал барона. Он как раз проверял запас вина в погребе. Мы опробовали несколько сортов и, подобрев, Горлмид распорядился выдать все, что я только пожелаю. Зигруд проводил меня в оружейную. Я не сильно разграбил скудный запас оружия, прихватив лишь самое нужное. Затем вернулся в свою маленькую конуру. Служанки уже вымыли кровь и заменили постель, но я все равно обнаружил много интересного. Во-первых, окно открывалось только изнутри, а я не помню, чтобы оставлял его открытым. Во-вторых, эта комната совершенно неприступна, словно сейф. Не то что моя новая с огромными окнами и камином. Первое нападение — только спектакль, чтобы выманить меня. А это значит, что в замке был предатель.

Я собрал вещи и перетащил их в просторную спальню. В кровати приготовил сюрприз незваному гостю и пошел в банкетный зал, где, носом чувствовал, намечается пьянка.

Я не ошибся. Но пиром это нельзя было назвать. Так, сидели, молча пили. От скуки я сходил к кузнецу, снова поплескал его в воде, дал оплеуху и сцепился с одноухим. До него все никак не доходило, что я остаюсь в замке. Я врезал ему пару затрещин и вернулся за стол. Ближе к вечеру все это надоело, и я пошел спать в свою первую маленькую комнату-сейф, никому не сказав об этом.

Крыса в доме

Я проснулся от криков, лязга оружия и топота сапог. За окном было темно. Похоже, мышеловка сработала. Вряд ли она убьет незваного гостя, но точно отобьет охоту лазить по ночам ко мне в гости.

В новой спальне толпились солдаты. Протолкавшись через стражников, я громко сказал:

— Не волнуйтесь, я просто ходил отлить. А что тут у вас?

Все обернулись.

— Ты жив?! — удивленно воскликнул Фуас. — Слава богам, ты жив!

— Гур! Наш герой! — рассмеялся барон Горлмид.

Даже Зигруд, лысый дылда и одноухий, кажется, были рады мне. Я подошел к постели. Подушки, которые я аккуратно закрутил в одеяло, чтобы придать ему форму спящего человека, были разорваны в клочья. Арбалет сломан, будто его разрубили топором. Стрелы не было. А самое главное, на полу была лужа крови. Я усмехнулся, представив, как этот говнюк схватил стрелу.

Кровавый след вел к камину. Он совсем недавно переделывался, о чем говорила свежая кладка. На кирпиче остались отметины от когтей. На этот раз они были настоящие.

— Кто делал камин? — спросил я.

— Кузнец, — ответил Фуас.

Его среди собравшихся не было. И он совсем не хочет заниматься моими доспехами. Как минимум, это странно.

— Родор? — воскликнул барон. — Причем тут он?

— В комнату залезли через трубу, — пояснил я.

Похоже, хозяин замка был вообще не в курсе, что тут происходило. Я решил посвятить его, а заодно и посмотреть на реакцию остальных. Я сам-то не сильно верил в то, что к этому причастен вечно пьяный трубочист. Но поговорить с ним надо. А пока я решил действовать прямо.

— Барон Горлмид, — громко сказал я, — в этой комнате находится предатель.

Собравшиеся зашумели.

— Что ты несешь?! — воскликнул Зигруд.

— Вот урод! — крикнул одноухий, явно нарываясь на леща.

— Успокойся, — зашипел на меня Фуас, — ты бросаешь серьезные обвинения. Так нельзя. Опомнись.

— Предатель? В моем замке? — барон осмотрел собравшихся и усмехнулся. — Ты что-то напутал спьяну.

— Вчерашнее нападение, — холодно сказал я, когда шум утих, — подстроено. Никто не залазил через окно. Кто-то из вас, — я обвел всех взглядом, — зашел в комнату через дверь, разрезал ножом подушку, расцарапал и намазал соплями оконную раму. Но его услышали. Стражник зашел и был убит загнутым кинжалом. Я хочу посмотреть на ваше оружие. Выньте свои ножики.

Зигруд гневно воскликнул:

— Он стоит тут и обвиняет нас в убийстве!..

— Такой кинжал я видел у Родора, — перебил его Фуас.

— Это смешно, — сказал барон. — Я знаю Родора с детства. Он вырос вместе со мной.

Он не может так поступить.

Зигруд тоже вмешался:

— Может он и пьяница, но не предатель.

Даже одноухий влез, хотя его никто не спрашивал:

— Это не Родор.

Не вежливо обсуждать человека за глаза.

— Сейчас приведу вашего беспорочного дружка, — сказал я и пошел в кузницу.

Кузнец-трубочист спал возле поленницы, а рядом валялся вечный спутник — пустой кувшин. Я проделал с ним обычную процедуру окунания в кадуюшку с водой и потащил в замок.

При свете свечей и грозных взглядах собравшихся он пришел в себя.

— Где твой кривой кинжал? — строго спросил Зигруд.

— Я его потерял, — спокойно ответил кузнец после долгого блуждания глазами по стенам.

— Ты переделывал камин?

— Я.

— Зачем?

— Он дымил.

— Кто тебя просил это сделать?

— Я, — сказал барон. — Камин дымил, и я попросил Родора посмотреть. Он все сделал. Сейчас дыма нет.

Это тупик. Обвинять барона Горлмида в покушении на собственного героя — совсем абсурдно. Но это не конец. Предатель не остановится. После такого сюрприза для хозяина, ему придется постараться.

— Гур погорячился, — Фуас пожал плечами. — Ему все привиделось. Знаете, как бывает...

Я не возражал. Доказывать ничего не надо. Все меня поняли. И предатель понял. На самом деле на него мне было глубоко плевать. Меня интересовал герой, который отхватил стрелу. Ведь я не единственный, у кого он пытается забрать сердце. Сидеть и пить вино с бароном хорошо, но тогда на арене не будет шансов. Арена в день великого праздника — финал двадцати девяти дневной охоты за сердцами. Кто наберет больше сейчас — тот и войдет в портал. А мне туда надо. Ой, как надо!

Я разогнал толпу — сыграл дурачка, мол, все это лишь мои подозрения. Затем напомнил кузнецу о доспехах. Он уверил меня, что завтра все будет готово. К тому времени совсем рассвело. Крестьяне вышли на работу в поля, а я прихватил кувшин вина и направился в Гринвуд навестить Кьяна. Надо было узнать побольше о герое барона Рочера. Я вышел на охоту.

Огромное спасибо за ЛАЙК! СПАСИБИЩЕ за РЕПОСТ!!!

Кьян выбежал мне навстречу, как мальчишка к отцу, идущему с ярмарки.

— Что произошло в замке барона Фарбера? — он схватил меня за рукав. — Ты слышал что-нибудь? У нас болтают, что на них напали.

— Напали? — Я затащил Кьяна в кузню и достал кувшин вина. — Расскажи подробнее.

Он поведал какую-то нелепицу про разбойников, но об убитом герое — ни слова. Затем кузнец полностью переключился на Эльбель, и его стало совершенно невыносимо слушать. Но я терпел и поддакивал, тогда как Кьян пускал слюни, описывая неземную красоту возлюбленной. Я молчал, даже когда он восхвалял аристократичность носика — этого кайла, которым можно выколоть глаз, целуясь в темноте.

Представьте себе, он пел дифирамбы ее целомудрию. Мне даже стало жаль его, и я хотел все рассказать, но вовремя остановился. Вряд ли он тогда захочет видеть меня. А тут я еще не закончил. Жирдай-огр был где-то рядом. Боги ждут, что я вскрою брюхо людоеду. Я знаю их. Но мои намеки на героя оставались без внимания. Кузнец как будто не слышал, что я говорю и лопотал свое. Тогда я заговорил про доспехи, и тут уже Кьян отвлекся от своего божества во плоти.

— Есть очень хороший мастер в столице. Я его прекрасно знаю, так что, если ты скажешь, что пришел от меня, он не откажет. Но его работа стоит дорого.

— Деньги не важны, — сказал я, совершенно не думая о том, где их взять.

— Его зовут Накмиб. Найти мастера просто: в квартале ремесленников его каждая собака знает.

Вино кончилось.

— А не пойти ли нам в таверну? — я хлопнул по плечу Кьяна.

Работать тот уже не собирался и с радостью принял мое приглашение.

Трактир «Одноногий конь» находился на перекрестке дорог, которые вели к четырем имениям в округе: Мелавуд, Гринвуд, Шатодар и Суарекон. Дело шло к обеду, и народу было мало. Мы сели за столик в центре зала. Кьян тащил меня в угол, но я не люблю прятаться по углам как таракан. Мы заказали вина с сыром, и кузнец продолжил любовную трель. Я терпеливо слушал. Завоевать дружбу можно только позволяя человеку выговориться. Кто не любит, когда его слушают?

Так прошло насколько часов. Вечерело. В зале стало больше людей. Вино закончилось, и мы заказали еще кувшинчик под оленину. Кузнец уже совсем окосел и нес полную чушь. Но я слушал. Внимательно.

Вскоре в нашу уединенную компанию влез третий.

— Эй, Кьян, — крикнул усатый мордорот с соседнего столика, — кто это с тобой?

Там сидела компания из пяти человек. Все как один рослые бугаи в добротных кожаных куртках. При оружии. На столе валялись клепаные перчатки.

Кузнец поперхнулся и процедил:

— Это мой друг...

— Гур, — представился я. — С кем имею честь?

— Меня зовут Сурк. Я из Гринвуда, а откуда ты? Я тебя раньше не видел.

— Из Мелавуда.

— Там еще живут люди? — усмехнулся чубатый воин со шрамом через все лицо.

Все засмеялись.

— Как там ваш герой? — сквозь смех проговорил небритый детина в подшлемнике. —

Жив еще или уже продали?

— Его хоть кто-нибудь видел? — спросил бородатый толстяк.

Только пятый из компании промолчал. Он сурово посмотрел на меня и отвернулся к своей кружке. Это был старый воин с длинными сальными волосами, с бельмом на левом глазу и лицом, изъеденным оспинами.

Обижаться на такие речи я не собирался. Напротив, это была прекрасная возможность поговорить о героях. К тому же, все слышали, что не я завел разговор. Трактир — место, где треплют языками.

Я улыбнулся, провел по ним осоловелым взглядом и сказал:

— Наш герой в добром здравии, а ваш?

— Чтоб я так жил! — заревел бородатый. — Пол теленка в день съедает, а вечером ему бабу приводят для утехи.

— Он же раздавит ее!

— Это смотря какая баба. Другая еще и добавки попросит.

Все залились гоготом. Только пятый сидел угрюмо и смотрел в свою кружку.

— И что, — сквозь смех проговорил я, так и приводят в хлев, как к племенному быку телку?

Небритый в подшлемнике шлепнул по столу.

— Сеновал! Романтика!..

Его перебил скрипучий голос пятого:

— Хватит пустозвонить! Наш друг что-то сильно выпрашивает лишнее. Вам не кажется?

Они уже и так сказали много. Теперь у меня были вопросы к барону. И серьезные. Но сначала, я поговорю с Родором. А сейчас я отхлебнул из кружки и сказал сквозь зубы:

— Я клещами за язык не тяну. Не хочешь болтать — держи рот закрытым.

Сурк тоже глотнул вина и сказал:

— Будет тебе, Сирад, героя барона Горлмида нет уже давно.

— Откуда ты знаешь? — прорычал волосатый с бельмом.

— Уже добрых пять лет на арену не выходят герои из Мелавуда. Уж не хочешь же ты сказать, что они умирают от чахотки.

— Заткнись, Сурк, а ты, — старый воин в оспинах показал на меня, — убирайся в свой Мелавуд!

— Действительно, — стукнул по столу чубатый со шрамом, — тут сидят честные люди. Нам не нужны ублюдки вроде тебя!

Кьян потянул меня за рукав.

— Идем. Я заплачу, и пойдем отсюда.

Но я уже благодарил богов за возможность размяться. К тому же, это я пригласил Кьяна в таверну, значит, я и должен заплатить. Я встал из-за стола.

— Ты кого назвал ублюдком?

— Тебя, — чубатый тоже поднялся, — тварь Мелавудская.

Я обратился ко всем присутствующим, благо они уже смотрели на нас:

— Ставлю этот меч, что выбью всю говно из этого петуха, против цены своего долга за сегодняшний обед хозяину.

Зал зашумел. Зазвенели монеты. Кто не любит кулачные бои? А кто не хочет поставить свои кровные на бойцов? Таких тут нет.

Я глотнул вина и вышел на середину зала. Вокруг сразу образовался круг. Вышел и чубатый. Он был в клепаных перчатках. Я спрятал коготь в кулак и пошел вперед. Понеслась.

Мы прошли по кругу, выбрасывая прямые джебы, примеряясь друг к другу, меряя дистанцию. Но это длилось не долго. Чубатый прыгнул и выбросил серию из трех ударов. Левое ухо загорелось огнем. Я присел и завинтил сверху — попал, рука онемела. Чубатый пошатнулся и с размаху врезал мне прямо в правый глаз. Сыпанули искры. Налетела тьма. Мгновение я отсутствовал в этой жизни, но вернулся. Морда задеревенела. Это только раззадорило меня. Я поднырнул под руку и ударил раз, другой, третий. Чубатый пропустил первый, второй, от третьего защитился, согнулся, а я бил, бил и бил. Он упал. Я добавил ногой. И меня оттащили. Бой окончен. Что ж. Я еще дал бы ему пару раз для профилактики, но меня уже тянул за рукав Кьян.

— Идем скорее, — затараторил он, — пока его дружки не опомнились.

Я подхватил в подарок кувшин с вином из чьих-то рук, меч из рук кузнеца, и мы выскочили на свежий воздух. Я улыбался, шлепая сандалиями по лужам. Оказывается, прошел дождь, а я и не знал.

Мы пили вино, падали, пугали прохожих, смеялись. Теперь я затыкал влюбленного кузнеца, когда он вспоминал Эльбель и откровенно смеялся над ним, но не выдавал всей правды. Он соглашался с тем, что слишком много думает о ней, но уверял, что не может не думать и тем более не кричать о своей любви. В такие минуты мы останавливались вопили во все горло, пили вино, падали и смеялись. Я напрочь забыл об этой пятерке громил в трактире. А зря.

— Слушай, дружище, — сказал я, придерживая Кьяна под руку, — я не дойду до дома. Я переночую у тебя?

— Конечно, друг! Я буду только рад.

Боги знают, сегодня ночью у меня свидание с сердцем.

Между молотом и наковальней

Мы завалились в кузню, допили остатки вина, и Кьян вырубился. Я положил его на кровать, а сам умылся холодной водой, взял меч и выглянул наружу. В глазах слегка двоилось. Редкие фонари плавали в воздухе, и казалось, что земля качается. Никого не было. Только у ворот скучал стражник. Он был далеко, и я уверенно вышел из кузни. Споткнулся, выругался и побрел в сторону сараев.

Подходя к первым постройкам для скотины, я вступил в огромную лепешку. Плюхнуло, адски завоняло — огр близко. А вот и он. За широкой дверью сарая послышалось рычание. Земля задрожала от тяжелых шагов. Людоед не спал.

Я заглянул в щель между досками — ничего не видно, сплошная тьма. Вмиг чернота сменилась лунным бликом в гигантском зрачке. Пахнуло тухлятиной. Огр громко втянул носом воздух. Я отскочил от двери. Он почуял меня, или это случайность? Если почуял, то план подкрасться к врагу и заколоть, как поросенка во сне, летит ко всем чертям.

Но и входить в дверь не хотелось. Я решил действовать по-другому. Залез на соседний сарай. В нем держали свиней, судя по хрюканью. Затем я разворотил соломенную крышу дома огра и пробрался вовнутрь. Тьма поймала меня в липкие объятья страха. Где враг? Где пол? Где вообще хоть что-нибудь? Видит ли меня людоед? Если видит, достанет?

Донеслись тяжелые шаги из дальнего угла. Значит, не видит, успокоил я себя и полез дальше по стропилам. Постепенно глаза привыкли, и я стал различать стены. От одной отделилась огромная черная туча и зашлепала в мою сторону. Прямо на меня. Я выхватил меч. Огр встал. Прислушался. Втянул воздух. Фыркнул и, потоптавшись на месте, улегся на кучу соломы.

Жар сменился холодом. Крупные капли пота потекли по спине, неприятно щекоча кожу. Я вытер лицо ладонью и пошел дальше. Но чуть не упал — вовремя схватился за крышу. Великан услышал шорох. Поднял голову. Я не двигался, стоя как цапля в болоте. Терпение. Терпение. Толстяк должен заснуть. Тогда я убью его одним ударом. По-другому никак. Драться в крошечной тьме с великаном — не лучшая идея. Он наугад саданет так, что переломает все кости.

Огр встал. Я затаил дыхание. Только бы он меня не видел: уж очень не хотелось скакать по стропилам. Людоед протяжно зарычал и медленно пошел в мою сторону. Я приготовился прыгнуть на врага.

У дверей послышалась возня, голоса, заморгал свет факелов. Люди шли сюда. Они точно меня заметят. Я тут как курица на насесте.

Скрипнула дверь. Огр заревел как раз подо мной и бросился к выходу. Единственное, что пришло мне в голову — это спрятаться в куче соломы. Я спикировал как ястреб и шмякнулся о твердую слежавшуюся подстилку. Великан не услышал. Дверь отворилась.

— Глор! — крикнул знакомый голос, людоед остановился, заревел, но уже вопросительно. — Мы тебе тут сюрприз приготовили. Ты будешь рад.

В сарай зашли восемь человек с факелами. Стало гораздо светлее. Сквозь паутину соломы я узнал пятерых — это были те молодцы из трактира. Остальных я видел впервые, но судя по одежде, они были богатыми людьми. А один держался совсем по-хозяйски —

черненький кривоногий заморыш с козлиной бородкой.

— Господин барон, — обратился к нему усатый мордоворот Сурк, — мы позвали вас в такой поздний час, чтобы вы насладились зрелищем того, как герой Глор станет сильнее.

— Надеюсь это не шутка, — холодно сказал кривоногий заморыш.

Вперед вышел чубатый — тот, которому я давеча морду набил — и крикнул:

— Гур!

Я аж вздрогнул. Как они нашли меня? Впрочем, я и не прятался. Дальше сидеть что зайцу в траве бессмысленно.

— А тебе мало досталось? Хочется еще? — крикнул я, вылезая из соломы на открытую площадку.

Огр зарычал и топнул ногой так, что пыль поднялась.

— Кто это? — спросил барон Рочер.

— Гур из Мелавуда — герой барона Горлмида, — ответил Сурк.

Кривоногий коротышка по-детски захлопал в ладоши.

— Глор, мой мальчик, у тебя будет сердце! Потрать его на скорость, а то ты больно медленный.

Огр заревел и бросился вперед, размахивая огромной дубиной из цельного дуба. Я закрутил мечом над головой и ринулся навстречу. Этот тюфяк действительно был настолько заторможен, что я легко ушел в сторону и рубанул под колено. Людоед взвыл и присел на левую ногу. Играя, наслаждаясь скоростью, я молниеносно прыгнул ему за спину — и ударил еще раз в то же место. Брызнула кровь. От дикого рева задрожал сарай, посыпалась пыль с потолка. Дубина пролетела у самого моего носа — медленно, словно в воде. Я заметил удивленных зрителей — и саданул великана полбу. Клинок отскочил, как от камня. Огр пошатнулся.

Теперь лица воинов исказили гримасы ненависти. Они выхватили оружие и пошли в атаку. Началось веселье. Где им, простым смертным, тягаться с богом... ну или не совсем богом, во всяком случае, пока. Скорость у меня — точно божественная!

Я отбил выпад Сурка, схватил его за нагрудник и швырнул на озверевшего огра. Тот машинально поймал бедолагу и саданул оземь так, что усатый только хрюкнул и замолк навечно. Я юркнул под меч небритого детины и врезал рукоятью в зубы, крутнул клинок и со всей дури заехал бородатому толстяку в грудь. Я видел, как трясется жир на пузе и медленно вытекает кровь из раны. Следующий — чубатый. По лицу видно, что ему уже перехотелось воевать, но я ударил сверху. Он защитился мечом, но кончик моего клинка распорол плечо. Я добавил еще рукоятью в нос и отпрыгнул в сторону. Дубина легла на землю там, где я стоял. В воздух взметнулась пыль.

Остальные вояки уже смылись, кроме кривоногого коротышки и пятого из компании в трактире. На улице уже били в колокола. Кричали. Я ухмыльнулся побелевшему барону и рубанул его героя по шее. Заклокотала кровь. Барон Рочер прижался к стенке и завыл, как собачонка.

Я одним движением вспорол брюхо огру — и получил стрелу из арбалета в спину. Это было как удар молотом. Дикая боль охватила тело. Я замер. Дыхание сперло. Но боги, они точно не такого финала хотели! Я заметил краем глаза арбалет в руках угрюмого воина с бельмом, выронил меч — и полез двумя руками в потроха жирдяя.

Сзади раздался топот сапог. Это он — стрелок — несся ко мне. Еще немного и он всадит в спину клинок. Слышу хриплое дыхание. А пальцы находят кристалл. Сейчас боль

уйдет. Сердце залечит рану. Ловкость! Бьет свет, и вместе с ним я разворачиваюсь и перехватываю кривой кинжал. Кривой кинжал, что серп! Некогда размышлять. Бью головой в лицо, изъеденное оспинами, хватаю меч и прыгаю на стропила. Бегом! Позади — топот. Нырять в дыру в крыше, а следом летят стрелы.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Совсем рассвело, когда вдали показались стены Мелавуда. В низинах стоял туман. Первые лучи солнца сверкали в каплях росы. Пели птицы. Но я не обращал внимания на красоту вокруг. Всю дорогу я думал о случившемся в последние дни. Мне чудом удалось добыть два сердца. Я стал быстрее и ловчее, но также узнал весьма скверные вещи. Во-первых, в замке меня ждал предатель, готовый на все, ради своего хозяина. Во-вторых, болтовня в трактире о бароне Горлмиде. Еще из головы не выходил кривой кинжал в руке уроды с бельмом. Может это совпадение, но стражник в моей комнате был убит именно таким клинком.

Я приближался, а в душе росла злость. Неужели здесь все настолько прогнили, что уже сливают своих героев другим баронам? Чтобы узнать правду придется разворошить осиное гнездо. И мне плевать, что будет.

Зайдя в ворота, я сразу пошел в кузню. Трубочист, как всегда, спал. Мои доспехи валялись на прежнем месте. Без лишних слов я схватил его за ногу и потащил к кадучке с водой. Окунул, подержал долго, пока тот не начал биться в агонии. Вынул — он стал жадно хватать воздух, словно рыба на берегу — и врезал по морде ладошкой. Смачно так, аж приятно. Родор захлопал глазенками, не понимая где он, что с ним, кто я такой, и что мне от него надо. Сейчас объясню. Я окунул его еще раз, а затем звонко хлестанул по щам и спросил:

— Еще добавить?

Кузнец замотал головой. Проснулся. Но я в третий раз сунул трубочиста в кадучку, чтобы он понял: я не шучу.

— Хватит! Хватит! — завопил бедняга.

Теперь он готов для беседы — искренней, душевной. И я не буду юлить и замалчивать, тоже буду откровенен и честен.

— Мне все равно, что будет тут с вами, — прорычал я ему в самое ухо, — мне через двадцать пять дней на арену. И я намерен победить. Либо ты со мной, либо ты мне не нужен.

Лучше всего он думал в уединении среди водной стихии в кадучке. Я дал ему минутку на раздумья.

— С... тобой!.. С... тобой!.. — зафыркал Родор, отплевываясь и откашливаясь.

— Я знаю, кто крыса, — проговорил я самым убедительным тоном. — Через десять минут его голова будет валяться у тебя под ногами. А затем наступит твоя очередь, если ты сейчас не скажешь, кто велел тебе переделать камин.

— Ф-фуас...

Я отшвырнул его в сторону и зашагал в замок. Словами нельзя передать ту злость, что загорелась в душе. Я прямо кипел. Разом забыл и кто я, и зачем я тут. Сердца героев и боги — все растворилось. Осталась только лютая ненависть. Я шел, скрипя зубами и царапая когтем руку — так мне было легче.

Этот гаденыш Фуас водил меня за нос. Нафаршировал, приготовил, словно цыпленка и подал на блюдечке своему хозяину, но... цыпленок оказался не по зубам. И барон все знал. Барон продал своего героя!

Я взбежал по лестнице, оттолкнул стражника и ринулся по коридору к комнате хранителя. Он как раз выходил.

— Гур, — радостно воскликнул гаденыш, но улыбка скомкалась, словно лист бумаги.

Я сходу влепил ему такую затрещину, что загорелась ладонь. Ударь кулаком — и свет бы погас в сознании Фуаса. Но он нужен живым. Я схватил его, прижал к стене и приставил коготь к горлу. Он понял, что это не шутка.

— Ты тварь!.. — процедил я сквозь зубы и надавил сильнее — на шее выступила капелька крови.

Когда я шел сюда, то думал, что расспрошу его подробно кто, чем и как его подкупил, зачем он согласился, но сейчас все эти вопросы исчезли — испарились в жаре ненависти. Я давил — он хрипел. В глазах читался страх, но вот его губы искривились в злобной ухмылке.

— Т-ты... — просипел Фуас, — никогда... не победишь... его...

Я ослабил хватку. Он заинтересовал меня. Появились мысли.

— Кто он?!

— Истинный владыка Бангшира. Могущественный воин. Он повсюду. Он — змей!..

К нам подбежал стражник, но когда увидел мой взгляд, остановился в нерешительности.

— Убей его! — крикнул Фуас.

Воин наставил на меня копьё, но не двинулся с места. И правильно. У меня было не то настроение, чтобы объяснять ему, кто прав, а кто нет. Это ясно читалось на моем лице. Фуас воспользовался моментом, выхватил загнутый кинжал из потаенного кармана и ударил коротко без замаха. Я ловко поймал руку, выкрутил и всадил клинок ему в живот.

Хранитель засипел от боли, закашлял. Теплая кровь потекла по рукам, и я уловил последние слова умирающего:

— Он... повсюду... найдет... тебя...

Стражник стоял и смотрел, как я отделяю голову от туловища когтем. Ножом было бы быстрее, но мне хотелось сделать это руками. Когда я закончил, воин пропустил меня без лишних слов.

Держа за волосы голову Фуаса, я зашел в банкетный зал. Там собрались почти все обитатели замка Мелавуд. Они тихонько болтали, посмеивались, но когда завидели меня, разом смолкли. Я швырнул голову Барону. Она шмякнулась на стол и покатилась, сбивая стаканы, прыгая по картошке и соленым огурцам. Горлмид поймал ее обеими руками и непонимающе уставился в стеклянные глаза.

— Что это? — зачем-то спросил он.

— Ты знаешь, — прорычал я и обвел взглядом стол.

Кто-то потупил взор, кто-то смотрел на меня с презрением, кто-то хмурился. Барон закрыл лицо ладонями и минуту молчал. Затем заговорил:

— Он, — Горлмид кивнул на голову, — пришел и сказал, что если я хочу жить, то должен просто не мешать.

Лица воинов за столом почерствели. Глаза засверкали от злобы.

Барон продолжил:

— Пойми, карты уже розданы, и нам достались не лучшие. Да и партия уже давно сыграна. Так продолжается уже не первый год. Прости...

— Горлмид! — Зигруд вскочил. — Как ты мог?!

Я подошел к барону и залепил такую пощечину, что он аж подпрыгнул. Я понимаю, что баронов не бьют по лицу в их собственных замках, но это уже не барон. Надо было сделать

его снова владельцем замка. А как это сделать, кроме как не хорошей затрепачной?

Воины повскакивали из-за стола. Дело ли бить барона?

— Я — Гур! — взревел я. — Бог! Я выйду на арену и докажу это! Но ты, — я ткнул окровавленным когтем в Горлмида, — должен будешь принять Бангшир! Сделай себя достойным этой власти!

Я знал одно место, где люди перерождаются, становятся чище и мыслят уверенно. Схватив барона за шиворот одной рукой, второй подхватив голову предателя, я потащил Горлмида на улицу. Никто не мешал мне. Барон упирался, но не сильно. Видимо, он понимал, что от сопротивления будет только хуже.

Мы подошли к кузне. Я сходу швырнул голову Родору под ноги, а барона окунул в очистительную кадушку. Вынул и толкнул к кузнецу. Они посмотрели на голову, на меня, затем друг на друга и засмеялись. Вокруг нас уже столпились воины. А Горлмид и Родор смеялись и кивали. Их веселье передалось остальным.

— Мы победим! — громогласно крикнул я, и ко мне присоединились несколько десятков голосов.

Огни большого города

Я наконец-то выспался в своей конуре. Может места тут и не много, но настоящему герою не нужны царские хоромы и мягкие перины. Не за этим я здесь. Цель моя — не почивать на лаврах с кувшином вина в объятиях блудниц, а лбом пробивать себе дорогу к богам. Руками и зубами рвать плоть врагов — так становятся богами. Что ж, продолжим. Я быстро собрался и вышел во двор.

Утренняя беседа не прошла даром. В кузне дымил горн, звонко стучал молот. Я поприветствовал Родора и заметил, что доспехов нет на привычном месте. Кузнец как раз расклепывал их.

— Здравова, Гур! — крикнул он. — Ты вовремя. Надо снять размеры.

Я не возражал, но особо не надеялся на его работу: в этом кузнеце всегда может проснуться трубочист. Надо было навестить мастера Накмиба в Морхенде. Как уверял Кьян, это лучший специалист по броне во всем Бангшире.

Закончив подставлять тело под сантиметровую ленту Родора, я направился к барону с намерением заполучить немного денег на мелкие расходы, раз уж мы теперь заодно. Горлмид не возражал. Он дал мне девять золотых монет и перстень с рубином — все, что у него было. Конечно это лучше, чем ничего, но доспехи стоили намного дороже. На мои обещания богатства после выступления на арене, он развел руками. Больше денег нет. И ни один банк не даст ему ссуду.

Хранителем я сделал Зигруда. Он, как мне показалось, будет верно служить общему делу. А еще может и в морду дать. Только я внес небольшие изменения в обязанности хранителя. Теперь он должен не только проводить обряд посвящения и быть мне мамочкой, но и разносить все о героях соседних баронов.

Я прошелся по замку, поболтал с людьми. Узнал, как попасть в Морхенд. А вот что представляет собой город, никто рассказать не мог: люди темные, по столицам не ездуют. Вообще, настроение в замке слегка упало. Если утром все светились от счастья, то сейчас поостыли, и реальность обрушилась новыми страхами. Что будет, когда враг узнает о смерти своего шпиона? Не захочет ли он просто вырезать всех подчистую? Лица хмурились. Глаза отводились.

Новостей от Зигруда пока ждать не стоило. Я решил не расслабляться и действовать, не дожидаясь подачек от богов. Нацепив походный плащ и закинув меч за спину, я двинулся в сторону столицы.

Сандалии весело ступали по мягкой земле. Теплый ветерок играл в волосах. Хорошо. Солнце медленно катилось по небосводу, радуя яркими красками. На лугах паслись овечки. На холмах крутились мельницы. Эх, если здесь так чудесно, то каково там, в реальности богов?

Впереди показался трактир, где я вчера устроил переполох. Было неплохо. Надо будет как-нибудь повторить. Но не сейчас.

Проходя мимо дуба, под которым мне повстречалась Эльбель, я заметил рыбака. Это был Кьян. В сущности, мне от него больше ничего не надо было, и можно просто пройти мимо. Но я свернул с дороги.

— Привет, дружище!

Кузнец подскочил, бросил удочку и дал стрекоча, что заяц. Я в два прыжка догнал его.

— Отпусти меня! — завопил беглец. — Из-за тебя мне чуть голову не отрубили! Что тебе еще нужно?

— Хочу предупредить тебя.

Я поднял Кьяна за шкурки и выложил всю правду про его возлюбленную. Но кузнец смотрел на меня щенячьими глазами, мотал головой и мямлил:

— Это не правда, это не правда...

— Тебя убьют, идиот! — крикнул я.

А в ответ:

— Это не правда, это не правда...

Я швырнул дурня в реку и пошел своей дорогой. Что я могу поделывать? Любовь...

Вскоре меня догнала телега гончара. В этом можно было не сомневаться: она была доверху забита горшками. И ехал глиняных дел мастер в столицу. Куда же еще с таким товаром?

— А что, батя, — сказал я, — не подвезешь меня, коль по пути? Вдвоем-то веселей ехать.

— Садись, бесенок, — ответил худощавый седой старик со слезящимися глазами. У него была соломенная шляпа и усы подковой. — Твоя правда. Лясы точить все лучше, чем на кобылий зад пялиться.

Горшки побрякивали на кочках, словно кости старика. Телега скрипела под тяжестью обожженной глины. Кобыла фыркала. Я болтал ногами и трепался с гончаром. Как оказалось, он из Смарона, это на северо-восток от Гринвуда, часто бывает в Морхенде и знает его как свои пять пальцев. Я подробно расспросил, где квартал ремесленников, где рынок, где переночевать, выпить и куда лучше не совать нос доброму человеку. От себя старик добавил еще, и где самые лучшие девочки в городе. Я осторожно попытался выведать, что за герой у них в Смароне. Вопреки моим ожиданиям, гончар смело сказал:

— Панцирный ходок, а то еще Валуном кличут. Здоровый такой, в броне, что камень. Ух, а силен же! Взаправь — герой! А у вас в Мелавуде, как всегда, хиленький воробушек?

— Ничего не хиленький, — возмутился я. — Зверюга у нас о-го-го! Враз бы выпотрошил вашего черепаха.

— Кто?! Ваш-то? У Валуна на животе костяная пластина, что щит.

— Тогда сзади, — напал я.

— Там толстенный панцирь — не пробьешь ничем, — парировал старик.

— Ну, мечом по шее, и дело с концом.

— Да нету у него шеи, — засмеялся дед.

— Тогда сбоку под пластину, ап.

— Вот тут ты угадал. Сбоку на шве можно подрезать сухожилия, и все, там мягкое брюхо без ребер. Такой уж наш Панцирный ходок.

Я, прям, ушам не поверил. Старый хрен разболтал все, что можно про своего героя, но гончар вздохнул и сказал:

— Только ерунда все это. Убьют черти паршивые и вашего и нашего героя.

— Что это значит?

— Ты как с луны свалился. Ааа, понятно, Мелавуд — дикий край. Ты думаешь, ваши герои от поноса умирали. Правильно. Лучше хлебать щи, не зная из чего они. Я тебе скажу,

бесенок. Бароны-то, что помельче рангом, теряют своих героев задолго до Великого праздника. Ни твой, ни наш не смогут выжить. Год Змея! — старик выпучил глаза. — Прошлый-то был годом кальмароголового Кракена — мерзкая тварь со щупальцами и птичьим клювом. Значит, этот — год Змея. Так всегда. Вот помню я, раньше все не так было...

— А ты, дед, — перебил я, — не боишься вот так с первым встречным о героях болтать?

— Посмотри на меня. Я пердну и окочурюсь. Чего мне бояться? Я в том возрасте, когда уже ничего не бояться.

— Интересно бы узнать про других героев, — сказал я. — У нас в Мелавуде люди темные, сам понимаешь, глушь.

— Я и говорю. Раньше на арену выходили все двадцать девять героев, с флагами, музыкой, в начищенных доспехах или панцирях. Цветы, вино, девки. И я тогда был молодым. Помню, один год я пошел на Великий праздник с женой, я как раз тогда женился, и тайком в толпе отстал от нее. И повстречал такую мамзель! Ммм! Тааакую! Я чуть главный бой не пропустил, так мы с ней кувыркались под мостом в кустах. Уже и моста того нет и кустов, а помню, как сейчас...

И сколько я не пытался выпросить про героев, в ответ — только любовные похождения. Блудливый был дед в молодости. Ой, блудливый.

Когда солнце коснулось верхушек деревьев, мы въехали на холм и увидели столицу. О, это зрелище! Обнесенный стеной город сверкал в лучах заката, словно жемчужина.

— Красота! — мечтательно произнес старик. — А как подъедешь ближе — дыра, что у девки между ног.

На Морхенд опустилась ночь. Зажглись редкие уличные фонари и огни питейных заведений. Улицы опустели. Я попрощался со стариком у городских ворот и направился в ближайшую таверну по совету бывалого гуляки. Гончар, правда, звал меня переночевать у его знакомых, выпить вина, поболтать, но я был сыт по горло историями о женских прелестях. Чесать языки — удел стариков, а молодых — чесать другие части тела.

Трактир «Цыпочки» славился отменной курятиной и девочками, как уверял мой попутчик. Я глянул на вывеску. Там красовалась эффектная пышногрудая блондинка с явно куриными ляжками. Внутри было шумно. Я подмигнул помятой девке у входа. Жрица любви даже не посмотрела на меня. Она считала медяки солдата, который возился со штанами. У привязи для лошадей спало какое-то волосатое чучело в красных остроносых сапогах и рваной куртке.

Я зашел вовнутрь. В нос ударил запах кислой капусты, портянок и жасмина. Уши резануло задорной скрипкой под топот кованых сапог, звон кружек, женский смех и мужской гогот. Мне сюда! Я растолкал танцующих и прошел к стойке.

— Что там у тебя есть покрепче? — сказал я толстому лысому хозяину с пышной бородой.

Тот плеснул в кружку вина. Я залпом выпил кислятину, скривился и схватил горячую куриную ляжку.

— Комната есть? — спросил я и вцепился зубами в сочное мясо.

— Найдется, — ответил бородач, вытирая кружки.

Я знаком показал, что выпил бы еще, и когда он поднес кувшин, выхватил его у толстяка из рук. Глотнул и сказал, развернувшись к залу:

— А кулаками у вас любят махать?

— Еще как. Сейчас подзаправятся, и пойдет веселье.

Это я хорошо попал. Боги любят мужские забавы. И деньжата звенят всегда рядом с таким делом.

Мы болтали с хозяином о том о сем. Я пил вино и грыз куриные ноги. Порой подлетали ночные бабочки, но я отгонял их, щипая за мягкие места. На девочек будет время потом, а сейчас уж больно сильно чесались кулаки.

Как только музыка стихла, в центр зала вышел моложавый паренек с козлиной бородкой и крикнул:

— Кто хочет померяться силой с нашим бойцом Тустом?

Тут же образовался круг и в центр вышел здоровенный волосатый детина с отвислой челюстью, маленькими глазками и кулачищами до колен. Я допил вино и, грызя куриную кость, вышел вперед. Устроитель поправил прическу, оглядел меня с ног до головы и спросил:

— Как твое имя, смельчак?

— Гур.

— Итак! Туст против Гура! Делайте ставки.

Я улыбался густо накрашенной блондинке и совершенно не слышал команды к началу,

то ли из-за вина, то ли был околдован чарами блудницы. Нутром почуяв приближение чего-то большого, я машинально уклонился. Кулак просвистел у самого уха. Второй разрезал воздух перед носом. Я отпрыгнул. Эффектно! Сально подмигнул путане. Она, кажется, готова была уже отдаться бесплатно. Но бесплатно бывает только сыр в мышеловке и синяки на лице. Увесистая плюха прилетела мне под левый глаз. На мгновение я увидел потолок в огнях. Ушел под руку и локтем завинтил дылде в нос. Хрустнуло. Брызнула юшка. Здоровяк сел на толстый зад. В глазах читалась глубокая медитация с уходом от реальности. Я поклонился ревущей от восторга публике и, слегка шатаясь, подошел к устроителю.

— Сколько мы заработали?

Паренек пригладил волосы и стал черкать пером в книге, когда кто-то крикнул:

— Да это же Гур из Мелавуда, герой барона Горлмида.

Стало тихо. Было слышно только, как жужжат мухи, да где-то сверху скрипит кровать.

— Так не пойдет! — крикнул крепко сбитый коротышка в телогрейке. — Верни мои деньги!

Устроитель гневно посмотрел на меня и вышел в центр зала.

— Извините. Произошло досадное недоразумение. Все ставки будут возвращены с небольшой компенсацией за моральный ущерб. — Он сверкнул глазами в мою сторону. — А ты убирайся в свой Мелавуд пока цел.

Я попятился, глупо улыбаясь. Сорвалось. Теперь придется забыть о ночевке. Ноги бы унести. В мою сторону смотрели уже очень не добро. Того и гляди покусуют. В столице трудно найти поклонников барона Горлмида. Я уперся в стойку.

— Заплати за все, — прорычал хозяин.

Толпа медленно шла на меня. Я достал золотую монету, бросил на стол и сказал:

— На сдачу налей всем вина.

Бесплатная выпивка! Что может быть лучше от пламени в душах? Лица слегка посветлели.

— Пойду отолю, — сказал я и двинулся к выходу.

Толпа расступилась. Кто-то как бы невзначай пихнул меня плечом, кто-то подставил ногу, но оба пожалели о своих выходках. Первый отскочил от плеча как мячик, второй взвизгнул, когда я ловко наступил ему на пальцы.

— Беги из города, — шепнула мне на ухо тень.

Я обернулся, но поди разбери, кто это сказал. На меня смотрели десятки злобных глаз. Не стоило затягивать с уходом. Я отпихнул верзилу в дверях и вышел на улицу. В спину полетела пустая кружка, огрызок яблока и куриные кости.

Да уж, для кого-то ты герой, а для кого-то враг, чужой.

Я брел во тьме улиц куда глаза глядят. Ну, потерял золотой, ну, остался без теплой постели и девочки — ерунда. Мало ли. А вот то, что меня узнали и чуть не прибили — это уже серьезно. Как теперь быть? Сейчас вмиг разнесут весть о герое из Мелавуду по всему городу. А мне надо к кузнецу.

Впереди послышался лязг металла и топот десятков ног. Из-за угла показались тени. Я молнией исчез в подворотне. Солдаты пробежали мимо. Направлялись они в сторону «Цыпочек». За мной. Да, не дадут мне тут расслабиться и хорошенько покутить.

Я вернулся на улицу и заметил человека позади. Он вел себя странно: остановился и прижался к стене. Я двинулся дальше. Человек — за мной. Он шел не спеша, не приближаясь. Я намеренно замедлил шаг. Он тоже. Тогда я завернул за угол и подождал.

Когда послышались шаги таинственного преследователя, я выскочил, словно ветер, схватил его за грудки и прижал к стене.

Это был Сирод — тот самый стрелок, с бельмом на глазу. Я опешил, но тут же пришел в себя и обрадовался, что сейчас-то смогу выпустить ему кишки.

— У меня к тебе есть предложение, — быстро заговорил он. — Но не здесь. За тобой объявлена охота по всему городу. Идем за мной. Я знаю одно место.

Убедил, гад. Я прям проникся его таинственным предложением. В конце концов, убить его я всегда успею. Я ослабил хватку.

— Скорее, — он потянул меня за руку в переулок.

Легенда о городском чудовище

Сирод привел меня в трехэтажный дом, похожий на неприступную крепость-тюрьму. Это была квадратная каменная башня с маленькими окнами и узкой лестницей. Мы взбежали наверх и закрылись в комнате, а точнее в сыром убежище аскета. Внутри были только кровать и ведро. Стены давили, словно тиски. Мне не очень-то захотелось тут задерживаться, и я вопросительно глянул на своего провожатого.

— Мы тут ненадолго, — поспешил успокоить он. — Сейчас ночь, солдаты будут хватать всех подряд. Подождем до утра. В толпе безопаснее.

— Меня солдаты не поймают.

— А вот меня еще как поймают.

— А ты-то чем не угодил страже?

Сирод вздохнул и стал говорить тоном учителя. Когда я его слышал в прошлый раз, это был скрипучий говор матерого разбойника, а сейчас:

— Это территория барона Эбена, а я служу барону Валлугу. Как ты знаешь, теперь у власти стоят люди Эбена. Мы не враждуем открыто, но за кулисами идет кровавая борьба. И мы с тобой часть этой борьбы...

— Говори за себя, — перебил я.

— Ты в любом случае встретишься с героем одного или другого барона на арене, — продолжил Сирод. — Я предлагаю тебе сделать это заранее и в компании нашего героя.

— Помнится, последние десять лет вы делили власть по очереди. Сейчас ведь ваше время.

— Это так, но мы узнали, что Эбен ведет тайную игру. Он хочет уничтожить нас и править единолично.

— То есть, ты предлагаешь мне объединиться с вашим Змеем и убить Кракена — героя Эбена, — сказал я. — Только кто заберет сердце?

— Кто первый успеет. Как на арене, — ответил Сирод. — А затем вы разберетесь вдвоем.

Разумно. Может с Кракеном и лучше биться сообща, но вряд ли затем барон Валлуг даст мне шанс победить. Это если играть по его правилам, а я задумал немного изменить план и сказал:

— Согласен.

— Я знал, что ты умен.

Шпион потер руки. Изъеденное оспинами лицо исказилось улыбкой. Заплывший глаз сверкнул в лунном свете. Может Сирод искренне радовался, но выглядело это зловеще.

С улицы донесся топот и гавкающий голос командира.

— Пойду посмотрю, что там, — сказал Сирод и выскочил из комнаты.

Хлопнула входная дверь, заскрипела лестница, залязгало оружие. Это не к добру. Я закрылся на хиленький засов и замер. Почему-то мне показалось, что шпион не вернется. Солдаты поднимались наверх. Теплее. Еще теплее. Жарко. В дверь настойчиво постучали. Я молчал. Никого нет дома.

Следующий удар — словно молотом в колокол — эхом забился в комнатку. Пора

уносить ноги! Я открыл окно: там решетка. Схватил двумя руками за железные прутья и рванул что есть силы — решетка затряслась, посыпался песок из креплений. Поддается. Еще усилие и верхний край оторвался от стены.

Выгибаю прутья, просовываю голову: высоко. Шлепнешься — костей не соберешь. Единственный выход — зацепиться за край крыши и забраться наверх, а там на соседний дом — и бывайте. Вот только плечи еле пролазят, меч цепляется, плащ сковывает руки, ноги. Позади грохочет дверь, трещат доски. Бьюсь как рыба в западне. Протискаиваюсь, хватаюсь руками за край стены. Еще немного, — и ноги сжимают железные тиски. Пинаюсь. Где там — стальные колодки намертво сжали лодыжки. Сильные руки уже тащат обратно. И стаскивают сволочи. Пошла жара.

— Попался...

Затыкаю криворотого бугая лбом в нос. Хрустит. Брызжет кровь. За ним выглядывает вторая рожа с сальными волосами на ушах. Летит кулак — уворачиваясь, и в ответ выбиваю передние зубы. Пальцы немеют. Толкаю обмякшие тела. Звенят доспехи. Кто-то покатился по лестнице. Боги улыбаются.

Сверкает кинжал в руках верзилы с синяком — не моя работа. Сверху летит меч. Поняли гады, что без крови не обойдется. Ловко перехватываю руку первого и парирую кинжалом меч. Выкручиваю запястье и когтем подрезаю сухожилия. Липко, тепло на пальцах.

Снизу подцепили ногу крюком — чуть не падаю, повисаю на беззубом. В узкой комнате, узких дверях и на узкой лестнице биться жутко неудобно. Но сколько бы ни было противников, им еще хуже: задние напирают, передние не могут отступить и попадают ко мне в лапы. А я не щажу. Я знаю, боги сейчас смотрят на меня. И я не могу заставлять их скучать. Бью, рву, режу — под ногами уже месиво из тел, рук, ног, голов. В лицах читаю страх. И пру тараном.

На голову ложится сеть. Запутаться — раз плюнуть. Это только вопрос времени. Какой-то ловкач незаметно одевает кандалы на руки. Теперь совсем беда. Извиваюсь змеей. Бодаюсь — и валю толпу с лестницы. Визжат придавленные, дребезжат доспехи, звякают мечи на камне. Качусь кубарем по телам. Перед глазами — каша. Но в кутерьме замечаю кольцо с ключами — поддеваю когтем и вырываю с корнем.

Вскакиваю, ловлю цепью от кандалов на запястьях меч белобрысого молодца, набрасываю цепь на шею и сворачиваю челюсть о колено. Двигаться совсем тяжело: руки, ноги скованы, да еще сеть на голове все время цепляется.

Прыгаю на следующего — толстяка со свиными глазками — валю его и еще пару ротозеев. Последний отскакивает и рубит наотмашь — принимаю клинок цепью на ногах, обкручиваю и вырываю из рук, а затем пинаю говнюка. Солдат катится вниз. Прыгаю за ним к выходу.

Сирода среди нападавших не было. Спрятался где-то, гаденьши или успел удрать. Но о нем после. Вываливаюсь на свежий воздух, а там уже спешит подмога — человек десять, не меньше. Биться с ними на улице — верная смерть: окружают и зарубят как поросенка. А убежать в кандалах не получится. Боги проверяют меня. Они любят смотреть, как льется кровь. Но на этот раз я не дам им такого зрелища. Для этого придется вспомнить детство: как я червяком с ластами прыгал по камням в карантине.

Я встал на четвереньки и дал галопа, которому позавидует скаковая лошадь. Только пыль полетела из-под ног и рук. Я промчался несколько кварталов и скрылся в подворотне.

Потом скажут, что видели ночью небывалое чудище, летящее по улицам города. Будут пугать мной детей и повесят парочку нераскрытых убийств.

Избавившись от кандалов и сетки, я завернулся в плащ и завалился к забору спать. А снилась мне старый гончар, который рассказывал о мягкой постели, вине и девочках.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Не везет, так не везет

С рассветом закукарекали петухи, запищали дети, заспешили горожане по делам. Пора и мне просыпаться. Я сладко потянулся, распугал кошек и выглянул из-за угла на улицу. Ночью казалось, что я попал в обычный спальный район, а сейчас он оживал открытыми лавками и пестрыми вывесками. Пахло свежим хлебом. Визжала свинья. Солдат видно не было.

Я вышел из укрытия и окликнул пузана со стрижкой под горшок в простой рубаше, подпоясанной веревкой:

— А то, мил человек, где тут квартал ремесленников?

Он махнул рукой вдоль улицы.

— Туды тебе.

Я отвесил поклон и двинулся по мощеной булыжником дороге, глаза по сторонам как заправская деревенщина.

Вскоре я попал туда, куда надо. По обеим сторонам улицы тянулись мастерские. Тут пахло опилками, кожей, гарью и лаком. Найти кузню было легко — там стучали молотки, словно тикали башенные часы. Кузнец — черный бородаты толстяк в фартуке, но видно, что силищи в нем, что у быка.

— Привет тебе, мастер, — поздоровался я. — Ты часом не знаешь, как найти кузнеца Накмиба?

Бородач прекратил стучать молотком, осмотрел меня с ног до головы и спросил:

— А тебе зачем?

— Дело к нему есть.

— Ну, выкладывай свое дело. Меня зовут Накмиб.

— Я хочу купить доспехи, — важно сказал я.

Кузнец усмехнулся:

— Босяку и ведро — шлем, а бочка — панцирь. Убирайся прочь. Мои произведения искусства тебе не по карману.

Чертовски захотелось дать леща этому болвану, но я сдержался и сказал:

— Кьян мне говорил, что мастер Накмиб лучший, но, похоже, он ошибся.

Кузнец побелел, будто увидел привидение, нахмурился и проговорил сердито:

— Кьян предупредил, что ты придешь, Гур, герой из Мелавуда. Но я не думал, что так быстро, а то бы приготовил тебе сюрприз. Стража! Стража!

Похоже, сделки не будет. Я схватил ноги в руки, и рванул к выходу из города. Меня уже каждая собака узнает. Но я вернусь, надо только подготовиться, и тогда мы еще поговорим, мастер Накмиб. Мне нужны хорошие доспехи, а не ведро и бочка.

Я летел, что ветер, огибая прохожих. Женщины ахали и роняли корзины, мужчины крепко выражались, дети кричали «еще раз», собаки гавкали. А солдаты не успевали достать оружие, как я давал им пару затрепчин и скрывался за углом. Стражники у ворот получили по пинку, и я помчался в имение Смарон, оставляя только пыльную дорожку. Воспользуюсь советом старика. Он говорил, что их героя убьют до арены. Так вот, убийцей буду я.

Около полудня показался замок барона Сауса. Приблизившись, стало понятно, что

имение Смарон увядает, как и Мелавуд. Замок мало по малу превращался в руины. Нежилые здания и башни обрастали деревьями и рушились под собственной тяжестью. Окрестные поля плавно захватывал лес.

Я еще не знал, что сказать и под каким предлогом войти, но сходу постучал в ворота.

— Барон велел никого не впускать. Проваливай, — раздался голос из-за стены.

— У меня к нему дело, — крикнул я.

— Поди вон, оборванец! А не то собак спущу!

За сегодняшней день мне уже надоело, что меня отовсюду выгоняют. И это, похоже, была последняя капля. Я ухватился за камень в стене и полез штурмовать преграду.

— Ты чаво енто вздумал?!

Сейчас я покажу тебе чаво, гнида. Вот только доберусь до тебя. За стеной послышался топот сапог и бряцанье оружия. Прямо взятие крепости какое-то. Не хватает только осадных орудий, лестниц, стрел и кипящей смолы.

Я вскарабкался наверх, выхватил меч, но никто меня не встретил. Даже обидно стало. Заглянув во двор, я увидел, как стражник бежит к дверям замка. Первая линия обороны Смарона взята. Следующий — замок. Сейчас станет понятно, сколько сил у барона Сауса, и где его герой.

Я осмотрел с высоты двор. Печальное зрелище. Мелавуд по сравнению с этой свалкой — роскошный дворец. Повсюду валялся мусор, кучи хвороста, старые телеги, колеса, доски. Как видно, все это постепенно выстраивалось в очередь к колодке с топором, и уходило в камины замка. В углу паслась коза.

Тут у меня родилась идея. Что если нам объединиться с мелкими баронами?

Вставал нелегкий выбор: вырезать тут всех, попробовать договориться о бое с героем, объединиться или просто заплатить за сердце, в конце концов.

Из дверей высыпали не меньше двадцати воинов, во главе с бароном Саусом. Его было легко узнать по когда-то роскошному золоченому халату, но теперь слегка поистрепавшемуся. Это был высокий статный мужчина в рассвете сил с аккуратной бородкой и королевской осанкой.

Воины встали в боевой порядок. Видимо стражник сказал, что на них напал целый отряд. Героя не было. Странно.

Я помахал рукой и крикнул:

— Приветствую тебя, барон Саус.

— Ты кто такой?

— Гур — герой барона Горлмида.

— Что тебе надо?

— Я пришел за сердцем твоего героя.

Барон рассмеялся.

— Ты думаешь, я тебе его отдам?

— Ты знаешь не хуже меня, что Валун не доживет до арены. Я предлагаю честный бой. Сейчас.

— Это незаконно...

— Плевать на закон! — перебил я. — У твоего героя один шанс.

Воины обступили барона и принялись совещаться. Можно было не сомневаться, они примут предложение, но захотят помочь своему герою в поединке.

— Хорошо, — крикнул барон. — Спускайся.

Он слишком уверенно это сказал, будто не сомневался в победе Валуна. Я даже слегка испугался такого быстрого ответа. Но разве меня остановит легкий мандраж? Боги ждут меня. Я иду к ним.

Я спустился во двор и стал осматривать поле боя. Драться придется на открытой площадке, если не считать кучи мусора и дров. По рассказам старика-гончара, Валун — это бронированный гигант с ахиллесовой пятой сбоку. Дело простое — надо подрезать панцирь и выпотрошить тушу, не дав подстрелить себя из лука. Скорее всего, на лучников и был расчет барона Сауса.

Но пока я обдумывал тактику, прибежал солдат и что-то сообщил остальным. Поднялась паника. Воины загалдели. Что-то было не так.

Я подошел.

— Ты опоздал, — вздохнул Саус. — Валун мертв.

Я спрятал меч и сказал:

— Можно взглянуть на труп?

Меня привели в подвал, где в центре круглой комнаты лежал бесформенный окровавленный камень. Это и был Валун. Он даже не сопротивлялся, во всяком случае, не было видно следов борьбы. Его убили быстро, профессионально, словно во сне. Аккуратно подрезали переднюю пластину и с хирургической точностью вскрыли брюшину острым предметом.

Но таинственный убийца оставил следы. На каменном полу отчетливо виднелись свежие отметины от когтей и размазанные пятна крови. Они вели в небольшое окно, которое закрывалось изнутри.

— Двери были закрыты? — спросил я.

— Да.

Тогда я показал на окно.

— Убийца проник через него.

— Окно тоже всегда закрыто, — пожал плечами барон.

— Значит, кто-то его открыл.

— Но зачем?

Я не стал объяснять, а молча развернулся к выходу. Мне тут больше делать нечего. Я решил вернуться в Мелавуд и узнать, нет ли новостей от Зигруда.

К вечеру я был в замке. Увидев меня, Родор тут же заставил примерить шлем. Теперь он не вонял тухлой рыбой, что уже хорошо, но в остальном не сильно изменился, — это был помятый горшок с рожками. Не к лицу будущему победителю ходить в таком уродстве. Но я ничего не сказал кузнецу и поспешил на поиски Зигруда.

Новый хранитель как раз выслушивал донесение одноухого.

— Гур, — радостно приветствовал он меня. — Есть хорошие новости для тебя.

— Выкладывай.

— Вот, моему другу, — он хлопнул по плечу одноухого и назвал его имя, но я его тут же забыл, и для меня он остался одноухим, — удалось раздобыть кое-что о герое барона Кетлуана из Шатодара. Он видел героя. Это настоящий монстр...

— Пусть сам расскажет, — перебил я.

Одноухий выпучил глаза, напрягся и выдавил:

— Ну, он такой: ууу — огромный, здоровый, а голова малюсенькая такая — один рот и глазки на макушке. А когти на руках, что косы, во!

Он растопырил пальцы и замер, будто я собираюсь рисовать с него портрет.

— А еще, — продолжил Зигруд, — он познакомился с помощницей кухарки барона, и она рассказала, что герой один день борется с быком, затем сам жарит его и целиком съедает с бочкой вина и спит кверху пузом. А на следующий день к нему приводят крепкую крестьянку для утехи. Он быстро заканчивает, и остаток дня ловит мух в сарае. Еще помощница кухарки сказала, что живет он прямо во дворе замка в шалаше под кленом.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Прямо полный отчет о жизни когтистого увальня из Шатодара. Какой может быть отдых после такого известия?

— Как зовут прекрасную помощницу кухарки? — спросил я.

— Оми.

— Красивое имя.

Я поблагодарил в первую очередь одноухого, затем Зигурда, велел передать привет барону и, подхватив на кухне свежий каравай хлеба, головку козьего сыра и кувшин вина, двинулся в сторону Шатодара.

Я был на месте, когда солнце раскрасило небо красным цветом и приготовилось ко сну. Над башнями замка барона Кетлуана развивались красно-синие знамена, новенькие ворота блестели свежей краской в цвет флагов, кусты подстрижены, деревья обрезаны. По всему видно, что Шатодар процветал.

Итак, вставал выбор: дожждаться ночи, перелезть через стену и прирезать тьюфяка в шалаше или поговорить с Оми. Я почесал в паху и принял решение.

Рванув у дороги жменю синих колокольчиков, я постучал в ворота.

— Чего надобно? — устало спросил стражник.

Я поднял руку в театральном жесте, направил взор к небу и заговорил стихами:

— Этот вечер хочу,

Провести лишь с одной -

Той, что каждую ночь,

О любви я кричу.

— Чавой?

— Открой дверь, страж. Я влюблен и очень опасен, — сказал я с лирической ноткой в голосе и добавил, взмахнув жменей колокольчиков: — Любовь отпирает любые двери.

Заклинание сработало. Ворота отворились, и бородатый детина сказал, скалясь беззубым ртом:

— На свадьбу позовешь.

— Всенепременно! — сказал я. — Где у вас кухня?

Бородач показал, как пройти к задней двери, предупредил, что в замке сейчас ужин, и мне не надо попадаться хозяевам или гостям на глаза, сказал, что он меня не пропускал и пожелал удачи. Я поблагодарил наивного добряка и шмыгнул мышкой за дверь кухни.

Тут клубился пар, и звенели кастрюлями две молодые девушки: полненькая, как булочка, со светлыми волосами и худенькая, как макаронина, брюнетка. Кто из них Оми? Я встал в дверях с букетом синих колокольчиков как вкопанный. Одна ошибка, и меня вышвырнут вон. Если подумать логически, то пышная девушка должна быть главной на кухне: она заведует продуктами, стряпает и ест сколько хочет, таская еще и домой. А худенькая — только помогает, ей перепадают только крохи, отчего она злая и страдает несварением желудка. Тут меня осенило. Надо просто позвать, и Оми повернется! Придумал — действуй!

— Оми! — позвал я.

Обе девушки развернулись одновременно. У пухленькой были глаза цвета морской воды, а у второй — карие, как поздний закат. Но это никак не решало проблемы. И теперь у меня не было времени на раздумья. Казалось, это конец. Но я нашелся: встал на одно колено, закатил глаза к потолку и проговорил в стихах:

— С букетом, сыром и вином,

К тебе лечу я мотыльком,

Хочу скорей тебя обнять,

И пальцы ног расцеловать.

Я открыл глаза, в надежде, что Оми как-то проявит себя. Но девушки обе прыснули и залились румянцем. Я пошел на второй круг:

— А этой ночью при луне,

Спою я песенку тебе,

Вина бокалами стучать,

Мы будем голые плясать.

Я открыл глаза. На этот раз девушки разделились: светленькая засмеялась, а вот темненькая нахмурилась. Но кто из них Оми?

Любовь и кровь

Я решил исправить ситуацию, но вышло слегка не так, как хотелось:

— А коль тебе не по нутру,
Подвигать телом в такт,
Что ж, Оми, я умру,
Отрезав свой...

Я остановился. На этот раз засмеялась худенькая, а пышка выпучила глаза от удивления. Теперь я окончательно запутался, но блондинка пришла мне на помощь.

— Иди, Оми, — сказала полненькая, — я тут сама управлюсь, а то твой кавалер еще что-нибудь учудит.

Худышка сняла фартук и, озорно улыбаясь, потащила меня прочь. Я наконец-то избавился от измочаленных колокольчиков и предложил прогуляться за стеной под навесом цветущих лип.

— Откуда ты меня знаешь? — спросила Оми. — Я тебя первый раз вижу. Как тебя зовут? Откуда ты?

— Я влюблен в тебя уже давно, — начал я, импровизируя на ходу. — Я посылал тебе письма каждую пятницу... и среду. Как? Ты не получала писем? О, боги! Я так старался, и все впустую. А моя картина? Ты и ее тоже не получила? Это был шедевр. А сколько стихов... Что ж, теперь придется наверстать все то, что я так страстно описывал в письмах. — Я поцеловал ее худую ручку, скользкую от работы на кухне. — Долгими, бессонными ночами я мечтал о тебе...

Я что-то лопотал еще про огонь внутри, про страдания, про томление души и все в том же духе, пока не понял, что Оми меня уже не слушает. Она находилась под властью чар любви и жалась ко мне всем телом.

Я, наконец, заткнулся, поднял ее, что пушинку и потащил на полянку, невидимую с дороги. Наша страсть была сильна, как буря: накатила, ударила ливнем, градом чувств, шандарахнула молнией и просыпалась мелким дождем.

Затем мы пили вино, ели сыр и болтали. Точнее болтала Оми, а я слушал. Она оказалась еще той сорокой. Рот не закрывался ни на минуту, даже когда она ела: крошки летели во все стороны, а вино лилось по бороде и капало на грудь. Я слизывал капли с горячего тела и задавал свои вопросы. Так я узнал, что героя зовут Бум, сегодня он убил быка, зажарил его и съел, а сейчас, скорее всего, спит у себя в шалаше. Убивает быка он всегда одним ударом снизу в шею. А как-то раз барон притащил медведя и устроил поединок. Бум победил, но косолапый изрядно потрепал героя. Коронный удар снизу не получился: медведь ухватил зубами за руку и чуть не оттяпал. Герой молотил зверя ногами и свободной рукой пока тот не превратился в кровавое месиво. Но с тех пор у Бума правая рука плохо работает.

Я отблагодарил Оми еще дважды и пошел провожать ее до дома. Жила она в замке.

— Как тебя хоть зовут? — спросила она на пороге своей комнатушки.

Я хотел было соврать и выдумать имя, но не смог. Герой я или нет? Пусть знает, что провела ночь с Гуром.

— Гур, — представился я и поцеловал ее на прощанье, сказав: — Я буду помнить тебя вечно.

Оми хихикнула и закрыла дверь. Вечер любви закончен, наступило время крови. Я вышел во двор. Была глубокая ночь, и замок спал. Фонари давно погасли, даже стражники у ворот, похоже, дремали. Тихо так и тепло. Самое время вырвать сердце.

Я подошел к шалашу под кленом, хотя лучше его назвать шатром, настолько он был огромен. Прислушался: Бум спал сном младенца, попискивая и похрюкивая. Бесшумно вынув меч, я откинул полу шатра и зашел вовнутрь. Тьма — хоть глаз выколи. Нет, так не пойдет, решил я. Подкрасться не выйдет, а если Бум проснется, то конец.

Пришлось придумать новый план. Выйдя наружу, я стал аккуратно обходить шатер, стараясь определить на слух, где лежит герой. Вскоре я нашел его. Он спал в дальнем углу.

Ну все, сейчас пойдет отсчет времени до появления солдат. Думаю, минуты две у меня есть. Время пошло. Беру покрепче меч, и что есть сил, всаживаю в шатер — трещит грубая ткань, и клинок вгрызается в плоть. Чувствую это. Гигант внутри взревел так, что не только весь замок поднялся, боги встрепенулись на небесах и уставились на нас. Смотрите же! Я иду!

Меч рвется из рук, еле держу. Наконец тварь спрыгивает с острия. Я машинально отскакиваю. И вовремя. Шатер разрубают пять метровых кос. Следом вываливается туша: огромный мускулистый монстр с малюсенькой головкой и глазками на макушке. А в заднице дыра, и кровяца льет, как из пробитого бурдюка вино. Было бы даже смешно, если бы не мощь, заключенная в теле и, конечно же, когти-сабли. Мой коготок по сравнению с этими годился только в носу ковырять да рыбешку мелкую чистить.

Время не ждет. Прыгаю вперед и рублю со всей дури — монстр, играя, защищается. Я кручусь вокруг своей оси и бью с разворота — Бум отбивает так, что меч в руках дребезжит, того и гляди, выскочит.

Пора взять передышку, отступить и посмотреть на что способна эта тварь. Я ловко уворачиваюсь от размашистого удара, но не контратакую, а берегу силы. В памяти всплывают слова Оми о правой руке гиганта. Действительно, Бум держит ее позади, и бьет только левой. Я опять отпрыгиваю в сторону и жду. А время идет. Вот уже зажглись огни в замке. Стражники у ворот засуетились.

Делаю ложный выпад — тварь дергается, отвечает размашисто слева. Мне это и надо. Я бросаюсь вперед с занесенным для удара мечом, — и налетаю на мощный апперкот правой. Будь я чуть помедленней, и все пять кос впились бы мне в грудь, а так только одна проходит сбоку под кожей и вылезает снаружи. Неимоверная силища подбрасывает меня, что тряпку. Я слетаю с сабли и шмякаюсь о пол. На секунду выключается свет. Руки ватные, ноги — чужие. Ну, Оми, я тебя действительно буду помнить всю жизнь. Говоришь, правая плохо работает? Получше левой будет.

Гигант прыгает, пытаюсь подмять меня под свое массивное тело, но я прихожу в себя, откатываюсь, вскакиваю и бью снизу вверх. Кончик клинка вспарывает кожу на ребрах. Бум ревет и бьет наотмашь. Мимо.

По лестнице бегут огни, со стороны ворот лязгает металл. Несколько секунд, и придется убежать не солоно хлебавши. Ухожу за спину врагу и коротко рублю, но этот гад отбивает не глядя — и сразу в ответ. Сабли свистят у носа. Отпрыгиваю. Факелы уже совсем рядом. Вижу, как блестят сполохи на касках стражников. И тут я понимаю, как можно перехитрить Бума.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, сделай лайк или репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Удар с подвыподвертом, и прощай коготь

Я отхожу, словно бык перед нападением, и бросаюсь вперед, низко опустив голову и подняв меч. Расчет был на то, что Бум станет действовать так, как привык с быком: он ударит снизу правой рукой. Так и произошло. Я в последний момент ухожу в сторону — длинные когти свистят у самого уха — и рублю, целясь в маленькую головешку. Попробуй еще попади. Но клинок находит цель. Ныряю под левую руку и всаживаю лезвие в живот. Меч застревает. Бум ревет. Хлещет кровь. Бросаю рукоять, подпрыгиваю и когтем впиваюсь в горло гиганту. Дергаю со всей мочи и вырываю кусок плоти, режу артерию, трахею. Кровь бьет фонтаном. Тут же перехватываю меч и вспарываю брюхо. Бум бьется в агонии, машет лапами, бьет меня по спине. Дыхание перехватывает. Но я работаю как заведенный.

Стражники уже тут. Толпятся, кричат что-то. Я весь в крови, вонючих внутренностях копошусь в пузе, словно глист. Солдаты в ступоре: у героя порвался живот и кишки шевелятся. Что делать?

А я шарю внутри, ищу заветный кристалл. Его нет! А вот меня нашли. Краем глаза вижу, как тычет пальцем белобрысый парень, кричит что-то — не разобрать, уши залиты кровью. Больше паники. Резко выбрасываю клинок и отсекаю ему кисть. Терять сердце сейчас ну никак нельзя. Раненый орет. А я заваливаю колосса на бок и продолжаю ковыряться. Сердца нет. Совсем!

Этот Бум что, бессердечный ублюдок? А с его рожей-то разве может быть сердце? Но в роже ли дело? Герой не может быть без сердца. Куда смотрят боги? Может сердце ушло в пятки? Лезу еще раз. Полностью. И вот, наконец, пальцы нащупывают острые грани, ровные стенки кристалла — сердце! Оно мое!

Хватаю, выдергиваю из чрева и тыкаю в лицо ошалелым солдатам. Сжимаю — бьет свет! Слепит. Не только меня — всех вокруг. Я уже привык, а вот для них такое впервой. Что они там видели с трибуны за сотни метров. Ночью эффект вообще невообразимый.

Хорошо, что я заранее все продумал, и теперь знал, как использовать сердце. А то сейчас бы со страху натворил дел. Я рискнул, и сделал себя ничем не отличимым от обычного человека. Ну, почти ничем. Собственно, ловкость, скорость и некоторые части тела остались, а вот коготь я убрал. Изменил тело, лицо, ноги. Теперь наконец-то смогу носить обычные сапоги.

Тело я сделал более рельефным, мускулистым, но в меру. Добавил загара. А лицо — тут я не скромничал — ну прям красавчик. Во всяком случае, я представлял себя именно таким. У меня стали карие, почти черные глаза, длинные слегка выющиеся волосы цвета вороньего крыла, подбородок — прям не то, что волевой — дрова рубить можно. Нос — такой, чтоб не стыдно было совать его куда попало. Высокий лоб, в конце концов. Но вернемся с небес на землю.

Пока солдаты протирали глаза от вспышки озарения, я скрылся — просто вышел через ворота и был таков. Отмывшись от крови в придорожной канаве, я двинулся в сторону Мелавуда. Проходя мимо «Одноногого коня», захотелось зайти, проверить свой новый облик. Но я сдержался. Это не самая лучшая идея. Сегодня ночью убили героя барона Кетлуана, и тут же в трактир явился здоровенный тип весь в крови с мечом в грязном плаще.

Слишком много стоит на карте, чтобы рисковать ради кувшина вина.

К рассвету я был возле своего замка. До выхода на арену оставалось двадцать три дня. У ворот меня окликнул стражник. Теперь у нас был и стражник, что даже обрадовало. Только он не узнал меня. Но после недолгих объяснений и легкого рукоприкладства, молодой воин пропустил героя. К тому же подоспел Родор и все прояснил недотепе.

Я заметил блеск в глазах кузнеца. Он понял, что мне удалось раздобыть еще одно сердце и пришел в неимоверный восторг.

— Боги любят тебя, Гур! — закричал Родор, не останавливаясь.

И орал, что шальной, пока я не перебил его и не спросил что с ним. Оказалось, что это победный клич. Когда герой на арене убивает врага, то все приветствуют его таким способом. Он сказал это и вновь затянул:

— Боги любят тебя, Гур!

Мало-помалу стали подтягиваться жители Мелавуда и тоже начинали вопить, что есть духа.

— Боги любят тебя, Гур!

Это было приятно, и я знаю, боги слышали это. По всему видно, что если люди и сомневались во мне раньше, то сейчас они уверились.

Зигруд затряс меня за плечи от радости, но когда веселье закончилось, и народ стал расходиться по своим делам, он нахмурился. Отвел меня в сторону и сказал:

— Мне удалось узнать о смерти двух героев. Одного убили три дня назад в поле. Буквально разорвали на части, словно топором рубили и вырывали куски плоти щипцами.

— Не похоже на работу Змея, — задумался я. — А что со вторым?

— Этот был убит вчера ночью. Как говорит пастушка, его выпотрошили, как свинью, перерезав горло и вспоров живот. Остались следы когтей и пятна крови, словно по полу волочили что-то.

— А вот это он — Змей. Его почерк.

На мгновение я даже пожалел об использовании последнего сердца, но лишь на мгновение. Пусть другие выращивают себе острые зубы и длинные когти, пусть становятся больше и сильнее, я действую с головой. Как мне кажется.

Больше Зигруд ничего не узнал, но, по правде сказать, я особо не расстроился. У меня был свой план. Конечно, плохо, что сердца забрали другие, но я решил не размениваться на мелких сошках. Мне нужны крупные рыбы: Змей и Кракен — вот за кем нужно охотиться, а остальные — только закуска.

Раздумья прервал Родор. Он заставил меня мерять старый панцирь героя Мелавуда. Я с трудом нацепил металлическую громадину и обнаружил, что доспех совершенно не изменился, если не считать того, что вмятины стали меньше. Я еще раз убедился в том, что мне надо в столицу к Накмибу, и как можно скорее. Может Родор и старается, но... в этом я — не герой, а пугало. Кузнец покачал головой и сказал:

— Не волнуйся, Гур, все будет готово к Великому Празднику.

Я откланялся и пошел навестить барона. Он завтракал. Посидев с ним за утренним бокалом-кувшином вина, я засобирился в столицу. Путь не близкий, и надо успеть до вечера. Барон любезно предоставил свой гардероб мне на растерзание.

Я приоделся, наконец-то сменив драный плащ на новенький. Нацепил сапоги, куртку, штаны — хоть сейчас под венец. Теперь у меня не было когтя, но зато был ремень Фуаса с потайным чехлом для изогнутого кинжала. Ну и острый же он был. Таким вспороть брюхо

— раз плюнуть.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Конец истории кузнеца Кьяна

К вечеру показались ворота Морхенда. И конечно же, я заглянул в «Цыпочки». В первую очередь не из-за девочек и куриных бедрышек, а потому, что именно тут меня поймал Сирод. В трактире паслись шпионы и всякие темные личности. Они-то меня и интересовали.

Народу было немного, и я занял столик в углу. Отсюда хорошо видно всех гостей. Белоглазого упыря не было, зато остальные на месте. Я запомнил эти рожи. И чем больше в меня вливалось вина, тем сильнее чесались кулаки, но я старался не привлекать внимания и вел себя тихо.

Мне приглянулась одна компания. Их было четверо: лысый верзила со свинячьей мордой, бородатый коротышка, похожий на гнома из сказок, одноглазый с уродливым красным шрамом через все лицо и мордатый богатырь с волосатыми ручищами, что у гориллы. Они громко болтали и вели себя очень раскованно.

— Хозяин! — крикнул одноглазый через плечо. У него на коленях сидела пьяная шляха в сползшем когда-то белом парике и все время идиотски смеялась. — Тащи еще вина!

Пышнобородый лысый хозяин трактира принес два кувшина и вернулся к своему любимому занятию: смотреть на гостей и вытирать кружки. Я помню, как он тогда обошелся со мной. Уж бороду-то я ему повыщипал бы за это. Не сейчас. Будет еще время.

— Фласт, сказал коротышка, — расскажи, как все было.

Волосатый мордорот отмахнулся:

— Пусть Гмух расскажет, я в кустах просидел на шухере и ничего не видел, а он загонял ягненка.

— Ягненка! — заржал одноглазый.

— Ягненок и был, только с зубами, — сказал Гмух — лысый со свинячьей мордой. — Наш Крак даже щупальца ни одного не потерял — сходу щелкнул клювом дохляка в бок и достал сердце. Тот и твякнуть не успел.

— А что там за герой был? — спросил гном с бородой.

— Ну, такой... на собаку похожий.

— Не везет же некоторым с героями, — усмехнулся одноглазый.

— Не в герою дело, — сказал Фласт, — а в бароне. Если барон тухляк, то пусть герой хоть огнем пышет, все равно сольется.

— А если нет, то поможем, — сказал гном и поднял бокал.

Товарищи поддержали, стукнулись кружками и выпили. Шляха закудаhtала пуще прежнего.

— Жаль тогда удрал сопляк из Мелавуда, — Гмух сплюнул на пол. — Зря отпустили.

— Верно говоришь, брат, — сказал одноглазый, — сплеховали мы. Подрубить бы ему ноги да руки.

— И язык отрезать, а то сильно болтливый был, — поддакнул коротышка.

— Еще успеется, — проговорил одноглазый и смачно шлепнул девку по задку. — Поймаем.

Я криво ухмылялся, слушая треп четырех болванов. Боги уже подталкивали меня почесать кулаки, но я не спешил. У меня есть дело к этим говнюкам.

В середину зала вышел носатый трубадур в красном трико, приталенном камзоле и со страусовым пером в берете. Он ударил по струнам лютни и затянул эпическую балладу:

— Во все времена
При всех королях
Сюжет этой песни
Бытует в умах.

Жил бедный кузнец
И дочь барона,
Любовь их была,
Как осина сильна.

Встречались они
Тайком от отца
И счастливы были,
И бились сердца.

Решили они
Идти под венец,
И дату назначили,
Счастлив отец.

Но демон из ада,
Исчадие зла,
Решил погубить их,
Разлучить навсегда.

Он сделался мачо,
Весь из себя,
И к нашей принцессе
Подкатывался.

Но демон ошибся,
Непорочна она,
Ведь это была
Дочь барона.

Попробовал он
Навести клевету
На дочь барона,
На ее красоту.

Состряпал все так,
Будто блудит она
С каким-то соседом,

С сынком барона.

Кузнец обезумел,
От горя поник,
Задумал из жизни
Уйти в тот же миг.

Красавица чувствует:
Сердце болит.
Она целомудренна.
Любовь — монолит.

А демону мало
Скверны одной,
Он шепчет уж ей,
Что кузнец разгульной.

Она вся в слезах
Грустит у отца,
Судьба посмеялась,
Влюбилась в лжеца.

И ярость вскипает
В душе барона,
Приказ отдает он:
Найти кузнеца.

А демон смеется
В преддверье конца,
Он шепчет уже,
Как найти подлеца.

Но нет для любви
Неприступных преград,
Кузнец и красавица,
Объясниться хотят.

Встречаются ночью
Опять при луне,
И поняли, что,
Были не в себе.

Отец в гневе страшен,
Нашел кузнеца,
Не слушает слов,

Зовет палача.

Сверкает топор,
Летит голова,
Рыдает от горя
Дочь барона.

Сюжет этой песни
Совсем уж не нов,
Как много в миру,
Таких баронов.

(Дорогие друзья, напишите, пожалуйста, что вы думаете о балладе. Нужна она вообще или нет?)

Бард закончил. Поклонился. Но вместо аплодисментов и монет в него полетели куриные кости.

— Убирайся, дурень! — крикнул бородатый гном и запустил огрызком.

— Играть научись! — поддержал Фласт.

— За такое и по рылу получить можно! — заржал одноглазый и бросил в беднягу кружкой.

Бард поник. Обхватил руками лютню, защищая самое драгоценное, что у него было, и медленно попятился в мой угол. Я тоже не был в восторге от его песни. Почему он назвал меня демоном? Может я и не праведник, но никак не исчадие зла. Вообще, в истории все перевернуто с ног на голову и слог хромает. Но это не повод унижать бедолагу и бросать в него костями.

— За такую муть ты сам должен платить нам, — крикнул Гмух. — Тащи сюда свою задницу.

Бард подошел, словно нашкодившая собачонка.

— Дай сюда свою бренчалку, щас я сыграю.

Одноглазый скинул шляху — та ловко перепрыгнула на колени Гмуха, — и выхватил из рук барда лютню. Он ударил по струнам и запел сипато:

— Тыры-быры, на-на-на, выварачуй кармана...

— Ну, как тебе?

Музыкант закивал.

— Чего киваешь? Плати давай.

Бедняга скукожился, что гнилое яблоко и проблеял:

— У меня ничего нет.

Гмух швырнул в него костью, но бард пригнулся, и куриный огрызок угодил прямо мне на стол. А вот и повод познакомиться. Я аж духом воспрял.

— Чего лыбишься? — крикнул мне одноглазый. — Моя песня тоже понравилась? Плати давай!

Прочитал?! Понравилось и ждешь продю — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Пан или пропал

— Хорошая песня, — сказал я и допил вино в кувшине. — За такую не грех и заплатить.

Швыряю кувшин в Гмуха — точно в цель. Глиняный горшок с треском разбивается о дубовую голову. Шлюха визжит. Ей тут же вторят другие. Бард исчезает с середины зала, словно призрак. Пошло веселье. Четверо бравых рубак вскакивают как по команде и с кулачищами бросаются на меня.

Хватаю стул — и запускаю в первого — крепыша Фласта. Табуретка разлетается в дребезги, лишь слегка замедлив воина. Такую громадину попробуй останови. Вперед рвется Гмух — кто ж еще? Это ему в голову прилетел кувшин. Он замахивается справа и бьет как деревенщина. Уклоняюсь и встречаю через руку. Кость в кость. Кулак немеет. Лысый исчезает из поля зрения, храпит где-то под ногами.

Следующий — гном с бородой. Легко ловлю его приплюснутый нос джебом левой и вкладываюсь в правый прямой, но этот гад ныряет под руку и дает мне в солнечное сплетение. Умеет бить коротышка. Дыхание сперло. Боль — адская. Получаю по рылу и топчусь на месте, как корова на льду.

А сбоку уже подоспел одноглазый. Он звонко лепит мне в ухо. В голове шумит. Машинально отмахиваюсь от гнома и налетаю на могучий удар Фласта. Мой красивый нос пускает юшку. Семеню ногами к толстому хозяину. Меня окружают трое — и давай молотить. Закрываюсь, как могу. Нельзя показывать свою скорость и ловкость, не то вмиг расколют. Улучив момент отпихиваю одноглазого, бью наотмашь не глядя и попадаю в рыло хозяину. Это за прошлое. Вновь выскакиваю в центр зала и встречаю Фласта мощным в челюсть. Он проседает, но его место занимает коротышка. Он опять ловко уворачивается и всаживает свой маленький острый кулак в живот. Желудок против такого массажа. Он сбрасывает полкувшина вина. Это спасает меня. Нападавшие отпрыгивают, но тут же наваливаются заново. Уже и Гмух подоспел. Машет кулачищами, что мельница. Вырубить — раз плюнуть, но я не бью.

Самое время перейти ко второй части знакомства. Я позволяю ему попасть мне под глаз и еще раз — в челюсть. Сознание мутнеет. Пол оказывается у самого лица. Последнее, что я вижу — нос кованного сапога. Тьма.

Очнулся я в луже крови. Выплюнул кусок зуба и языком нащупал скол спереди. Да уж, теперь я красавчик, нечего сказать, с изюминкой. Мои громилы уже вернулись за столик. Я поднялся и плюхнулся на стул за своим столиком.

— Смотри-ка, Гмух, — гном кивнул в мою сторону, — этот поднялся.

— Добавки хочешь? — крикнул мне лысый.

Я замахал руками, показывая, что с меня хватит и обратился к хозяину:

— Кувшин вина этим крепким парням.

— А ты ничего, — обрадовался Фласт, — кулаками умеешь махать.

— Да и вы ребята что надо. — Я пошевелил челюстью и потрогал синяк под глазом. — Бьете, что молотками.

— Садись к нам, — пригласил Гмух, — выпьем вместе вина.

Конечно же, я принял приглашение. Это и было задумано. Теперь надо быть очень

осторожным. От этой беседы зависело будущее. Одна ошибка — и все впустую.

Одноглазый плеснул мне в кружку вина и спросил:

— Как звать?

— Руг, — представился я, долго не думая над именем.

— Откуда ты? — спросил гном, прищурившись.

И вот он — момент истины. Если в зале есть люди из того имения, что я скажу, то мне конец. Даже, кажется, стало тише. Ну, пан или пропал.

— Из Моасада.

Повисла гробовая тишина. В районе барона Эбена спокойно разгуливает человек барона Валлуга? Это не то, что оскорбление, — это плевок в лицо! Я знал, что эффект будет, но не рассчитывал на такой. Гмух открыл рот. Одноглазый часто заморгал единственным глазом.

Гном достал нож, положил на стол и сказал:

— Ты или дурак, или сумасшедший.

— Сумасшедший, — ответил я. — А если серьезно, то мне надо поговорить с кем-нибудь из ваших командиров.

— Это зачем это?

— Я больше не работаю на барона Валлуга и хочу служить сильнейшему — барону Эбену.

— Откуда мне знать, что ты не врешь, — сказал Фласт.

— Я сдам тебе шпиона Валлуга.

По залу прошел шорох. Фласт свел брови.

— Кто он? И чем ты докажешь?

— Пока я не могу сказать. Мне нужны гарантии, что меня не прирежут вместе с ним. Доказательств у меня нет, но надеюсь, когда назову имя, вы поймете сами.

— Может проще тебя убить?

— Тебе решать. Но если барон Эбен узнает, что ты упустил возможность шпионить за Валлугом и прищучить его лазутчика, как он поступит с тобой?

Гном схватил нож и молниеносно приставил лезвие к шее. Холодный металл буквально обжег кожу. Волосы на затылке встали дыбом.

— Если ты солжешь — прирежу как свинью. Говори, кто он?

План рушился. Глупо было надеяться, что смогу водить их за нос. Я сглотнул.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

В осином гнезде

— Сирод, — медленно проговорил я.

— Кто? Я не знаю такого.

Клинок сильнее прижался к горлу. Тут до меня дошло, что имя белоглазого выдуманно. Значит, этот урод точно вынюхивал тут что-то.

— Бельмо на глазу, длинные волосы, лицо в оспинах, — протараторил я. — Как он назвался вам, мне не известно.

— Тео, — в один голос сказал гном и Фласт.

— Я так и знал! — одноглазый стукнул по столу.

Гмух сжал кулаки и сделал такое лицо, будто видит перед собой предателя и прямо сейчас разорвет его на части.

Лезвие убралось с шеи. Я потер горло, сглотнул комок и выпил вина.

— Теперь верите?

Гном спрятал кинжал в ножны и долго изучал меня с ног до головы. Затем сказал:

— Ладно, приходи завтра утром на центральный рынок к мясной лавке Глорда, там потолкуем.

Меня больше ни о чем не спрашивали. Говорили о шпионе: где его сейчас найти и что с ним сделать. Кто-то пошел на поиски, кто-то понес весть барону.

Я глотнул вина и хотел было откланяться, как дверь таверны открылась, и на пороге показался Сирод-Тео в компании молодого прыщавого воина. Но никто не бросился рвать ему глотку. По молчаливому согласию все делали вид, что ничего не произошло. Гном посмотрел на вошедших, затем глянул на меня, сквозь щелочки глаз. Я еле заметно кивнул.

Внезапно Сирод-Тео поменялся в лице, похлопал по плечу своего спутника и вышел за дверь.

— Поймайте его! — крикнул Фласт.

За шпионом тотчас выскочило не меньше десятка молодцов. Вскоре они вернулись, понутив головы. Кто-то предупредил Сирода, дал знак, и этот кто-то находится тут — в зале. Он внимательно следит за мной, но не выдает, что я никогда не появлялся в Моасаде. Еще бы. Он знает, что тогда и его подвергнут сомнению. Начнут задавать неудобные вопросы. Слово-за слово, и так недолго головы лишиться.

Бородатый коротышка рвал и метал. Фласт схватил ручищами прыщавого юношу за шею и пытался выдавить из него хоть что-то, но тот только блял ягненком. Гмух пускал из глаз молнии в окружающих. Одноглазый тайком тискал шлюху.

Мне здесь больше делать нечего. Я справился у хозяина о комнате и под его суровым взглядом поднялся по лестнице на второй этаж. Отмахнувшись от навязчивой ночной бабочки, я закрылся на замок, завалился на кровать и проспал до утра.

Едва забрезжил рассвет, я пошел в сторону центрального рынка. Порасспросив у прохожих, я подошел к лавке Глорда. Им оказался бородатый коротышка. Он как раз разделявал свинью.

— А, это ты, — сказал гном, кромсая тело. — Заходи. Завтракал?

Я покачал головой.

— Сейчас поедим мяса. Гмух, налей гостю вина. Ты садись.

Из задней комнаты вышел лысый. Он притащил кувшин и три кружки. Гном бросил на жаровню свиной язык и пару ломтей мяса, вытер руки о фартук и сел к нам за столик.

— Ну, а теперь расскажи, кто ты, и что ты можешь сообщить нам, чего мы не знаем?

Я глотнул вина и начал рассказ о том, как мне жилось в Моасаде. Конечно, я сочинял. И чтобы не попасться на возможные имена и общих знакомых, я врал как цыган на допросе. Я понял одно: если хочешь, чтобы тебе поверили — ври по крупному. Представился я — ни много ни мало — как внебрачный сын барона Валлуга, которого прятали вдали от имения, роскоши и богатства. Рос на отдаленном хуторе, а заботился обо мне глухонемой старик.

Когда я закончил, Глорд бросил мне в тарелку язык и сказал:

— Если ты врешь, я зажарю твой язык и съем.

Я ничего не ответил. Я был голоден как волк и набросился на жаркое, обильно запивая вином сочное мясо.

— Чем ты можешь пригодиться нам?

— Я сейчас отправлюсь в район своего папашки и... что бы вы хотели знать?

Гном прищурился и долго изучал, как я жую мясо и глотаю кислое вино. Затем сказал:

— Для начала, принеси флажок барона Валлуга.

— Что?

— Принесешь флаг, там посмотрим, что с тобой дальше делать.

Проще простого, решил я и попрощался с новыми друзьями. Надо было найти район барона Валлуга и сорвать с какого-нибудь здания флаг. Я купил в лавке карту города, где были обрисованы разноцветными линиями районы и двинулся в нужном направлении.

Пока шел, я заметил, что флагов не так-то много, а точнее их нет совсем. Только проходя мимо резиденции барона Эбена, я заметил трепещущиеся бело-синие полотна на верхушках башен. Задание вдруг резко стало не таким простым. Пока с этим можно подождать. А вот с доспехами — нельзя.

Я свернул в квартал ремесленников и поприветствовал мастера Накмиба. Он, конечно же, не узнал меня, но от этого вежливее не стал.

— Чего тебе, босяк?

— Хочу взглянуть на твои товары, может какое ведро приглянется.

— Мои доспехи — лучшие в Бангшире...

— Ладно, чего трепаться, показывай.

Он проводил меня в комнату, где стояли манекены при полной броне. Да, спорить тут бессмысленно: заклепка к заклепке, полировка — смотреться можно, орнамент — райские кущи. Одним словом — работа мастера.

— А теперь убирайся, — сказал кузнец.

— Эти мне подойдут, — я ткнул пальцем в простой круглый панцирь со львом на нагруднике.

— Двадцать девять золотых, — спокойно сказал Накмиб.

— За двадцать пять возьму.

— У меня не торговая лавка, у меня — магазин.

Я достал золотую монету, подбросил и сказал:

— Двадцать семь, и возьму у тебя еще шлем, перчатки, сапоги и поножи. По рукам?

— Хорошо.

Мы насчитали за все — пятьдесят золотых.

— Вот задаток, — я выложил семь монет. — Остальное получишь после подгонки.

На том и порешили: через два-три дня все будет готово, и я приношу всю сумму.
Осталось найти деньги.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

От работы кони дохнут

Я шел по торговой улице и думал над тем, какую кашу заварил. Может, зря все это? Может, надо было прикончить еще парочку мелких героев, влезть в старые доспехи, выйти на арену... пукнуть, и дело с концом, как говорил барон Горлмид?

Читая мои мысли, боги в небесах аж встрепнулись. Я почувствовал это и потрянул головой. Да разве с таким настроением выйдешь победителем на арене? Нет. Я все правильно делаю. Пока все идет по плану. И не беда, что надо раздобыть сорок три золотых монеты для доспехов. Не страшно, что вокруг одни враги. Надо стащить долбаный флаг? Легко. У меня еще куча времени — двадцать два дня.

Я вышел на рыночную площадь. Тут было людно. Кричали торговцы, бегали дети, визжали свиньи, играла музыка, и стреляли хлопушки. Одним словом — праздник. Заскочив к ювелиру, я продал кольцо с рубином за три золотых монеты. Осталось сорок. Где их найти? Я осмотрел площадь и, словно специально, на глаза попалась доска с объявлениями. На ловца и зверь бежит.

Предложений было много. Требовался конюх, служанка, подмастерье кожевника, швея, лесоруб и еще всякая ерунда — все не то. Но одно старое объявление привлекло мое внимание. «Нужен смельчак для очень интересной и опасной работы. Зарплата высокая. Травник Сенеир» — гласила потертая, не раз смоченная дождем бумажка. Эта работа по мне.

Я спросил у торговца рыбой, где мне искать травника Сенеира. Он как-то странно посмотрел на меня и показал трясущимся пальцем в угол площади. Я поблагодарил его и подошел к обшарпанной двери. Сверху на облезлой вывеске едва угадывалась надпись: «Травник Сенеир».

— Говоришь, зарплата высокая, — сказал я вслух и постучал.

Дверь была не заперта. Я вошел. Внутри было еще хуже, чем снаружи: повсюду валялись пучки трав, на стенах висели заросли паутины, в воздухе клубилась пыль, пахло прелым можжевельником и паленой шерстью.

— Кто-нибудь есть?

— Сейчас-сейчас, — донеслось из задней комнаты.

Там упало что-то тяжелое, загрохотало, разбилась банка, донеслось: «Дьявол тебя ущипни за хвост», и в комнату вошел всклокоченный дед с зелеными пятнами на лице, что лягушка.

— Чем могу? Есть прекрасные смеси от бессонницы, от сонливости, от запоров, от поноса, для мужской силы и... нет, что это я, ты же молод еще. Есть одно средство, — он подмигнул, — любая девушка раздвинет ножки от двух капель...

— Я по объявлению.

Травник внимательно осмотрел меня и сказал:

— Так-так-так. Мне нужен очень смелый человек с крепким здоровьем.

Я улыбнулся.

— Там написано, что зарплата высокая.

— Да-Да. Высокая. Нужно собрать ровно сто желтых болотных пупырников. Они чаще

вырастают оранжевыми, но нужны именно желтые. У меня большой заказ на одно средство для очень влиятельной особы...

Наверно на моем лице отразился вопрос, так как старик осекся и перешел к финансовому вопросу.

— За это я заплачу тебе, — он сделал небольшую паузу и торжественно объявил, — один золотой.

— До свидания.

Я развернулся к выходу. Да тут месяц будешь скакать по болоту в поисках именно желтых, а не оранжевых пупыриков, чтоб их.

— Постой, — крикнул Сенеир. Я замер в дверях. — Ты, я вижу, смелый малый и хочешь заработать много и сразу. У меня есть для тебя работа.

Вот это уже другой разговор. Я повернулся.

— Что надо делать?

— Тебя как звать?

— Руг, — представился я.

— Послушай, Руг, знахарство — это не только точное следование формуле, это еще и творчество, эксперименты, проба нового. Я изучил все возможные травы и рецепты, но, — он многозначительно поднял палец, — потенциал некоторых смесей не раскрыт полностью. Я человек старый, сердце уже не то, да и желудок не может переваривать все подряд, как в былые времена. Понимаешь к чему я клоню?

Я кивнул. Этот старый черт хочет попробовать на мне свои микстуры. Что ж, если за это он будет хорошо платить, то почему бы не выпить рюмку-другую какой-нибудь настойки.

— Прекрасно! — Глаза Сенеира заблестели, и он даже подпрыгнул на месте. — Начнем.

— Стой. За копейки я не стану пить твою отраву.

— Я буду платить тебе по пол золотой монеты за один прием снадобья.

— Один золотой — одно зелье, — отрезал я.

— Помилуй, Руг. Ты получишь не только деньги, но и прекрасную микстуру...

— Один золотой, или прощай.

— Ладно, — Сенеир сдался. — Хорошо. Но от тебя я потребую еще полный отчет о действии снадобья.

Я согласился, и травник тут же притащил пузырек с черной тягучей жидкостью. Надпись на бумажке гласила: «Незлин». Он налил в рюмку тридцать грамм и с сумасшедшим блеском в глазах протянул мне. Я махнул стопку: по вкусу как паленые клопы в смородине. Ничего так. Кислятина у барона Горлмида не лучше.

— И чего делать? — спросил я.

— Занимайся своими делами, — спокойно ответил Сенеир. — Встретимся через пять часов, тогда и получишь оплату.

Мне как раз хватит времени, чтобы раздобыть флаг барона Валлуга, решил я, и направился в его район.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проды — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Не гуляйте в серой зоне

Внимательно изучив карту, я понял, что город разделен совсем не ровно. Мало того, некоторые бароны, в том числе и Горлмид, полностью лишены своих территорий. Видимо, их просто забрали себе соседи. Как было видно, Валлуг и Эбен разделили между собой почти всю столицу. Осталось только несколько малых районов на их границе и парочка сравнительно крупных, не принадлежащих двум соперникам — барона Гниора и барона Серона.

Чем ближе я подходил к границе владений барона Эбена, тем меньше становилось людей на улице. У последнего дома было что-то вроде пропускного пункта. Конечно, тут не было частокола и подъемного моста через ров, но компания тяжеловооруженных громил явно намекала, что не стоит тут шастать. А лучники на крышах домов провожали такими взглядами, будто на мне висела мишень.

— Кто таков, куда собрался? — окликнул бывалый усатый воин.

— По заданию Глорда, — сказал я негромко и таинственно подмигнул.

То ли мой знак подействовал, то ли имя Глорда испугало воина, но он кивнул и дал знать остальным, пропустить меня.

Я вступил в приграничный район. Тут все резко поменялось, будто это другой мир. На карте он был обозначен серым цветом. Действительно, отовсюду сквозило запустением, дома утратили краски, а на дороге валялся мусор. Гнетущую атмосферу дополнял монотонный скрип ставней на легком ветру. Похоже, люди давно покинули это место. Пограничные районы превратились в районы боевых действий. Если между именами люди еще как-то мирились, то тут шла открытая вражда.

Я невольно ощетинился, прижался к стенам и пошел крадучись, что лис. Тут было неуютно. Казалось, вот-вот выскочит из-за угла шайка разбойников, или прилетит стрела. Я достал меч. Вряд ли в сером районе разговаривают с прохожими.

На пороге одного из домов чернела запекшаяся кровь. В воздухе кружили мухи, и пахло недобро. Через несколько кварталов навстречу выбежал рыжий лохматый пес. В зубах он держал человеческую руку — не отгрызенную, а отсеченную. Я спугнул собаку, и тварь исчезла в дыре под забором.

Чуть дальше послышались голоса. Я замер: за поворотом в нескольких десятках метров тихо посмеивались несколько человек, и кто-то приглушенно выл. Надо бы аккуратно обойти, но... Я подошел ближе и выглянул из-за угла. Там четверо громил держали на земле какого-то бедолагу с кровоточащей культей, а пятый замахивался топором. Раз, — и пленник лишился второй руки. Он завыл, но кляп во рту сдавливал нечеловеческий крик боли и отчаяния. А палачи только рассмеялись. Один из них подхватил отрубленную конечность и свистнул черному псу. Тот завилял хвостом в предвкушении ужасного угощения, и тут же получил его. Остальные громилы ловко перевязали раны стонущему. Он был в полуобмороке и едва понимал, что происходит.

Не мое это дело, но боги в небесах уже сжали кулаки. Да еще что-то живот заурчал как назло не вовремя. Придется все сделать быстро. Я вышел из-за угла.

— Эй, честной народ, развлекаетесь?

Пять рыл развернулись в мою сторону. Глаза у них были волчьи. Ушастый мордоворот сплюнул, отпустил ногу бедолаги и двинулся в мою сторону. В руке сверкнул меч. За ним пошли остальные. Тем лучше, не придется молотить языком.

— С какого района? — просипел палач с топором.

Я прям опешил. Но взял себя в руки и твердо сказал:

— Район барона Горлмида.

— Чавой? Давно нет такого. Ты кто такой?

— Меня зовут Гур.

Зачем надо было называл настоящее имя, да еще барона приплетать, я не знал, но теперь бандитов нельзя отпускать — еще разболтают чего. В животе опять заурчало.

Ушастый замахнулся и ударил сверху. Я уже не сдерживался. Хотелось дать разгуляться телу, почувствовать силу, ловкость, скорость.

Легко отбиваю снизу вверх — меч поет — и рублю по шее. Клинок входит как в масло. С наскока пинаю ногой следующего — бородатого увальня. Он не успевает даже топора поднять, как садится на задницу. На неполном развороте обеими руками всаживаю острие в живот третьему, даже не вижу его лица, просто чувствую, как меч находит плоть. И отскакиваю от размашистого удара топором. Тут же возвращаюсь и вбиваю рукоять в зубы бородатому палачу, это он махал топором. Кручу над головой меч и рублю лицо увальню, хлопающему глазами, а затем приканчиваю и палача точным ударом в глаз.

Тут пришлось остановиться, иначе стирать мне штаны в реке. Нет, не от страха, а просто живот заурчал так сильно, что мне срочно понадобилось найти укромное место. Пока я корчился от судорог, пятый — белобрысый детина с печатью умственной неполноценности на лице — скрылся из виду.

Я немного успокоился, и тут же неприятные ощущения в животе прошли. Это хорошо. А вот то, что последнему разбойнику удалось смыться — очень плохо.

Я подошел к безрукому. Он был мертв. Бандиты не успели толком перевязать раны, и он истек кровью. Лицо бедняги было изрезано ножом, глаза заплыли от ссадин и синяков, но даже в таком виде я узнал его. Это был бард из «Цыпочек». Видимо его песни не понравились местным жителям. Даже не знаю, повезло ему или нет в том, что он не выжил.

Обшарив карманы трупов, я двинулся дальше. Мой кошелек пополнился лишь несколькими серебряными монетами, но и это лучше, чем ничего.

Вскоре показалась граница района барона Валлуга. Ее можно было легко узнать по развевающемуся красно-белому флагу над сторожевой будкой и лучникам на крышах домов.

— А ну стой, тварь! — крикнул мне тюфяк в погнутом шлеме и латах не по размеру маленьких.

Я остановился, разглядывая яркое знамя. А не взять ли мне его прямо сейчас?

— Чего встал, дурень? — засмеялся воин.

Пожалуй, я все-таки возьму его.

— Эй, юродивый, ты глухой?

Да, точно возьму, а еще прихвачу парочку жизней этих говнюков. Уж боги там на небесах скрипят зубами от гнева. Я потянулся к мечу, но живот... этот предатель вновь заговорил о своем: срочно нужно в укромное место. Я скорчился и глупо улыбнулся и пропищал:

— Мне срочно нужно в...

— Обосрался что ль?

— Почти, — выдавил я.

Но тут мне вдруг стало легче. Я понял. Это чертов Незлин действовал. Как только я впадаю в гнев, тотчас же мне прорывает днище.

— Вот дурень! — расхохотался тюфяк. — Проваливай, пока цел!

Ну, как тут не злиться? Это было безвыходное положение. Боги требовали крови, но живот все портил.

Дорогие друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Дышите глубже и думайте о хорошем

Я глубоко вдохнул, успокоился, и туалетные позывы прекратились. Так-то лучше. Теперь главное держать себя в руках.

— Доблестные воины барона Валлуга, я на вашей стороне, — сказал я тепло и приветливо, — и у меня важное дело к вашему командиру. Пропустите, пожалуйста.

— Ты еще здесь, голодранец?! Пшел вон!

Живот буркнул, но я продолжил петь:

— Могучий страж земель великого барона, твой господин очень хотел бы заполучить меня в союзники, и когда я буду разговаривать с ним, я упомяну тебя добрым словом.

Моя речь попала в цель. Тюфяк почесал репу, посмотрел на своих дружков и махнул рукой.

— Ладно, дуй сюда, придурок.

Я проглотил обиду. В конце концов, я еще встречу его, и тогда мы вместе припомним былое веселье. А сейчас я подбежал, как собачонка, и завилял хвостом.

— А чего это у тебя меч в крови? — спросил стражник.

— По дороге крысы напали, отбивался и еле ноги унес.

Тюфяк расхохотался, но остальные не поддержали веселье и как-то сурово посмотрели в мою сторону. А я улыбался самой дружелюбной улыбкой, какой только мог и посматривал на флаг. Пока придется забыть о нем.

Меня проводили в крайний дом, где было что-то вроде военного лагеря.

— Вот, — тюфяк толкнул в спину, — пришел из серой зоны. Говорит, дело есть.

В обветшалой комнате за большим дубовым столом в рубцах сидели трое. Все как один в тяжелых доспехах с красно-белыми эмблемами и суровыми лицами. Богатырь в подшлемнике и с усами подковой долго изучал меня и, наконец, сказал:

— Ну?

— Я бы не хотел говорить при свидетелях.

Усатый махнул тюфяку, и тот скрылся.

— От остальных секретов нет, — сказал он на мой вопросительный взгляд.

— Хорошо. Я должен был рассказать вам весьма правдоподобную историю о том, как на меня напали, что я чудом уцелел, и что я из Гринвуда, но всегда поддерживал вашего барона Валлуга, потому что он самый сильный и достойный повелитель Бангшира, а я хочу служить только сильнейшему. И еще наговорил бы кучу вранья. Но я не стану этого делать. Я расскажу вам правду. Я долгое время служил барону Эбену, и он доверяет мне как своему сыну. Но я ненавижу его за то, что он тайно выкрал мою невесту и спрятал где-то в чертогах своего героя, где эта тварь развлекается с моей Изабель. Он думает, что я ничего не знаю, но он ошибается. Я все знаю! Так вот...

— Мне плевать, — перебил усатый. — Я здесь охраняю свой район. Тебя проводят в дом барона, спросишь там Фимра. Он по этой части.

Я обрадовался. Все оказалось так легко: наплел с три короба — и в дамки. Теперь надо заинтересовать этого Фимра, и дело в шляпе. Хитрый план шел как по маслу. Я поступлю на службу к обоим баронам и буду постепенно подбираться к героям. А там — и загорятся

сердца!

Ко мне приставили желторотого юнца в провожатые, и мы направились в центр. Эта часть города отличалась от всего виденного ранее. Тут повсюду дежурили солдаты, и было такое чувство, что этот район готовится к войне. Туда-сюда сновали тележки с продовольствием, горели костры, новобранцы упражнялись в фехтовании. Даже торговцы, казалось, не продают товар, а отдают приказы. И проводник вел меня, что пленника, разве что не тыкал копьём в спину.

Резиденция барона Валлуга походила на крепость. Тут даже пропуск спрашивали у моего солдатика. Хорошо, что бумаги были в порядке. Нас пропустили через три двери и, пройдя по узким коридорам, мы остановились у дубовой двери. Юнец постучал.

— Входите.

Мы послушно вошли. Это была маленькая комнатка с массивным столом и одним стулом напротив. За столом сидел военный и с умным видом водил пером в книге. Дописав слово, он поднял глаза.

— Шпион, — отрапортовался мой солдатик.

— Эй-эй-эй, — я замахал руками, — я не шпион, пока во всяком случае.

— Ты свободен солдат, — сказал военный и стал писать дальше.

Проводник исчез, а я какое-то время изучал серые стены. Наконец, я не выдержал.

— Послушайте, я пришел...

Дальше я поведал все ту же историю, только чуть больше расписал красоту Изабель и добавил, что я хочу работать на барона Валлуга, и что наш общий враг послал меня выкрасть у них флаг.

Я закончил. Военный, наконец, дописал и взглянул на меня.

— И чем я могу помочь тебе?

Я опешил. Я тут танцую перед ним, пою, а он — как первый раз меня видит. Даже живот буркнул от недовольства, но я лишь улыбнулся.

— Я дам вам сведения о герое барона Эбена. Вам это интересно?..

— Да. — Слева бесшумно отворилась потайная дверь, и вышел плешивенький старикан с одной ногой и птичьим взглядом. — Зачем ему наш флаг?

— Я пока не знаю, но даю вам слово, что выясню это.

Военный вскочил, уступил место одноногую и вышел за дверь. Старик ловко прыгнул в кресло и стал внимательно изучать меня. Прошло больше минуты, и он буквально крикнул:

— Меня зовут Фимр. И еще ни одна собака меня не обманула. Я раскусил тебя, негодник. Ты — предатель и лжец!

— Помилуйте, — запел я, — мной руководит только месть барону Эбену. Моя ненаглядная Изабель...

— Хватит! — перебил Фимр. — Я не верю ни единому твоему слову! Но мне нужны такие люди в стане врага. Ты получишь флаг и вернешься к Эбену. Я пока подумаю над твоим заданием. Твое имя? — он открыл книгу и обмакнул перо в чернила.

— Руг.

Он тут же записал.

— Но, — сказал я, — Мне надо для правдоподобности самому стащить флаг с крыши. Я подозреваю, что у вас есть крыса, которая будет следить за мной.

Фимр обслюнявил кончик пера.

— Хорошо. Полезай на крышу. Лучникам крикнешь сегодняшнее кодовое слово: «Я

голубь». Выполний.

Я, прям, чуть честь не отдал. Развернулся и вышел. Найти лестницу на крышу было просто: я представлялся стражнику как голубь, и меня тут же проводили на крышу.

Ближайший флаг был на декоративном выступе в зубах у горгульи. Я спокойно залез на плечи каменному монстру и только взялся за древко, как на соседней башне заорал лучник:

— Враг на крыше! Он снимает флаг!

Внизу перед замком десятки голов поднялись наверх. «Вон он!» — закричала толпа. Тетива натянулась. Я замахал руками, крикнул:

— Я го...

Но кишечник прямо взбунтовался. Еще немного и случится непоправимое. Чертов Незлин работал еще и на крик. Положение было безвыходным. Наконечник стрелы смотрел на меня. Но, все-таки, голова — мое лучшее приобретение. Я спустил штаны и заорал во все горло:

— Я голубь! Я голубь! Я голубь!

И продрывался.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Переночевав на постоялом дворе, я первым делом двинулся к травнику.

— Твой Незлин, — крикнул я с порога, — действует еще и как Неорин. Два в одном. Можешь повышать цену.

Сенеир выскочил из задней комнаты. В руках он держал две пробирки с черной и зеленой жидкостью.

— Это превосходно! — воскликнул травник и смешал ингредиенты. — Теперь запиши в журнал: через сколько времени началось действие, как долго длилось, насколько силен эффект. Опиши побочные действия...

— Некогда мне, — перебил я. — Гони золотой.

— Ты должен описать действие.

— Ладно, записывай. Моментальный эффект, длится... до сих пор, эффект — поразительный. Побочные действия — отсутствуют.

— Не хочешь ли попробовать еще одно средство?

Сенеир поднял пробирку. Внутри шипело и пускало пузырьки нечто черное.

— Эту гадость? — я показал пальцем на бурлящие чернила.

— Нет, это от моей подагры, — ответил Сенеир и выпил свое зелье.

— В следующий раз. У меня еще от Незлина живот бурчит.

— Хорошо, ты знаешь, где меня искать.

Травник вручил мне монету, и я откланялся.

Бородатый гном в мясницкой лавке грыз кабанью ногу и запивал вином. Я развернул перед ним флаг и швырнул на стол, словно тряпку.

— Как ты добыл его?

Я слегка замялся: не хотелось рассказывать подробности, но наверняка он все равно узнает.

— Снял с крыши при весьма неудобных обстоятельствах, — сказал я.

Глорд дал знать, что хочет послушать подробности.

— Там было много народа, а у меня случилось несварение желудка... и я выступил в неприглядном свете.

— То есть, они видели, как ты снимал флаг? Почему тебя не схватили?

— Я их отвлек.

— Я думал, флаг для этих балбесов очень важен, — хмыкнул гном. — Ты молодец. Флаг нам пригодится.

— Для чего?

— А тебе что за дело? — Глорд сверкнул глазами.

— Не хочешь — не говори, — отмахнулся я.

И этот гад ничего не рассказал. Я думал, что его проймет мое безразличие, а он вцепился зубами в кабанью ногу и стал рычать, что волк. Я плеснул себе вина в кружку и смочил горло.

— Я хочу предложить вам одно дело...

— Не сейчас, — перебил Глорд. — Вначале ты докажешь свою преданность.

— Разве флага мало?

— Да, мало. Ты добудешь закуску для Кракена.

Вот оно! Неужели мы, наконец, познакомимся! Я прямо загорелся изнутри и с трудом сдержал улыбку.

— Что это значит? — спросил я.

— Кракен ест только живую пищу. Он любит, чтобы жертва сопротивлялась, билась с ним. Мы ловим бродяг в серой зоне, а порой и людей Валлуга. Но босяки не очень нравятся Кракену, а вот солдат он любит. Ты постарайся угодить ему.

— И что, тащить пленника до замка в Куэмо?

— Наш герой тут.

— Кракен в городе?

Коротышка кивнул.

— Крак голоден, так что не затягивай, если сам не хочешь встретиться с ним.

Я растянул рот в улыбке. Ну, как же ты проницателен, Глорд. Хочу. Но наедине, без свидетелей. Я хлопнул его по плечу, залпом допил вино и пошел в сторону серой зоны, прихватив мешок и веревку. Но прежде решил все-таки заскочить к травнику. Золотой на дороге не валяется.

— Что на этот раз? — спросил я, разглядывая на свет мутный зеленоватый эликсир в рюмке.

— Истина души, — ответил Сенеир и многозначительно поднял палец.

Я выпил горькую отвратную гадость, слегка отдающую мускатом.

— И чего ждать?

— Прозрения. — У Сенеира засверкали глаза. — Ты увидишь души людей такими, как они есть.

— Это интересно, — сказал я вышел.

Вскоре я был у границы серой зоны и совершенно не заметил, как оказался рядом с могучим воином. Я словно появился возле него. Осмотрелся.

— Чего молчишь? — спросил он так громко, что в ушах зазвенело.

Я даже поморщился, но взял себя в руки и сказал:

— Отвали. У меня важное задание.

— Ну и иди тогда, — опешил страж и, кажется, даже обиделся, что я с ним так резко. — Уже и поздороваться нельзя, шпион хренов.

Мне показалось, что сквозь черты закаленного в боях мужчины проступило детское лицо. Я не обратил на это внимания, пропустил мимо ушей его слова и двинулся дальше. Мне и в голову не пришло, что все это слегка странно.

Серая зона показалось совсем не серой. Остатки краски на покосившихся домах сверкали яркими цветами, и получалось весьма пестрая картина: будто по нарисованным карандашом эскизам разбросали разноцветное пульсирующее конфетти. Я засмотрелся на радужные переливы — и буквально вышел из листа бумаги. На мгновение я даже увидел странную комнату, но чья-то невидимая рука перелистнула страницу, и я оказался на следующей.

В ушах загудело, словно бы я приставил к ним раковины. Вокруг ничего не изменилось: все так же сверкали краски, но я был не один. Я чувствовал тех, кто перелистывает страницы, кто следит за мной, и я знал, кто это: это боги. Они наблюдают за мной, ведут меня. Один из них даже спустился на землю и бежит прямо ко мне — медленно, словно бы

растягиваясь во времени. Он хочет обнять меня и приветствовать как равного. Я думал, что боги выглядят немного по-другому. Ну, как я. А это было какое-то чудовище в шипастой броне, с оскальпированной головой и зубастой волчьей пастью.

В ушах прямо завывало. Монстр замер в прыжке, — и кто-то перелистнул страницу.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

На ловца и зверь бежит

Шелест вывел из оцепенения. Я в последний момент увернулся и выхватил меч. Тут уж не до шуток. Бог это или нет, но намерения его прозрачны как стекло. Я ударил без замаха, но монстр отбил клинок длинными стальными когтями. Заревел, и я краем глаза увидел его дружков: двоих уродливых ящеров-падальщиков. Они не спешили нападать, а только шипели и прыгали как галки. Но я отвлекся на них и чуть не поплатился жизнью. Гигант прыгнул, сыпя могучие удары, щелкая пастью и брызгая слюной. Падальщики старались ухватить меня за пятки. Я ловко ушел в сторону так, чтобы чудище стало между мной и мелкими гаденышами, и рубанул. Кончик клинка угодил в наплечник. Монстр отмахнулся и с новой силой бросился вперед. Я парировал два неуклюжих выпада, перехватил меч за середину лезвия и снизу заехал ему перекрестием в пасть. Крутнулся, схватил за рукоять и рубанул высунувшегося ящера. Клинок снес пол морды гниде.

Я отскочил. Монстр пятился, держась за кровоточащую морду. Одна мелкая тварь билась в агонии, а вторая скулила топчась на месте. Я поднял меч и медленно двинулся вперед. Враги попятились. Похоже, с них достаточно. Где-то наверху глухо звякнуло. Я машинально отпрыгнул, и совсем рядом пробуравил воздух длинный шип. На крыше стоял еще один монстр со змеиной головой и шипами на спине. Он срывал их и с бешеной скоростью бросал в меня.

Я юркнул под защиту стены и не заметил, как остальные разбежались. В центре улицы остался лежать лишь один труп падальщика. Стараясь не высовываться под выстрел змееголового, я двинулся дальше.

Через несколько кварталов я почувствовал себя в безопасности и шел не спеша, наслаждаясь видами разноцветных домов. Вскоре они смешались воедино и стали сплошной радужной стеной. Я тоже слегка забылся и совсем не удивился, когда уже не перебирал ногами, а плыл на плоту по мутной реке вдоль разноцветных берегов.

В воде плескались золотые карпы. Они выпрыгивали и сверкали в лучах солнца желтыми монетами на боках. Я поначалу просто любовался их красотой, но потом решил не упускать такой шанс. Чего добру пропадать? Я стал ловить толстых сильных рыб. Но это было не так-то просто. Попробуй удержи такого скользкого кабанчика. Я хватал их за бока, а они шлепали губами и посмеивались от щекотки: «Хо-хо-хо-хо». Изредка мне удавалось оторвать золотую монету. Тогда я вторил толстякам: «Хо-хо-хо-хо» и прятал добычу в карман. Это было так весело, словно во сне. Но меня прервали.

Из небольшого притока вынырнула маленькая лодочка. Правил утлым суденышком самый настоящий заяц. Завидев меня, ушастый вскрикнул, быстро развернулся и умотал обратно. Я не стал за ним гоняться. Зачем мне сейчас заяц?

В небе заиграла музыка, и я поплыл дальше, наслаждаясь спокойным течением желтых вод, плеском рыб и пестрыми берегами. Цвета на них пульсировали, словно в калейдоскопе, и я впал забытье, не заметив, как снова все вокруг стало нарисованным, а сам я оказался на странице книги.

Кто-то перевернул лист и вернул меня к реальности.

Из-за поворота вновь показалась лодочка. На этот раз в ней сидела маленькая девочка.

Она закричала тоненьким голоском, но я ничего не разобрал. Тогда она помахала мне белыми ручками и сделала знак плыть за ней. Похоже, что ей была нужна помощь. Я свернул в узкую канаву, и плот сразу сел на мель. Дальше придется идти пешком. Я спешил и побежал по мелководью за шлепаньем маленьких ножек.

Девочка ждала меня у входа во дворик. Она хихикнула, сверкнула большими голубыми глазами и, словно котенок, полезла в подвал через решетку.

— Ты куда? — крикнул я, бросившись к окошку. — Постой.

Проход позади меня закрылся дверью из сколоченных досок. Это не к добру. Раздался дикий вой, лязг металла и рычание. И тотчас из окон полезли гадкие создания: зеленые, мускулистые чудовища с квадратными мордами, острыми ушами и клыками наружу, что у кабанов. Они были одеты в набедренные повязки и вооружены кривыми мечами. В качестве украшений они носили людские кости и черепа.

Ай да боги, ай да шутники! Я выхватываю меч и бью первым, не дожидаясь, когда твари нападут. Сразу сношу пол головы ближайшему выродку. Другой вовремя прячется и клинок лишь задевает кончик острого уха, но его сосед не так везуч. Рублю, и уродливая голова катится под ноги. Машинально футболу, и кровавый мяч попадает точно в морду кривоногому монстру, спрыгнувшему на землю.

Четверо уже шли в атаку. Я отпрыгиваю влево, чтобы выстроить их в линию и рублю справа так, что первого нападавшего просто сметает. Сзади — новые враги. Верчусь волчком, сыпля удары, что мельница. Монстры не пасуют, лезут вперед, надеясь просто задавить числом. А я крошу их в капусту. В воздухе летают брызги крови, отрубленные конечности, мозги.

Рогатый гигант прыгает, целясь острием в голову, я уворачиваюсь и снизу вверх рублю ублюдку подбородок. Он и хрюкнуть не успевает, как уже трясет головой, поливая землю кровью. Я перехватываю клинок за середину и перекрестием отбиваю выпад обезьяны слева. Затем ныряю под еще стоявшего рогатого и рублю по ногам монстру в бронированном панцире. Он падает как подкошенный, а я кувыркаюсь через него и бью сверху вниз. Уродливая плешивая голова безносого чудовища раскалывается как арбуз на две дольки. Впереди больше никого. Но позади бряцают оружием новые ублюдки.

Я резко разворачиваюсь в размашистом ударе, пригибая, словно травинки кривые мечи. Пинаю ногой в живот какого-то толстопуза, даже не посмотрев в его лицо и рукояткой врезаю по ребрам следующему — трещат кости, — затем бодаю в лицо третьего. Этот гад был в шлеме, и я раскраиваю себе лоб. Кровь заливает глаза. Я почти в слепую махаю мечом, но чувствую: он нашел плоть.

И тут на квадратную арену во дворе спрыгивает гигантский лев в сверкающих доспехах. Сразу стало ясно, кто здесь хозяин: оставшиеся в живых монстры попятились, давая ему дорогу. Он-то мне и нужен. В руках вожак сжимает двуручный топор. Для нас тотчас освобождается место. Но если мелкие твари сторонились главаря, давая ему свободу, то меня так и норовили укусить острыми клинками. Я бью рукоятью в рыло хряку в телогрейке и забиваюсь в угол. Тут я и встречу главаря. Мне отступить некуда.

Лев не тянет. Он вкладывается в сокрушительный удар — я принимаю топор на нижнюю часть клинка и еле удерживаю. Руки немеют. Вожак смотрит ошалелыми глазами. Теперь моя очередь. Я прижимаю топор к земле, наступаю ногой, прыгаю и бью коленом гиганту в челюсть. Он обмякает, что тряпичная кукла. Эффект был такой, будто я врезал разом всем монстрам. Они тут же поникли и словно по команде бросились врассыпную,

лишь пятки засверкали в окнах.

Во дворе остались только я, лев и трупы. Недолго думая, я сунул вожака в мешок, туда же положил топор и плотно скрутил веревкой. Получилась такая колбаска, что хоть ты вяль. Взвалил ношу на плечи и понес к плоту. Его унесло потоком воды и всю дорогу обратно мне пришлось топтать против течения.

Мне показалось, что я шел целую вечность. Уже потускнели краски. Звуки утихли. Полноводная река под ногами превратилась в едва различимый ручеек, рыбы больше не прыгали. И я совершенно не заметил, как оказался возле того же могучего воина у границы районов. Рядом на полу трепыхался связанный человек.

— А ты молодец, — сказал страж. — Кто там?

— Настоящий лев, — похвалился я, и стал выбрасывать камни из карманов.

Солдат удивленно посмотрел на меня и проговорил:

— Кракен будет доволен. А зачем тебе камни?

— Не важно, — отмахнулся я.

Взвалив пленника на плечи, я пошел к Глорду. За такую добычу я хотел попросить у него об одной услуге.

Друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много интересного!

Глорд у себя в лавке разделявал свинью. Он был по локоть в крови, и резал тушу с таким лицом, будто расчленял заклятого врага.

— Чего тебе? — рявкнул он, не глядя.

Я швырнул пленника на пол. Тот зарычал и забился в тщетных попытках освободиться.

— Как заказывал, — выпалил я, сел за стол и плеснул в кружку вина. — Настоящий лев.

Гном, наконец, обернулся и, смерив взглядом пленника, сказал:

— Не плох. Но это не солдат Валлуга.

— Этот лучше — главарь бандитов.

Глорд отложил тесак и вытер руки о фартук.

— Хочешь взглянуть? — спросил я.

— На арене увидим, — отмахнулся рукой коротышка.

— Могу я взглянуть, как Крак расправится с этим уродом?

— А тебе зачем?

— Я вынашиваю один план, и мне надо знать, на что способен ваш герой.

— Хорошо. Расскажешь по дороге, — сказал Глорд. — Бери своего льва, пошли.

Неужели мы, наконец, встретимся. Даже не знаю, как мне сдержаться и не вырезать сердце этому слизняку. О, это будет большой соблазн. Что там сложного? Зарезать барона, гнома и еще пару-тройку дуболомов, а затем прикончить Кракена. Делов-то!

Я взвалил на плечо уже порядком надоевшего пленника.

— Постой, — сказал гном.

Он привязал флаг барона Валлуга к ногам связанного и, заметив мой вопросительный взгляд, добавил:

— Так рождается легенда.

Я не понял. Тогда он пояснил:

— Флаг символизирует, что наш герой сейчас будет биться на арене с воином Валлуга.

И все увидят, насколько силен Кракен.

Я бы назвал это просто бахвальством, но только одобрительно улыбнулся. Пусть играют в игры.

Мы пошли в сторону дома барона Эбена. Я не ожидал такой реакции от прохожих: они приветствовали нас одобрительными криками, а некоторые бросали свои дела и шли за нами.

— Выкладывай, что у тебя там за план, — сказал Глорд.

Я выдержал эффектную паузу, собираясь с мыслями, и начал:

— Ты знаешь, как я ненавижу барона Валлуга, — я скривился от усталости и злости на тяжеленную ношу, — что б он сдох!.. Так вот. Кракен должен победить. Но неизвестно, что будет на арене в день Великого праздника, там мы ничем не сможем помочь ему. А до арены можно устроить так, что Крак победит Змея. Мы ему поможем. Я, конечно, не сомневаюсь, что он и так сможет задавить этого червяка, но... сам понимаешь, лучше не рисковать.

Глорд почесал затылок.

— В общем, ты прав. Но как это устроить?

— Я предложу точно такой же сценарий барону Валлугу.

— Нет. Это плохая идея. Валлуг припрется со всей своей армией. А это верный проигрыш.

— Насколько мне известно, — сказал я, — Змей уже убил несколько героев, и он приходил один.

Глорд сощурился.

— Откуда ты это знаешь?

— Ты забыл? Я ходил к Валлугу и расспросил немного.

Коротышка задумался. Было видно, что ему нравится мое предложение, но решает не он.

— Мы встретимся с бароном, и ты расскажешь ему сам, — сказал Глорд.

Это было еще лучше. Теперь я познакомлюсь и с Эбеном.

За нами уже шла толпа. Люди кричали, били в кастрюли, созывая прохожих, и зевак становилось все больше и больше. Похоже, народ понимал, чем все это пахнет. У ворот дома барона Эбена Глорд развернулся к толпе и крикнул:

— Проходите во внутренний дворик. Представление скоро начнется.

Поднялся восторженный гул, и люди хлынули за ворота. Да, быстрая расправа с коротышкой, бароном и несколькими солдатами отменяется. Эта толпа меня камнями закидает до смерти. Что ж, Кракен, живи пока.

Глорд потащил меня во внутренний дворик, с трех сторон огражденный стенами дворца. Он на ходу раздавал приказы стражникам, и те тут же убегали. Мне гном ткнул пальцем на середину каменной площадки и скрылся в дубовых дверях. Толпа уже окружила двор, замкнув кольцо. Я сбросил ношу в центре и отошел под раскидистую грушу, но Глорд окликнул меня с балкона:

— Подымайся сюда, Руг.

Я зашел вовнутрь и сразу наткнулся на суровый взгляд стражника. Он даже схватился за рукоять меча.

— Глорд только что пригласил меня. Отойди в сторону, дурья башка, — сказал я и толкнул плечом воина. Пусть позлится.

Я пошел по длинному коридору к лестнице, глаза по сторонам. Да, барон Эбен хорошо устроился. И, похоже, он любил поохотиться. На стенах красовались барельефы со сценами охоты. Висели клыкастые чучела кабанов, зубастых волков и рогатых оленей. А на полу лежала пурпурная дорожка с золотыми кистями.

Широкая массивная лестница вывела на второй этаж, и с обеих сторон на меня сурово взглянули с портретов предки барона. Я остановился, чтобы понять, где кричит толпа, и в какую сторону идти. Взгляд невольно зацепился за рыжего старика на картине. У него были злющие глаза, длинный нос, а губы сжаты в приступе лютой ненависти. Но это еще что, в костлявой руке этот упырь сжимал освежеванную голову. Художник, небось, в штаны наделал, пока писал портрет.

Скрипнул дверь, выводя меня из оцепенения, и в коридор выбежал слуга.

— Сюда, пожалуйста, — крикнул он.

Я подмигнул рыжему предку и поспешил прочь. Слуга провел меня через прекрасный светлый зал, где в убранстве чувствовалась женская рука, на широкий балкон.

В резном апельсиновом кресле восседал барон. Глорд сидел на кресле чуть поскромнее, но отделанном несколько не хуже. Третье кресло пустовало.

— Садись, — рявкнул барон и обернулся.

Это был нескладный тюфяк с рыжей кучерявой шевелюрой, маленькими черными глазками, длинным носом и сжатыми в ниточку губами. Я выпучил глаза. Ему бы еще голову в руке держать — вылитый дед получился бы.

Глорд представил меня. Я поклонился и не нашел, что сказать, кроме как:

— Приветствую Вас, достопочтенный барон Эбен...

Коротышка сделал едва заметный знак, что этого достаточно, и я умолк, усевшись в кресло.

Тем временем пленника уже почти развязали. Сейчас я впервые увидел его лицо. Это был угрюмый бородач с черными волосами, собранными в хвост. Куда подевался лев? Бедняга смотрел на галдящую толпу, словно загнанный зверь.

Дубовые двери отворились, и во дворик вышел Кракен. Именно так я его себе и представлял: мускулистый гигант с огромной плешивой головой, глазами навывкате, массивным клювом и щупальцами. Только я думал, что щупальца будут поменьше. А они распушились, что гигантские руки на три метра. И по одному с каждой стороны вытянулись вообще метров на пять. Это были самые толстые и сильные щупальца. Они извивались словно змеи.

Пленника окончательно освободили от веревок и сунули в руки топор. Толпа заревела. А Кракен заверещал так противно, будто кошке наступили на хвост. Черноволосый бородач поднял топор над головой, и превратился во льва.

Кракен стоял неподвижно, только щупальца плавно раскачивались, будто водоросли. Я смотрел на него и прямо видел, как внутри этого мешка бьется сердце. Оно звало меня. Пело мне песнь. И боги ждали. Они затаили дыхания в предвкушении кровавой бани. А что? Меч со мной. Прыгни с балкона, отруби плешивую голову с червяками, и дело с концом. Никто и пикнуть не успеет.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Хорошее предложение, но...

Барон прервал мои мечтания. Он повелительно махнул рукой, и пленника подтолкнули вперед. Кракен не шевелился. Можно было подумать, что это гротескная статуя руки сумасшедшего скульптора, если бы не движение щупалец. Угрюмый богатырь не стал тянуть резину. Он понял, что от него требуется — закружил смертоносный топор над головой и медленно пошел к монстру. Тот не двигался. Лезвие рассекало воздух с нарастающим гулом. Еще шаг, — и лев рубанул наискось своим коронным ударом.

Зрители ахнули. Я аж привстал. Чего этот урод медлит? Казалось, что топор разрубит надвое кальмароголового. Но он увернулся с такой скоростью, что, признаться, я даже не заметил этого. Он просто оказался сбоку от нападавшего. Лезвие выбило сноп искр из каменного пола. Бородач ушел вперед, а Кракен помог ему. Он запустил щупальце прямо в лицо воину и по инерции саданул того в стену с такой силой, что я сидя на верху услышал хруст черепа. Толпа взревела! А я открыл рот, сел и впервые почувствовал, как сжалось мое сердце.

Лев оплыл по стене, подрыгал левой ногой, обмочился и отдал богам душу. Кракен встал над ним и принялся работать клювом, что топором. Он вырывал куски плоти и проглатывал так быстро, что через минуту на полу осталась только лужа крови и обрывки одежды. Когда все было кончено, он завизжал по-кошачьи и скрылся в дубовых дверях, не обращая внимания на победные крики: «Боги любят тебя, Кракен!»

— Ну, что скажешь? — спросил барон Эбен.

Я ответил искренне:

— Впечатляет. Я не видел в деле Змея, но хочу сказать, что Кракен восхитителен.

Рыжий хмыкнул, посмотрел на меня свысока и сказал:

— Глорд говорит, что у тебя есть предложение для меня?

— Да, — ответил я и зачем-то добавил: — достопочтенный владыка Бангшира.

Лицо барона посветлело, и я повторил свой план о том, чтобы свести Кракена и Змея до арены. И естественно, я утаил, что в битве будет участвовать еще один герой, но не сразу, а под финал кровавой драмы. Я планировал появиться на сцене в самый ответственный момент и прикончить истощенного победителя.

Эбен слушал не перебивая. Когда я закончил, он какое-то время молчал, а затем заговорил очень медленно:

— Ты молодец, ты раздобыл флаг и притащил этого сопляка с топором. Но почему я должен доверять тебе? Вдруг ты заманишь Кракена в ловушку? Да еще ребят моих загубишь... Но идея хорошая. Она мне нравится. Я согласен на бой Кракена со змеей, но ты останешься у меня в подвале как заложник, и если что-то пойдет не так — твоя голова будет висеть на шесте у ворот моего дома.

Я сглотнул. Это совсем не входило в мои планы.

— Но, достопочтенный, мне надо будет выступать посредником. Я не могу сидеть в подвале.

— Найди подходящее место, договорись о времени, и от тебя больше ничего не потребуется.

— Но...

— Желательно утром на поле у какого-нибудь барона между нашими именьями. Не буду больше тебя задерживать.

— Я провожу, — сказал Глорд, вставая.

Разговор окончен. Итак, надо идти к барону Валлугу. С этим капризом рыжего говнюка о заложниках разберусь потом. Придумаю что-нибудь, в конце концов, через меня будут идти все переговоры, я не могу прохладиться в сырых подземельях.

— Ты в своем уме?! — зашипел коротышка, когда мы вышли в коридор. — Перечить барону нельзя!

Мне вдруг захотелось врезать ему подзатыльник, но я сдержался.

— Барон до конца не понимает, что я и так рискую жизнью...

— Ему плевать на такую крысу как ты!

Тут уж я вспыхнул:

— На кону моя голова! Я совсем не хочу терять ее по прихоти барона.

— А ты не ной, — холодно сказал Глорд. — Ты ввязался в это дело, и твоя жизнь уже висит на волоске, так что ты постарайся не потерять ее. Заходи в мясную лавку, когда все будет готово.

На этом мы распрощались.

У барона Валлуга я представлялся голубем, и меня всюду пропускали, как важную птицу. Одноногий был в своей канцелярии, но оказалось, что его ожидают еще три человека: пышный краснолицый булочник, заросший бродяга и крестьянин с фингалом. Все сидели молча и не смотрели друг на друга. Я сел с краю. На меня никто не обратил внимания. Подумаешь, еще один доносчик, ябедник, шпион, или еще черт знает кто. Тут шастают всякие. Прошло не меньше получаса, пока подошла моя очередь.

Я постучал на манер своих предшественников: тихо, словно кот лапой, приоткрыл дверь и просочился в щель. Фимр сидел за столом, заваленным бумагами, и писал. Он сразу заставил меня расписаться в трех журналах и только после этого спросил:

— Ну, что?

Я подался вперед и прошептал:

— Я узнал, для чего им нужен был ваш флаг. — Одноногий свел брови. Я выждал секунду, оглянулся по сторонам и продолжил: — Они использовали его как тряпку...

Фимр врезал кулаком по столу.

— Вот твари! Так нельзя поступать с флагом, даже если это знамя врага!

— Они примотали его к какому-то пьянице и отдали на съедение своему герою.

Плешивый изменился в лице.

— Ты видел Кракена?

Я кивнул.

— Насколько он хорош?

— К своему сожалению, я не видел Змея, поэтому мне трудно оценивать. Но, по-моему, на арене в открытом бою с Кракеном будет очень трудно справиться. Лучше устроить встречу до Великого праздника по нашим условиям. Мы выманит кальмароголового из своего убежища, и в ночь перед назначенной датой, Змей навестит спящую красавицу, — я подмигнул.

Но на Фимра это не подействовало. Он с минуту сверлил меня глазами, а потом сказал:

— План хорош, но требуется одобрение барона. Он и Змей сейчас в Моасаде. Распишись

вот здесь, — он протянул мне журнал и перо, — и можешь отправляться. Новый пароль: дохлый орел.

Я просочился в дверь и нос к носу столкнулся с белоглазым Сиродом. Я хотел побыстрее убраться, но этот гад окликнул меня:

— Мы раньше не встречались?

— Нет, — бросил я, — твое лицо было бы трудно забыть.

Прозвучало это злобно — совсем не так шутливо, как я хотел. Белоглазый скривился и смотрел мне в спину, пока я не спустился по лестнице. Он мог видеть меня только мимолетом в таверне, когда я сдал его Глорду. Если ему не рассказали об этом, то все в порядке: если что — отверчусь. А вот если он все знает, то тогда дела мои плохи.

Вечерело. Куда идти на ночь глядя? Я завалился в первый попавшийся трактир, взял кувшин вина и устроился в углу обдумывать свой трещавший по швам план. Но размышления прервал какой-то взъерошенный сумасшедший с бородавкой на носу и обкусанными губами. Он, кажется, не спал дня три, не меньше — такие у него были глаза. Представился он как Сот.

— Извините, я вижу, что вы очень заняты, господин.

Я посмотрел так, что он сразу решил смягчить мой взгляд.

— Разрешите угостить вас, — Сот помахал хозяину, и у меня на столе волшебным образом появилась тарелка с сыром и новый кувшин вина. — Я вижу, что вы, господин, из тех людей, что не прочь заработать.

Теперь я оживился. Мне действительно нужны деньги позарез. Время идет, а на одних микстурах у Сенеира не соберешь сорок золотых. Я глотнул вина и приготовился слушать. Сот приставил руку ко рту и прошептал:

— Ведьма хочет меня погубить.

Ждешь проды? ЛАЙК и РЕПОСТ ускорят ее выход!

Так-так, значит ведьма. Неплохое начало. За кувшин вина я послушаю болтовню идиота, но не более того. Сот смочил горло и продолжил свой сбивчивый рассказ:

— Это самая настоящая ведьма, да-да. Она околдовала меня, но мне хватило сил сбросить ее чары. Из-за этого она разозлилась и теперь хочет убить меня. Сот не дурак, он первым нанесет удар. Только ты будь осторожен. Она и тебя может околдовать. Она коварная и способна на такие вещи, что ты даже представить себе не можешь. Как только увидишь ее, не дай ей заговорить, а если вдруг помедлишь — не слушай ни единого слова, иначе тебе не жить. Ты попадешь в ловушку, из которой будет не выбраться, и ты погибнешь. Просто убей ее, — он сверкнул глазами и истерично хихикнул.

Теперь я точно убедился, что передо мной сумасшедший. Я охладел к его щебету и демонстративно отвернулся.

— Вот десять золотых, — сказал Сот.

На стол лег увесистый кошелек, — и миг мой интерес к этому делу вырос до небес. Похоже, придется забыть о спокойной ночи.

— Остальные десять получишь после того, как прикончишь эту суку.

Ну, кто соглашается не торгуясь?

— Пятнадцать, — сказал я.

Сот посмотрел на меня такими глазами, что я, пожалуй, прибавлю еще денек к его бессоннице.

— Теперь я сомневаюсь, к тому ли человеку я обратился. Я вижу, что и ты падок на чары. Сейчас ты был околдован жадностью до денег. А что такое деньги по сравнению с магией ведьмы. Она околдует тебя.

Я усмехнулся.

— Уверю тебя, мой друг, для меня чары денег сильнее ведьминых. Хочешь, я отрублю ей голову и принесу тебе как сувенир?

— Нет-нет, не стоит.

— Ладно, хорош трепаться. — Я допил вино и вытер кулаком рот. — Показывай логово твоей мучительницы.

Дом ведьмы оказался совсем рядом.

— Там, — Сот ткнул трясущимся пальцем в открытое окно второго этажа.

Свет не горел. В такое время даже ведьмы спят. Тем лучше. Я отправил сумасшедшего в трактир, и уверил его, что через пятнадцать минут все будет готово.

Осмотревшись по сторонам, я ухватился за водосток и легко вскарабкался на второй этаж. Окно было открыто. Я ловко залез вовнутрь, но не заметил на подоконнике тряпичную куклу с бездушными глазами-пуговицами и задел игрушку ногой. Она упала на пол почти не слышно. Повезло. Внутри была крошечная тьма.

Когда глаза привыкли к темноте, я смог разглядеть маленькую комнатку, в которой едва помещалась кровать, шкаф и столик. У стены висела крошотная колыбель. В ней лежало что-то белое. Ведьма спокойно спала на кровати, раскинув черные волосы по подушке. Придерживая пальцами лезвие, я бесшумно достал кривой кинжал и шагнул к ней, наступив

на куклу. Клинок тускло блеснул в лунном свете, будто лед. Одно движение руки, — и двадцать пять золотых ложатся в карман — легкие деньги.

Ведьма пошевелилась, перевернулась, выгнув тонкую белую шею, словно специально, чтобы не промахнуться. Я занес руку для удара. Но тут из колыбельки раздался оглушительный крик младенца. Колдунья открыла глаза. Один удар, полосни лезвием по горлу, — и дело с концом. Но я почему-то замер, как статуя.

Женщина молча смотрела на меня. Ужас в глазах быстро сменился на грусть, а затем растворился в безразличии.

— Ну, делай свое дело, — сказала она. — Только пообещай, что после того, как прикончишь меня, ты избавишь от страданий мою малышку Фною.

Я медлил. Ребенок кричал все сильнее. И это дело мне уже совсем не нравилось. Свет золота мерк в сравнении с этой гнусностью. Но мне нужны деньги! Так что, помедлив, я сказал:

— Покорми ее.

Ведьма взяла орущего ребенка и прижала к груди — девочка присосалась, что пиявка, и тут же сладко зачавкала.

— Это он тебя послал, — сказала женщина, — я знаю. Мы для него обуза. Он поиграл со мной, и все. Когда я забеременела, он отправлял меня к бабке избавиться от ребенка, но я решила оставить мою девочку...

Нет, двадцать пять золотых за такое дело мало, решил я. Придется накинуть еще десять монет.

— Это даже не Сот, — продолжила она. — Это, скорее всего, его отец настоял на таком решении проблемы. Сот никогда бы не пошел на убийство. Он любил меня...

Девочка наелась и задремала, еле слышно посапывая. Ведьма аккуратно переложила ее в колыбельку, и не сводя с ребенка глаз, сказала:

— Давай, что медлишь. Мне все равно не жить. У меня нет ни гроша, я не могу вернуться к родителям, и никто не возьмет в горничные или в швеи с младенцем...

Не меньше сорока монет я сдеру с этого упыря. Ладони взмокли, рукоять кинжала норовила выскочить, будто мыло. По спине текли горячие капли пота. Дальше тянуть не было смысла. Надо решаться. Я сжал клинок изо всех сил, стиснул зубы.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Я решился: опустил руку, спрятал кинжал в потайных ножнах и бросил женщине увесистый кошелек с десятью монетами.

— Это задаток за твою голову. Уезжай из города, иначе придет другой, и тебе может не повезти. Этих денег хватит, чтобы устроиться.

Она открыла рот, протянула ко мне руки и затараторила:

— Боги тебя вознаградят за доброту. Ты настоящий герой.

Я махнул рукой, поднял куклу — теперь она взглянула на меня живыми, детскими глазками, — поставил на подоконник и скорее полез через окно, чтобы не передумать. Боги отблагодарят? Где там. Они сейчас откинулись в мягких креслах и смеются надо мной. Хорош герой, нечего сказать. Ввязался в паршивое дело, дал заднюю и остался без гроша. Ну уж нет: этот ублюдок Сот за все заплатит.

Спрыгнув на землю, я буквально побежал в трактир. Меня просто распирала злоба, но у дверей трактира я все же остановился. Надо было взять себя в руки, иначе я просто разорву на части этого говнюка. А мне еще надо получить с него остаток.

Тут дверь распахнулась, и на улицу выбежал взъерошенный Сот. Он увидел меня, выпучил стеклянные глаза и проблеял не своим голосом:

— Ты... убил... их?..

Как же мне хотелось разmozжить ему голову о стену, но я схватил дурня за шкурки и поволок за угол. Он трясся и все повторял, будто в бреду:

— Я опоздал, я опоздал, я опоздал...

— Они живы, — процедил я сквозь зубы. — Гони еще десять монет, тварь, и проваливай.

Сот замер с открытым ртом, а затем истерически захохотал. Я влепил звонкую пощечину, и это немного вернуло его к реальности. Он достал трясущимися руками кошелек и протянул мне.

— Возьми все. Это проклятые деньги. Они чуть не погубили меня...

Сот расплакался.

Я оставил его и долго шел по пустым темным улицам, стараясь забыть сегодняшнюю ночь. Это было нелегко. Вскоре я набрел на постоялый двор, влил в себя кувшин вина и завалился на кровать.

Проспав мертвецким сном почти до обеда, я сразу двинулся к Накмибу, потому как в кошельке Сота оказалось ровно двадцать золотых. И того у меня позвякивало двадцать четыре золотых монеты, не считая медяков и серебра.

Накмиб в своей кузне буквально облизывал какого-то пузана с носом картошкой и стрижкой под горшок.

— За небольшую сумму вы получите самые лучшие произведения искусства. — Кузнец зашел слева. — В них вы будете неотразимы, и все дамы будут смотреть только на вас, господин. — Он появился справа. — С вашим положением не к лицу ходить в простых солдафонских латах.

Толстяк тщательно осматривал причудливые узоры, оплетающие наплечники, трогал,

постукивал ногтями по металлической голове льва в центре нагрудника, отходил и любовался целой картиной. Наконец, он изрек картаво:

— Надеюсь, прочность сопоставима с ценой?

— Самые прочные в Бангшире. — Накмиб вынырнул слева. — Сталь создана по древним секретным технологиям, передававшимся нашей семье от богов. — Мастер возник справа. — Сталь держит арбалетный болт.

Толстяк с умным видом выпятил губы, мол знает цену такой стали. А кузнец за его спиной корчил мне рожи и знаками показывал, чтобы я проваливал. Но я сделал вид, что не понимаю, и продолжал стоять в дверях.

— Посмотрите какая вязь, какой узор. — Накмиб подул на морду льва и протер рукавом. — Глаза — как живые...

— Не жидкие ли перья у этого шлема? — перебил клиент.

— По вашему желанию я добавлю сколько угодно. Или вот этот достоин вас не меньше, — мастер показал на соседний доспех с головой дракона. — Черная сталь вам к лицу. И тоже всего за триста девяносто девять монет.

Я аж присвистнул. Да, они красивые, возможно прочные и даже удобные, но триста девяносто девять золотых — это целое состояние. Кузнец не выдержал и крикнул:

— Выйди вон! Ты не видишь, что у меня клиент!

Я промолчал. Мне нужны были доспехи. Но и не послушался, а остался смотреть на этот цирк. Толстяк не обращал на меня внимания. Он выбирал, трогая то один, то второй нагрудник. Затем схватил себя за подбородок, насупился и через минуту сказал:

— Я подумаю еще. Зайду на днях.

Когда он ушел, я усмехнулся:

— Передо мной ты так не расшаркиваешься.

— С клиентами обращаются по их платежеспособности. Он платит за обращение, а тебе я продаю в убыток.

— Свистеть будешь богатеям. Где мои доспехи?

— А они еще не готовы. Понимаешь, работы было много. Зайди через пару дней. Сейчас можешь купить перчатки.

Он подал мне пару из добротной кожи, с заклепками и металлическими пластинами. Я тут же надел их и сжал кулаки. Сразу захотелось дать кому-то в морду. Такими если врезать в рыло, то мгновенно выбьешь всю дурь вместе с зубами.

— Они мне нравятся.

— С тебя четыре золотых.

Я рассчитался и направился к травнику. Дорога до имения барона Валлуга предстояла дальняя, почему бы не опробовать новое зелье?

Сенеир встретил меня, ощипывая курицу.

— Рад тебя видеть, Руг. Рассказывай, познал ли ты после моего зелья души людей?

— Да. Что-то в этом роде. Я видел морды зверей вместо лица.

— Так и должно быть. Эликсир работает! Вот твой золотой, — он бросил мне монету.

Я ловко поймал и сказал:

— А что ты делаешь?

— Избавляю птицу от перьев.

— Это для нового зелья?

— Хм... Можно сказать и так. Я сварю прекрасное снадобье, которое сделает меня

сильнее и продлит жизнь — суп.

Я усмехнулся.

— Что у тебя есть для меня?

— Правдоруб, — выпалил травник и сверкнул глазами, прекратив драть перья.

— Нет, — я скривился.

Что-то название мне совсем не нравилось. Я иду в стан врага и собираюсь врать с три короба и тут на тебе — Правдоруб. Нет уж. Мне пошла бы двойная доза Враля или Лгунина.

— Тогда Скорость или Немота.

— Давай оба, — махнул рукой я. — Гулять так гулять. Буду молча бегать.

Пока доберусь до имения барона Валлуга все пройдет, решил я, и выпил две стопки тошнотворной гадости.

Друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Встреча в лесу

Не успела пройти горечь во рту от выпитых эликсиров, как я стал замечать эффект Скорости. Скорее всего, именно этому зелью я был обязан выпученными глазами прохожих и смехом за спиной. Дело в том, что идти я теперь мог только подпрыгивая, словно девочка. Надо было еще напевать: «Ля-ля-ля», и тогда меня легко можно было бы принять за городского сумасшедшего. Но я не мог петь: рот онемел, а язык беспомощно лежал, будто колбаса.

Тело зудело, и я непроизвольно прыгал и порывался пуститься в галоп, что дикий скакун. Но приходилось себя сдерживать чтобы не угодить в неприятности.

Из города я выбрался уже всюду дергаясь что припадочный. Прохожие шарахались, прятали детей. Солдаты хмурили брови, а я и сказать-то ничего не мог — только мычал, болтал языком и пускал слюни. Но как только на дороге стало посвободнее, я расслабился и дал волю зелью. Ноги — будто с цепи сорвались. Я рванул так, что только камни полетели из-под сапог. За мной поднимался столб пыли. Вороны взлетали с деревьев.

Тут же стало легко. Я перестал подпрыгивать как идиот. Казалось, что можно бежать так вечно. И чем быстрее двигаться, тем легче — будто с плеч спадает тяжесть, с шеи — хомут, и я лечу!.. Моя, и без того увеличенная скорость, теперь стала просто невообразимой. Это можно использовать.

Но вскоре я стал замедляться. Незаметно зуд в мышцах прошел, и навалилась усталость. Когда дорога зашла в лес и деревья скрыли палящее солнце, я перешел на шаг.

Прохладный ветерок в тени приятно обдувал разгоряченное тело. Пели птицы, и я вторил им, неумело насвистывая простую мелодию. Пахло земляникой. Вдыхая полной грудью сладкий аромат, я закрывал глаза и ловил на веках проблески солнца в листве. А ноги без усталости несли вперед.

— А ну стой! — раздался строгий детский голос. — Дорога платная.

Я аж подпрыгнул от неожиданности. Откуда тут в глуши ребенок? Да еще с такими заявлениями? А мальчонка был тот еще разбойник: он тонул в здоровенных сапогах, широких штанах и рубашке с закатанными рукавами; на широком поясе с медной бляхой висел кинжал, что меч, а длинные сальные волосы лезли в глаза. Я хотел сказать ему, чтобы он убирался домой, открыл было рот, но вышло только:

— Брл-бол-брпл.

— Ты, видно, не понял, — сказал юный разбойник, растягивая слова. — Плати, или пожалеешь.

Я рассмеялся, но вышло что-то похожее на карканье ворона, подавившегося рыбьей костью. И в довершение подпрыгнул на месте, будто марионетка на веревочках.

Мальчонка скривился, а я отпихнул его в сторону и пошел как ни в чем не бывало. Буду я тут перед ним вытанцовывать.

— А ну стой, — пробасил голос позади.

Спереди зашуршали кусты, и на дорогу вышло не меньше десятка молодцов.

— Теперь с тебя штраф, — проговорил все тот же голос, — за неоплаченный проход по дороге.

Я обернулся: рядом с мальчуганом стоял бородатый детина в кольчуге. В руках он

сжимал боевой молот.

— Десять золотых, — медленно проговорил главарь.

Несомненно, бородатый и был главным в этой шайке разбойников.

В ответ я каркнул. Не знаю, поняли они, что я смеюсь над ними или нет, но до бандитов дошло, что платить я не собираюсь. Лесную тишину нарушил звук клинков, вылетающих из тесных ножен. А я подпрыгнул на месте козликом.

— Дурья голова, тебе что — жить не охота?

Что ж, придется заплатить. Я выхватил меч. Лица дуболомов посветлели. Еще бы теперь они рассчитывали не только на содержимое карманов, но и на потеху. Кто-то уже мысленно примерял мои сапоги. А боги потеряли ладони в ожидании расплаты. Не буду тянуть — плачу.

Выжидаю долю секунды — ровно столько, чтобы лучники спустили тетиву — и прыгаю в сторону первого громилы. Точно, в то место, где я был мгновение назад, впиваются две стрелы крест-накрест. Рукоятью без замаха коротко выбиваю зубы толстяку с усами подковой, кручусь и кончиком клинка вспарываю брюхо. Краем глаза замечаю лучника на дубе. Вот же соловей. Сейчас споешь. Мне под ноги вываливаются потроха пузана. Он пятится. Вынимаю у него на поясе кинжал и швыряю в лучника — точно в шею. Он засипел, что сыч, схватился за горло и полетел, ломая ветки. Второй прячется где-то с другой стороны дороги. Найду, вот только слегка разомнусь.

Разбойники, кажется, не понимали, что происходит. Они стояли как вкопанные с занесенным для удара оружием. Или это я так быстро двигался. Некогда раздумывать. Ныряю в толпу. Тут с двуручным мечом не развернешься. Выхватываю кривой кинжал и перерезаю четверым олухам горла, словно мясник свиньям. Не успевают кровь упасть на пол, как я уже ныряю под руку двухметровому верзиле в стальном нагруднике и всаживаю кинжал в глаз по рукоятку. А вот и лучник — сидит прямо у дороги, что воробей на ветке. Подхватываю топорик дылды и запускаю в стрелка. На этот раз не так точно, но все равно эффектно — топорик попадает обухом между глаз, и лучник срывается камнем вниз. Два прыжка — и я рядом, подставляю кинжал, и бедолага сам напарывается на кривое лезвие.

Оставшиеся разбойники, кажется, пришли в себя. Черноволосый, загорелый бык прыгает в атаку, рассекая воздух широким топором, но я легко ухожу в сторону и рублю мечом точно в шею. Голова смельчака остается болтаться на куске кожи. Я замираю, смотря, как падает убитый.

— Деньги вскружили голову, — смеюсь я, но оставшиеся в живых слышат: — Крбл-кх-пых.

Коротко стриженный мордоворот, кажется, перехотел золота. Он пятится, пока не упирается в дуб. Я прыгаю и протыкаю его как жука. Выдернув меч, кручусь и рублю по спине улепетывающего деревенщину с соломенными волосами. Он встает на колени, и кривой кинжал пускает горлом кровь. Я разворачиваюсь к главарю.

— Как тебе оплата? — а точнее: — Крлп-кхр-хак?

Рот бородача искажается в гримасе ненависти. Молот взлетает вверх и летит на меня. Я — уже сбоку бью по руке. Хруст кости, и молот падает на липкую от крови землю. Вскидываю меч для последнего удара, но мальчонка бросается с кинжалом на меня:

— Не тронь папку!..

Он путается в здоровенных сапогах и падает лицом в грязь. Ну вот кто берет на битву детей? Не дело ему по лесам шастать да на кровь смотреть!

Я замер. Да, это был главарь разбойников. Да, он загубил немало жизней, убивал женщин, детей. Но я стоял и не мог его прикончить. Мальчик барахтался в широких одеждах не в силах подняться и все причитал, сквозь слезы:

— Не тронь папку! Не тронь папку!..

О, боги! Это испытание гораздо хуже, чем кулаком в морду. За что вы со мной так?!

Я заревел медведем и, не оборачиваясь, стремглав умчался прочь. Мальчик выходит раненого, он не пропадет. Это происшествие вряд ли отвадит бородача от разбоя. Что он раньше не получал мечом? Впрочем, мне плевать, что с ними будет. Я бежал с такой скоростью, что ветер выдувал все мысли.

Вскоре лес закончился, и я увидел на поле сотню воинов, и среди них топтался зеленый гигант. Вот так встреча! Отсюда было плохо видно, и я поспешил поближе.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Танцы на лугу

Действительно, это был герой какого-то барона из состоятельных, судя по количеству солдат. Впрочем, мне плевать как зовут этого барона. Меня интересует сердце зеленой бестии на лугу. Герой был тот еще красавец: двуногий ящер с длинным толстым хвостом и маленькими ручками. Только рот у него был странный, если не сказать больше: на маленькой головке параллельно земле торчали два изогнутых серпа, словно муравьиные жвала или кузнечные клещи. Было совсем непонятно, как он управляется с такими громоздкими челюстями. Но все сомнения и догадки развеялись, когда на поле показалась корова.

Она мирно паслась, пощипывая сочную травку, и ни о чем не подозревала. А монстр уже завидел жертву и буквально стелился по земле, приближаясь в унисон с порывами ветра, будто незаметный гигантский куст без листьев. Так себе маскировка, но корова, похоже, не видела надвигающейся угрозы.

Солдаты затаили дыхания, да и я открыл рот в ожидании развязки. Когда до жертвы осталось три метра, зеленый охотник замер, вильнул хвостом — и прыгнул так быстро, что я даже не заметил. В следующее мгновение он уже сжимал в клещах зад коровы. Она лягнула врага, но копыта не достали до маленькой головки и пинали воздух впустую. А монстр висел на буренке, что клещ и совершенно ничего не делал. Он ждал.

Когда корова выдохлась и встала, наступил второй акт трагедии: поедание жертвы. Монстр выпустил из маленькой головки выдвижные челюсти. Они вцепились жертве в ляжку и вырвали кусок плоти. Бедняга замычала и лягнула, но рот быстро убрался, словно улитка, и копыта просвистели в воздухе. Так продолжалось несколько раз, пока искусанная корова не завалилась на землю и не истекла кровью. Только тогда клещи отпустили мертвое тело и маленькие быстрые челюсти заработали что заведенные. Вскоре на травке остался лежать обглоданный скелет.

Неплохо для убийства животных, решил я, но для героя — это слишком примитивно. Ну, уцепи меня он своими клещами, и дальше что? Я вырву его маленький выдвижной ротик одним движением. Как он, вообще, до сих пор жив? Ответ был прост: сотня хорошо вооруженных солдат в тяжелой броне. Они, как муравьи, охраняли свою королеву и никого не подпускали.

А сердце-то заполучить легко — практически даром. Вот оно, неуклюжее, медленное, прямо лежит на тарелочке — пойди и возьми. Я скинул меч под приметным кустом чтобы не пугать муравьев и двинулся к цели. С таким слизняком легко можно справиться и без меча. Надо только подобраться поближе. Приблизившись, я подпрыгнул козликом, и меня заметили. Ближайший безбородый солдат что-то крикнул и показал копьём в мою сторону.

— Че тут надо? — гаркнул подоспевший воин постарше.

Я только подпрыгнул и каркнул:

— Брлбе.

Подошел главный — обладатель пышных страусовых перьев на шлеме.

— Проваливай, — крикнул он, — если жизнь дорога.

Я хрюкнул и пустил слюни.

— Двигай задницей, — молодой замахнулся копьём, — придурок.

Я не двигался. Уж очень хотелось получше рассмотреть зеленого клеща.

— Да он юродивый, — продолжил сопляк. — Больной на голову. Посмотрите на него.

Командир задумался, затем подозвал старого воина и что-то сказал тому на ухо. Солдат нахмурился, изучил меня с ног до головы, словно поросенка на рынке, и махнул рукой.

— Иди сюда.

Оказывается, были и преимущества в идиотских прыжках и невнятном лепетании. Меня приняли за деревенского дурачка. А чего бояться такого?

Прыгая козликком и широко улыбаясь своей удаче, я подошел. Поздоровался и даже представился своим настоящим именем для убедительности — Гур. Но солдаты слышали:

— Крпл-брл.

А мой изящный поклон заставил их захохотать.

— Что ты тут делаешь? — с заискивающей улыбкой спросил главный.

Я ответил, что собираюсь выпустить кишки зеленому чудику, но слышали они не это.

— Дааа? — притворно удивился командир и стал смотреть по сторонам.

Убедившись, что в округе больше нет никого, он положил руку мне на плечо и повел к своему герою. Я не сопротивлялся.

— Сейчас я тебе кого-то покажу, — сказал он.

Я догадался, что он затеял и сказал: «Ах ты ж злодей. Собираешься попотчевать своего зеленого клопа человечиной? Но тебя ждет сюрприз, оловянная голова».

Вблизи монстр выглядел еще уродливее: словно лягушка, вставшая на задние лапы и проглотившая клещи. А эта маленькая головка с черными глазками и полуоткрытым ротиком с мелкими зубками — просто вызывала смех. Убью кулаком одним ударом.

Я каркнул, и чудик заметил меня. Он присел и двинулся в нашу сторону. Командир, как только увидел это, опрометью бросился наутек, словно его стеганули плетью. Я остался стоять, подпрыгивая, словно бы приманивая клеща. Монстр подполз на расстояние прыжка, завилял хвостом... но что-то заставило его отступить. Он просто отвернулся и легкой рысцей побежал прочь.

Я уже хотел рвануть следом, схватить за хвост и выпотрошить как рыбу, но тут подоспел командир и быстренько повел меня назад к дороге.

— Иди, иди, друг, — он легонько толкнул меня в спину. — Повезло тебе.

На что я ответил: «Повезло твоей лягушке», но слышал он только:

— Врдх-плпр-вршам.

Я, в общем-то, не сильно расстроился, что сердце уползло от меня. Может оно и к лучшему. Я иду к барону Валлугу, а там птичка посерьезней будет. Вдруг меня кто узнает, запомнит — зачем рисковать? Вот если встретиться нам в тихом местечке, конечно, я бы не дал ему уйти, но так, на глазах сотни солдат... Зачем?..

Раздумывая над случившимся, я вышел к развилке. На столбе висели три указателя: назад — имение Ленвуд, направо — Финград, а прямо — Моасад. Мне прямо. И топал я еще добрых два часа.

У входа на земли барона Валлуга стояла сторожевая будка и шлагбаум. К счастью, действие эликсиров заканчивалось.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проды — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Из будки выскочили два солдата, словно сторожевые псы. То ли они были братьями, то ли просто похожи, но оба смотрели на меня с выпученными глазами и одинаковыми озорными улыбками.

— Ну, кто ты? — спросил тот, что слева.

— Руг, — представился я.

— А кто ты? — сказал тот, что справа и открыл рот в ожидании правильного ответа.

— Ну, кто ты на самом деле? — пропел левый.

Они явно чего-то ждали, но я никак не мог взять в толк, что от меня хотят.

— Тут у нас недавно пролетал синий воробей, — сказал правый.

— А ты кто?

— Дохлый орел, — гордо молвил я.

Солдаты прыснули, что дети. Отсмеявшись, левый поднял шлагбаум, а правый сказал:

— Проходи, Дохлый орел.

И они снова залились смехом.

В имении барона Валлуга готовились к параду, или мне просто показалось. На плацу перед домом-крепостью маршировали стройные ряды копейщиков, ходили конные отряды. По отрывистому сигналу горна они перестраивались в боевые порядки, превращались в клин, в каре или шилтрон. Чуть в сторонке статные скакуны в пополах и перьях на головах гарцевали, кланялись, присаживаясь на одно колено. Было на что посмотреть.

Пройдя через три пропускных пункта, где меня записывали под именем Дохлый орел, я, наконец, попал в приемную. Оказывается, меня уже ждали.

— Агент, Дохлый орел, — сказал похожий на крота мужичек в строгом костюме, — прошу.

Он усадил меня на стул перед стеной, а сам сел в углу и приготовился записывать. Я пялился в пустую стену минут пять и не выдержал:

— Мне хотелось бы поговорить с...

Но тут стена жутко закрипела и начала поворачиваться вокруг своей оси. За ней был огромный зал, где играла музыка и лился женский смех. Стена стала ко мне боком, и с противоположной стороны показался величественный золоченый трон с маленьким человечком. Он помахал рукой пирующим за богатыми столами и обернулся ко мне.

Это был плюгавый коротышка с прилизанными черными волосами, чисто выбритым подбородком и орлиным взглядом. Важный — этакий прыщ на заднице. Он глянул так, что я невольно вытянулся по стойке смирно. Стена встала на место.

— Кто не умеет веселиться, тот не умеет праздновать победу! — отчеканил барон Валлуг. — А тот, кто не умеет праздновать победу — не достоин ее!

Тут не поспоришь, решил я, но вслух ничего не сказал.

— Нам уже доложили, — продолжил он, — кто ты и что предлагаешь. Мы подумали над твоей идеей, и нашли ее весьма заманчивой. Только мы не верим ни тебе, ни этому прохвосту Эбену. Если он хочет играть открыто, пусть приводит армию, и мы раз и навсегда разберемся, кто хозяин Бангшира.

— Нет-нет, — возразил я, — вы же понимаете, что это невозможно. Барон Эбен не пойдет биться в чистое поле. Он знает, что вы гораздо сильнее.

— Да, этот трус будет прятаться за своего героя.

— Кракен сильнее Змея, и барон Эбен не прочь провести поединок до Великого праздника. Было бы гораздо лучше, — сказал я мягко, словно ребенку, — если бы мы устроили их встречу где-нибудь на нейтральных землях, но немножко изменили уговор...

— Я не спрашиваю совета у тебя, — перебил барон, — но, быть может, ты и прав — Кракен сильнее Змея. Поэтому мы не хотим посылать нашего героя одного. Пусть Эбен возьмет в подмогу кальмароголовому сотню самых лучших воинов, мы выставим столько же с нашим героем, и сойдемся в честном поединке.

— Поймите, — начал я с добродушной улыбкой на лице, — барон Эбен не хочет битвы. Лучшее, что можно сделать — устроить встречу героев и заманить Кракена в ловушку, где Змей разберется с ним тихо и бесшумно как настоящий охотник. По-другому сделки не будет. Никаких солдат. Только герои, я и два-три человека с каждой стороны.

— Какой от этого толк? — раздраженно бросил барон.

— Мы заранее соорудим куклу Змея, — подмигнул я, — и ваши люди будут нести ее к месту поединка, а настоящий Змей притаится в засаде. Я все подготовлю, и вашему герою останется только нанести решающий удар. Если что, я буду рядом и помогу.

Я так сладко улыбнулся от предвкушения того момента, когда я вырву сразу два сердца самых опасных героев, что барон невольно усмехнулся, но тут же вновь насупился и уставился куда-то в угол комнаты. Ну, не молодец ли я? Так все обстряпать!

Стаяла мертвая тишина. Но тут я услышал едва уловимое шуршание за стеной, будто чешуйки трутся о камни — медленно, лениво. Наконец, коротышка многозначительно чмокнул и сказал:

— В твоих словах есть смысл. Мы не доверяем тебе, но подумаем над твоим предложением. В любом случае, если мы решим пойти на такую хитрость, ты останешься в заложниках.

Вот те раз. Я не могу быть в заложниках одновременно у двух баронов. К тому же, мне нужно быть в самом центре событий, иначе все теряет смысл.

— Помилуйте... — взмолился я.

Но барон Валлуг перебил:

— Помилования просят преступники. Мы посоветуемся с генералами и дадим ответ через три дня. Можешь переночевать в замке. Тебя проводят.

Он взмахнул рукой — разговор окончен. Скрипнула стена и стала медленно поворачиваться обратно. Из щелей полилась музыка, смех и крики.

Молодой воин провел меня узкими коридорами на третий этаж и показал комнатку: кровать и окно с решеткой — тюремная камера просторней. Вручив огарок свечи, солдат исчез, и я остался один. За окном было уже темно. Делать совершенно нечего. На пир меня не позвали. С чего бы это приглашать штатного шпиона Дохлого орла?

Я растянулся на жесткой постели и стал рассматривать причудливую пляску теней на потолке, раздумывая о последних событиях. Мой план так хорошо начался, а теперь летел ко всем чертям. Как я смогу отвертеться от желания обоих баронов взять меня в заложники?

Мысли постепенно отдалялись, тени вводили в транс, веки тяжелели, и я уже собирался отдаться в объятия сновидений, как вновь почудился скрежет чешуек за стеной. Я встрепнулся. Прислушался — тихо. Решив, что это приснилось, я расслабился, задул свечу и

закрыл глаза.

И тут за стеной отчетливо зашуршало — медленно, лениво. Сон как рукой сняло. Там кто-то был. Я знал, кто это — Змей. Аккуратно поднявшись, я прильнул ухом к холодному камню стены и отчетливо услышал скрежет чешуек и тяжелое дыхание монстра.

Друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Враг был здесь — в полуметре. И ровно столько отделяло меня от полной победы. Заполучи я сердце Змея, — и все, считай, что в кармане билет в портал к богам. В его сердце заключена сила нескольких героев, если ее прибавить к моей, то я стану непобедимым. Такой трофеей нельзя упускать. Но это было его логово. Тут каждый встречный — враг, а Змей знает каждый камень. Будет нелегко. Разве это меня когда-нибудь останавливало? Так идут к богам! И только на таких они смотрят!

Я тихонько открыл дверь и выглянул: в коридоре никого не было. Эхом долетали звуки пирушки, где-то в дымоходе выл ветер. Змей притаился. Выйдя наружу, я двинулся ощупью по проходу. Я надеялся найти вход в соседнюю комнату, но наткнулся на окно. То есть звук шел прямо из стены.

О, как же я жалел, что не выпустил кишки зеленой лягушке в поле и не улучшил чувства. Сейчас мне просто необходимо лучше видеть в темноте и слышать через стену. Но я упустил свой шанс — теперь довольствуйся чем есть.

Я прильнул к мокрому камню и простоял так несколько минут — ни единого звука. Уж не почудилось ли мне? Нет. Дальше по коридору раздался знакомый шорох. На этот раз справа. Я припал к стене: точно, там ползло массивное тело, и оно двигалось прочь — дальше вглубь прохода. Змей вел меня куда-то? Заманивал или просто проверял? Мне все равно. Лишь бы встретиться с ним наедине.

Я нащупал рукоять потайного кинжала, меч тут будет лишним, и двинулся по коридору. Через несколько шагов нащупал дверной проем. Дверь была закрыта, но это не важно, Змей все равно куда-то пропал, и в этой комнате было тихо. Ощупывая стены с обеих сторон, двери и окна, я двинулся дальше в поисках твари.

Вскоре проход раздвоился, и мне пришлось выбирать направление. Я свернул в правый и не ошибся: сразу раздался знакомый шорох чешуек за стеной. Он все так же медленно полз, кажется, еще ближе — в нескольких сантиметрах за тонким камнем. Сердце бешено заколотилось. Скоро мы встретимся.

Пальцы скользнули по двери. Я приставил ухо к доскам и отчетливо услышал, как толстое тело шмякнулось на пол и поползло по гладкому камню. Расслабленный хвост издал ленивый шлепок, Змей заполз в угол и замер. Странно, но я не слышал скрежета когтей, а как я помнил, следы их всегда оставались после нападения этой твари.

Неужели это его логово? Он, что, просто приполз домой после пирушки и лег спать? Я в это поверить не мог. Вот это удача! Осталось только открыть дверь, и все шито-крыто.

Я нащупал замочную скважину, тихонько толкнул дверь, но она не поддалась. Мне нужен был ключ, но где его искать, я понятия не имел, вряд ли он есть у каждого солдата.

Я не мог рисковать, но и просто уйти было нельзя. Я надавил на дверь сильнее. Затем еще сильнее — доски скрипнули. Пришлось отпустить, а то еще Змей проснется. Прислушался — тишина. Тогда я решился на единственное, что мне пришло в голову в такой ситуации — я постучал в дверь. Тот час раздался недовольный шорох. Я постучал еще раз.

Не знаю, на что я рассчитывал. Змей, что, откроет мне дверь или спросит: «Кто там?» Но это единственное, что пришло мне в голову.

Я постучал в третий раз — и в ответ услышал раздраженное мерзкое шипение. Стало не по себе. Даже захотелось удрать, словно озорнику, пока не поздно.

К черту все планы! К черту тайны и интриги! Все можно решить прямо сейчас!

Я достал загнутый кинжал и постучал еще настойчивей. Вставай червяк, нечего прохлаждаться, пришло твое время. Но тут застучали кованые сапоги по коридору. Забрякал металл. Стражники быстро приближались. Я спрятал оружие и юркнул дальше по коридору, чтобы меня не застукали у двери Змея. Но где тут спрячешься? Руки скользили по мокрому камню, глаза искали спасение, и тут я уперся спиной в человека.

Я прямо подскочил, что ошпаренный и хотел уже выхватить кинжал, но вовремя спохватился.

— Ты чего здесь вынюхиваешь? — спросил какой-то скрипучий знакомый голос.

Во тьме сверкнул холодным светом белый глаз. Это был Сирод. Тут не ошибешься.

— Ищу туалет, — пожал плечами я.

— У тебя в комнате под кроватью ведро.

Я округлил глаза и сделал такой наивный вид, будто я уже замочил штаны.

— Я узнал тебя, — сказал белоглазый. — Мы виделись с тобой у Фимра, и до этого я тебя где-то видел, но никак не могу вспомнить где. Может у барона Эбена? Ты, я слышал, договорился о бое между героями, это ты круто взял. Это опасная игра.

Я только пренебрежительно хмыкнул.

— Но не Фимр, ни барон Валлуг, — продолжил Сирод, — не заметили одной детали: ты появился из ниоткуда. Кто ты на самом деле?

Я слегка напрягся, но не подал вида.

— Не суй нос не в свое дело, — сказал я очень медленно и доходчиво, — и тогда сможешь кормить голубей, сидя на скамейке в старости. Если ты не смог додуматься до такой простой вещи, как встреча героев заранее, то просто смирись с поражением и не мешай общему делу. Или ты не хочешь, чтобы победил Змей?

Белый глаз сверкнул во тьме.

— Ты не тот за кого себя выдаешь, — процедил сквозь зубы Сирод. — Я чувствую это.

Он резко схватил меня за правую руку и посмотрел на большой палец — там раньше был коготь. Я вырвал руку.

— Нечего меня лапать, я тебе не подружка, и другом, похоже, не стану.

— Отправляйся в свою комнату и не высовывайся, иначе я позову стражу, и тогда будешь объясняться с бароном.

Я не стал перечить и прошел мимо комнаты Змея, даже не взглянув на дверь. Сирод следил за мной, и не стоило лишний раз показывать свой интерес к червяку.

Утром меня никто ни о чем не спрашивал, никто не задерживал, и, вообще, никто не обращал внимания. Я спокойно собрался и отправился в свое имение. У меня было три дня до ответа барона Валлуга, и это время нужно провести с пользой. Надо было навестить Зигруда. Быть может еще остались замшелые герои, не убитые Змеем или Кракеном.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

В квартире 32 на улице Ленина

Виталий Борисович стукнул бутылкой пива о столик так, что из горлышка вырвался фонтан пены, а рыбки скелетики весело подпрыгнули. Кусочек с трудом очищенной спинки окуня упал на пол, и быстрая когтистая лапа тут же сцапала добычу. Стелька еле слышно заурчала и принялась грызть трофей. Про нее давно забыли, чем воровка нагло пользовалась. Что упало — то кошке.

Ульяна Исааковна ойкнула.

— Тише ты. Напугал. И без тебя страшно. Почисти лучше еще рыбы.

— ...Но, по-моему, самое плохое в этом всем — крайне скудное описание, — проскрипела Октябрина Владленовна. — Больше напоминает список действий: пришел, убил, превратился, убил, опять превратился...

— А чего бы вам хотелось? — спросил Виталий Борисович, вырывая кишки жирной плотве.

— Чтоб все как в жизни было. Умеют же сериалы делать, пуцай и игры такие будут. Вот я помню в молодости в кино ходила. Эх, какие раньше фильмы делали...

Она продолжала что-то бубнить, но все давно привыкли к вечному старческому недовольству и не обращали внимания. Кому нравится ныть по ушедшим временам? Анька листала форум, изредка поглядывая на экран. Сашка шел по дороге, а это малоинтересно, и можно было отвлечься.

Она зашла в группу к одному из противников просто узнать, что он из себя представляет. Да, тут было на что посмотреть. На главной странице красовался сам герой — монстр, каких свет не видывал. Анька поежилась и фыркнула, но не от вида чудовища, а от количества зрителей. Их было больше тысячи. Они активно обсуждали стратегию своего героя, полученные навыки и улучшения, сравнивали их с другими игроками, которых осталось совсем мало. И Сашка был там, но он не входил в тройку самых опасных героев — так, мелкая сошка. Особенно впечатляло количество сердец у фаворита. Да и у других было не мало. Анька даже расстроилась, но после вспомнила хитроумный план своего парня и усмехнулась. Он их всех уделает одним махом.

— Я вот одного не пойму, — сказала Ульяна Исааковна, — почему эта игра бесплатная?

— В нашем мире не бывает ничего бесплатного. — Виталий Борисович почесал живот. — Даже сыр в мышеловке денег стоит.

— Это только открытый тест и реклама VR-шлема. Главная цель — продать шлем, а не игру, — ответила Анька.

— А зрители? Неужели на них не зарабатывают?

— Как же. Конечно, — вздохнула Сашкина подруга. — На сайте полно рекламы всяких препаратов для увеличения груди, лошадиной потенции, увеличении достоинства и казино. А еще процент с платных просмотров.

— Это как? — удивился Виталий Борисович.

— Если за игроком следят больше тысячи зрителей, открывается платный просмотр. Копейки, но с миру по нитке — голому рубаха.

— А когда у Сашки откроется оплата? — оживилась Ульяна Исааковна.

— У Сашки двадцать три зрителя, — скривилась Анька.

— Что это за бред! — выругался Виталий Борисович. — Вздумали тоже, мелочь в интернете клянчить. Работать пусть идет!

— Во-во. Сидит как истукан с ведром на голове и радуется. Пущай спину-то погнет за кусок хлеба. А то жизни еще не нюхал, а туда же. Вот в мое время таких...

— Лучше пусть готовится к поступлению в университет, — сказала Ульяна Исааковна. — Человеком станет...

— Нечего штаны протирать на уроках! Вон сколько развелось оболтусов с дипломами. Работать некому — все начальники!..

Анька снова взялась листать форум в поисках чего-нибудь нового. И она нашла: глаз случайно зацепился за промелькнувшие слова. Они заставили встрепенуться. Девушка быстро вернулась обратно, прочла название темы и похолодела. Она стала судорожно вчитываться в сообщения, и чем больше узнавала, тем сильнее дрожали руки и тряслись губы. В конце концов, Анька чуть не разрыдалась, но взяла себя в руки. Не стоит поддаваться панике из-за одного случая, решила она. Может это просто ошибка или случайность. Но вот мелькнуло еще одно сообщение. Еще. Форум вскипал.

— Что случилось, моя девочка? — спросила Ульяна Исааковна. — На тебе лица нет.

— Ничего, — выдавила Анька. — Я просто задумалась.

К вечеру показались стены моего замка. Подходя к воротам, я снял добротные перчатки Накмиба, чтобы не расстраивать Родора. Пусть старается, все лучше, чем снова будет лежать в обнимку с пустым кувшином. После меня придут другие герои, будет им хороший кузнец. Может имение Мелавуд вылезет из нищеты и станет влиятельным домом. Мне, собственно, плевать, что будет с бароном Горлмидом, но... все же, пусть у Родора будет цель в жизни.

— А ну-ка, наш герой, поди сюда, — крикнул кузнец, завидя меня, — примерь поножи.

Я нацепил тяжелые кривые пластинчатые штаны и скривился. Не хотелось показаться привередой, но эти железяки висели как сосульки.

— Не волнуйся, — сказал Родор, — это только примерка.

— Ты особо не усердствуй, подгони размер и все. Они прочные и надежные, как мне кажется, — соврал я.

— Будешь себя чувствовать как жук в полете.

Вспомнились доспехи Накмиба. Да тут даже сравнивать нельзя. Это разные миры: легкость, красота и прочность против грубости, тяжести и, судя по вмятинам, мягкости. Но я лишь улыбнулся и сказал:

— Ты молодец, такие латы достойны героя.

Кузнец зарделся, в глазах вспыхнули огоньки счастья, и он кинулся измерять меня с дотошностью швеи. Когда я был измерен с головы до пят, Родор сказал:

— Срочно разыщи Зигруда, у него для тебя есть новости.

Я поблагодарил его и пошел в замок, но искать нового хранителя не пришлось: он уже бежал мне навстречу. На лице воина отражалась радость долгожданной встречи, и в то же время ясно проступала озабоченность. Мы поприветствовали друг друга как старые друзья, обнялись и крепко пожали руки. Зигруд, как настоящий хранитель, потребовал полный рассказ о моих похождениях, а когда я закончил, он свел брови и сказал:

— Хорошо, только не говори о своем плане больше никому.

— Ты думаешь, что среди нас может быть еще предатель? — спросил я и глянул по сторонам.

— Нет, но чем меньше людей знает о тайне, тем дольше она остается тайной. Люди склонны болтать. К тому же у нас останавливался на ночь один тип, и он выспрашивал о тебе. Мы выгнали его, надавав под зад.

— Как он выглядел?

— Урод такой с бельмом на глазу и лицом в оспинах.

— Сирод.

— Звали его по-другому, — Зигруд цокнул языком. — Черт, не могу вспомнить как.

— Неважно, — махнул рукой я, — это шпион барона Валлуга. Похоже, они потеряли меня из виду и теперь выслеживают. С кем он говорил?

— С несколькими слугами, но они быстро доложили об этом, и я вышвырнул уroda за ворота.

Мы отошли в сторонку, укрывшись в тени клена.

— Надо быть осторожнее, — сказал я. — Наверно, мне не стоит задерживаться в

Мелавуде, чтобы не попасть на глаза каким-нибудь шпионам. Нельзя, чтобы меня узнали.

— Для той игры, что ты затеял, точно нельзя.

— Есть новости о героях соседних баронов?

— Еще двое убиты: один два дня назад, а второй сегодня. Оба погибли ночью без свидетелей. Мне удалось узнать, что на месте преступления были найдены следы когтей, а кровь была размазана по полу. Все, как и в предыдущих случаях.

— Змей, — процедил я сквозь зубы.

Эта тварь сожрет все сердца, пока я буду плести свои сети, и тогда план может рухнуть. Червяк легко уничтожит кальмароголового, а мной просто закусит. Но как он успел? Этой ночью я слышал его. Он был в замке. Так же меня все больше смущали оставленные следы. Если кровь была размазана по полу — это понятно, но у змеи нет никаких когтей. Замечает следы? Сбивает с толку? Но тогда он должен быть не один...

— Есть хорошая новость, — перебил мои мысли Зигурд. — Я нашел живого героя для тебя.

— Кто он?

— Его называют Хвостоколом. Я не видел его, но служанка барона Гниора в имении Миол говорит, что он небольшой и похож на ящерицу с шипом на хвосте. Хвостокол все время прячется от людей, но есть один способ посмотреть на него. Она не сказала какой, но пообещала моему агенту, что за небольшую оплату может легко это устроить.

— И сколько она хочет?

— Хватит золотого для простой служанки.

— Покупаю, заверните, — рассмеялся я. — Как мне найти ее?

Зигурд рассказал, как добраться до имения Миол и найти девушку. Звали ее Эркн. Она завтра будет работать в саду у озера. Я решил отоспаться и утром отправиться за сердцем. Хранитель пригласил переночевать у него, чтобы не светиться в замке, мало ли что. Это была хорошая идея. Вдруг Сирод или кто другой вновь будут шастать в окрестностях и расспрашивать обо мне. Еще кто-нибудь проговорится, как я выгляжу. Думаю, барон Горлмид не обидится, если я не выпью с ним кувшин-другой вина.

Утром, едва пропели петухи, я двинулся в сторону земель барона Гниора. Сердце Хвостокочла манило меня, звало, жалобно попискивая в тесной груди мелкой ящерицы с шипом на хвосте. Наконец-то я увеличу чувства, и больше не буду слепым котенком в темноте. Откроется новый мир звуков и запахов.

К обеду я вошел в вишневый сад. В воздухе витал сладкий аромат спелых ягод. На ветках чирикали довольные воробьи, жужжали осы. Я сорвал сочную бордовую ягоду. На вкус она была превосходна: кисло-сладкая, терпкая, как я люблю и сочная. Я накинулся на вишни, что медведь на мед, и через минуту руки и рот были красные, будто ел я вовсе не ягоды, а живую плоть.

— Ах ты, ворюга! Я ж тебе сейчас дам!

Откуда ни возьмись появилась пышная раскрасневшаяся, что вишенка, служанка в длинном платье и косынке. Губы у нее тоже были красные, значит и она с грешком, но ей такой цвет даже шел, в отличие от меня. В руках она сжимала грабли и была настроена почесать мне спину.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проды — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

— Прекрасная Эркн, — восторженно крикнул я. — Наконец-то мы встретились!

— Кто ты? Откуда ты меня знаешь? — вишенка остановилась, опустила грабли и осмотрела меня с ног до головы. — Ты не из наших.

У нее были большие коровьи глаза, ямочки на пухлых щечках, курносый носик и большая бородавка на двойном подбородке.

— Мне о тебе рассказал один приятель, — подмигнул я.

— Ааа, — протянула Эркн, — еще один шпиен. Хочешь на героя нашего поглазеть. Пять золотых.

Я открыл рот в изумлении.

— За что?

— За просмотр.

— Я же не под юбку тебе собираюсь смотреть. Пять золотых за то, что б глянуть одним глазком на худую ящерицу?

— Под юбку можно бесплатно посмотреть, а за Хвостокола — пять золотых.

Ладно, намек понял. С мелким гадом разберусь потом, а сейчас надо ловить момент.

— Эх, — вздохнул я и обнял вишенку за едва уловимую талию, — сдался мне ваш Хвостокол. Пойдем, поищем укромное местечко...

— Под юбку — только после героя, — Эркн высвободилась из объятий. — Будешь платить? Или проваливай.

— Что мне ваш герой? Нужно больно. Ящериц будто я не видел. Куда интересней ты, спелая ягодка, — я подмигнул. — Дозволь помочь в трудной работе.

— Видела я, как ты помогаешь. Вон, уже пол ведра вишен слопал.

Я погладил живот.

— Больше в меня не влезет. Пока.

Эркн зычно засмеялась, что лошадь и махнула рукой.

— Идем. Вдвоем все веселее.

Но еще веселее с вином. Я быстренько сбежал в лавку и принес два кувшина. Пошла работа!

Мы собирали вишни в корзины, болтали о том о сем, пили и закусывали спелыми ягодами, смеялись, бросались косточками, бегали друг за дружкой. Когда стало совсем невмоготу от тяжелого труда, жары и оскомины во рту, мы упали на травку под ивами у озера с гладкой чистой водой. Утолили жажду еще несколькими глотками вина и, раздевшись донага, бросились в прохладный пруд. Да, вишенка была не из стеснительных. В воде мы снова плескались, что дети, и постепенно наши игры переросли в любовные утехи. Ну, какая девушка может устоять, увидев меня голым?

Вскоре изможденные и довольные мы лежали в тени ив. В воздухе летали стрекозы. Квакали лягушки. Стрекотали кузнечики. Нет-нет, над ухом звенел комар, и тогда мы лениво отмахивались от назойливого насекомого.

В блаженной неге прикрыв веки, я спросил:

— Так как там зовут вашего героя?

— Ай, и не вспоминай ты о нем — живее будешь, — сказала Эркн, теребя волосы у меня на груди.

Я лениво улыбнулся.

— Все равно делать нечего. Может глянем одним глазком?

— Ну его. Лучше еще вина выпьем.

— А потом и вина выпьем.

Я поднялся. Эркн посмотрела на меня глазами теленка, еле заметно покачала головой и сказала с грустью в голосе:

— Не стоит. Это может плохо кончиться.

— Что он, бросается на первого встречного?

Она молчала, хлопая длинными ресницами.

— Ну же, — я потрепал ее за подбородок, — смелее, вишенка.

— Зачем тебе это?

— Ну, — протянул я и начал пространную речь, глядя в небеса, — мне интересно как выглядит ваш герой, насколько он силен, ловок, быстр, где живет, чем питается и так далее. Я хочу собрать знания обо всех героях, рассчитать, кто победит на арене и сделать правильную ставку...

Она вздохнула и сказала:

— Пять золотых.

Я понял, что торговаться бесполезно — залез в кошелек и отсчитал пять монет. Эркн спрятала деньги и страстно набросилась на меня. Казалось, что она хочет выжать из меня все соки. Будто это последний день ее жизни. Ее или моей? Впрочем, тогда об этом я не думал.

Когда мы, наконец, отлипли друг от друга, она молча поднялась, оделась и холодно сказала:

— Ну, пошли.

Я быстро допил остатки вина, забросил в рот жменью вишен и через минуту был готов выпускать кишки и вырывать сердца кому угодно. Пять золотых? Плевать! Разве это цена за сердце героя?

Эркн подвела меня к скотному двору, примыкающему к стене замка барона Гниора.

— Жди здесь, — сказала она и исчезла в воротах коровника.

Я остался любоваться сельскими видами и вдыхать ароматы жизнедеятельности домашней скотины. В сарае надрывно мычали коровы, в загоне нервно всхрапывали кони, под ногами беспокойно кудахтали куры, и только черный кот мирно спал на заборе. В воздухе кружились мухи. Пахло навозом с молоком.

Я усмехнулся. Неужели Хвостокол жил на скотном дворе? Герой называется.

Появилась Эркн, гордо шлепая по навозной жиже. Она перепрыгнула через забор и сухо сказала:

— Идем.

Мы прошли вдоль сараев по едва уловимой тропинке, нырнули в дыру в заборе, затем — вдоль каменной стены замка, и, наконец, оказались у маленькой дверцы. Она была не заперта.

— Ты первый.

Девушка подтолкнула меня в спину, и я шагнул в узкий сырой проход. Тут было темно и воняло тухлятиной. Теперь это больше похоже на логово Хвостокла. Вряд ли в его норе

пахнет цветами. Я пробирался ощупью, пока не увидел слабый отблеск фонаря на мокрых стенах. Стало идти веселее. Вскоре показалась освещенная развилка. Эрки жестом показала правый коридор. Я смело шагнул в темноту, — и провалился в пустоту.

— Жаль, что ты оказался шпионом, — донесся в спину убегающий голос вишенки.

Шмякнувшись о каменный пол, я покатился по трубе. То еще развлечение — будто молотят камнями со всех сторон, не разбирая. К счастью, это длилось не долго. Я выпал в просторную круглую комнату. Эх, знала бы ты, вишенка, кого привела к своему змееньшу. Шпиона!? Я гораздо хуже. Я — герой! Бог, черт возьми!

Друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Я осмотрелся. На логово зверя было не похоже, но и не скажешь, что тут жил человек. Мебели не было. Свет попадал вовнутрь через три длинных окна под самым потолком. Стены выбелены начисто без всяких украшений. Деревянный пол покрывала свежая солома. В общем, больше ничего не было, если не считать синюшного мешка, который вонял так, что резало глаза и вишня с вином просились наружу. Ну и еще жужжали мухи. Если в углу лежал Хвостокол, то он давно издох.

Я подошел ближе, чтобы рассмотреть отвратительный предмет, но ломать голову над его историей не пришлось.

— Это бывший шпион, — донесся скрипучий голос сверху.

Я неуклюже отпрыгнул в сторону. Пока незачем открывать карты и показывать свои способности, пусть думает, что я просто человек.

Хвостокол усмехнулся. Он лежал на маленьком бордюре у самого потолка. Я бы мог поклясться, что еще секунду назад его там не было. Скорость впечатляла. Действительно, это был четырехметровый зеленый в коричневую крапинку змей с короткими, но мощными лапами. Хвост заканчивался полуметровым костяным шипом, под желтым правым глазом белел старый шрам, а в животе явно просматривалось утолщение, видно пообедал он совсем недавно.

— Но он был невкусный, — проскрипел Хвостокол, — я его выплюнул через неделю, и сейчас пробую другого. Этот вроде лучше.

Я решил не спешить. Раз этот гад разговаривает, то может он расскажет что-нибудь полезное.

— У тебя удивительная скорость, — сказал я.

Вместо ответа змей молниеносно выстрелил хвостом, и кончик жала расстегнул застежку плаща. Он упал. Я даже не заметил движения. Тварь как лежала, так и осталась лежать. Это просто чудо какое-то. А если бы он решил меня убить, я уже валялся бы на полу, держась за перерезанное горло.

— Мне доводилось видеть героев, но ты быстр, как ветер, — сказал я, переведя дыхание.

— Кого ты видел еще? — резко спросил Хвостокол.

Я вздрогнул. Что-то в его взгляде прямо кольнуло, будто он раскусил меня. Но я быстро взял себя в руки и сказал:

— Кракена.

— Это интересно. Как поживает этот желторотый слизняк?

— Он силен и опасен. Ты его не боишься?

— Я не видел его, но ты не первый, кто пугает меня кальмароголовым. Посмотрим-посмотрим. А еще кого?

— К сожалению, — соврал я, — больше никого. А ты слыхал что-нибудь про других героев?

— Их становится меньше. — Хвостокол прищурился, а затем резко выпучил желтые глаза и быстро проскрипел: — Рассказывай, кто ты, откуда, и кто тебя послал, шпион.

Меня бросило в дрожь, жар и холод одновременно. Я не мог взять в толк, что меня так

испугало. И может от страха или еще чего я выпалил:

— Я не шпион. А пришел я сюда, чтобы отрезать тебе хвост и засунуть его тебе в горло...

Хвостокол рассмеялся, хрипло, скрипуче, словно ржавая калитка.

— Ты смешной.

Я скривился. Смейся, гнида, вокруг никого нет, никто не увидит, как я вспорю тебе брюхо. Только боги будут смотреть на твой последний кровавый танец на собственных потрохах. Но спешка мне не нужна. Я закончу все одним ударом. А пока наслаждайся своим мнимым превосходством. Один удар, — и все. Барабанная дробь! Боги, смотрите на меня!

Я выхватил меч и крутнул над головой.

— Спускайся, червяк, потанцуем!

Но Хвостокол только весело заскрипел.

— Ты что, всерьез веришь, что сможешь меня победить? С чего бы это человеку биться с героем? Ты книжек начитался? Думаешь так принцессу соблазнить?

В ответ я неуклюже подпрыгнул и ударил мечом, но где тут достанешь — клинок звякнул о стену.

— Спускайся, урод! — крикнул я.

Но он опять засмеялся.

— Такого я еще не видел!

Меня это начало раздражать. Почему он не воспринимает меня всерьез?

— Ладно, хватит, — проскрипел Хвостокол, — посмеялись и будет. Я сыт, да если б и был голоден, все равно не стал бы есть такого, как ты. От тебя воняет вином и женщинами, да еще вишней. Ненавижу вишню! У тебя полное брюхо этого дерьма.

Тут уже я не сдержал улыбку и проговорил:

— Ну же, я убью тебя быстро.

Но Хвостокол скривился.

— Проваливай. Ты развеселил меня, за это я оставлю тебе жизнь.

И просто исчез из виду. Мгновенно, будто испарился. Я замер в недоумении, все еще ожидая удара, но когда понял, что он просто ушел, крикнул:

— Стой! Я герой! Выходи и бейся, тварь! Вот он я! Возьми мое сердце!..

Но в ответ — только тишина. Что теперь? Я стоял посреди белой комнаты с оголенным мечом и слышал завывание ветра в туннелях, да далекое мычание коров. Тут же к ним прибавились нарастающие шаги и лязг металла — стражники. Я не стал дожидаться солдат, взбежал по стене, и проскочил в окно.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Настроение было ни к черту, и, завидев огни трактира, я свернул с пыльной дороги. Самое время отдохнуть, выпить кувшин-другой вина и подумать над завтрашним днем. С утра мне надо попасть к барону Валлугу, наконец-то устроить встречу Змея и Кракена, и при этом самому не сидеть в заложниках. Тут было над чем поломать голову.

Трактир «Коровье седло» оправдывал свое название. Это было то еще заведение: покосившаяся изба, переделанная под постоянный двор с ночлегом в бывшей конюшне. Внутри было уютненько, в смысле, места в обрез. У стен ютились маленькие круглые столики, а упитанная пышногрудая хозяйка колдовала у печи, которая занимала четверть зала.

Я плюхнулся за столик в углу. Хотелось побыть одному и не привлекать внимания, но это не получилось. За соседним столом сидел белобрысый бродяга в драном плаще и нагло тарачился на меня. У него была грязная окровавленная повязка на носу, подбитый глаз и запекшаяся кровь на лбу — тот еще красавчик. И вот, выпучив единственный здоровый глаз, он сверлил меня взглядом, словно хотел проделать дыру. Я глянул на него так, что безносый, а судя по повязке, он-таки лишился нюхательного органа, задрожал, поник и устался в полупустую кружку.

Было тихо. Посетители шушукались, хозяйка побрякивала кувшинами, под ногами тархтела кошка. Только изредка нервные куры шарахались от случайного движения ног. Они неистово верещали, лопотали крыльями и бросались в рассыпную, поднимая пыль и оставляя в воздухе покачиваться легкие перышки.

Итак, завтра я отправлюсь к барону Валлугу за ответом. Он хоть и вояка, но не дурак. Он примет мое предложение. Мы выберем подходящее место и назначим время: дня через два-три. Затем я встречу с бароном Эбеном. Этот согласится. Он уже согласен на авантюру. Но как отвязаться от обоюдного желания этих упырей оставить меня в заложниках?..

Принесли еду — что-то весьма авторское: оно походило на мертвеца со сложенными крест-накрест огромными пальцами с оголенными костями. Выглядело удручающе, но пахло вкусно.

— Коровье седло! — представила покойника в тарелке хозяйка. — Наше фирменное блюдо. Как вы и просили.

Я что-то не помнил, что это заказывал, но спорить не стал и набросился на тело мертвяка с остервенением. Безносый не сводил с меня взгляда. Я решил пока насладиться едой: голодный желудок не располагает к разговору. А побеседовать с оборванцем уже захотелось.

Я рычал и впивался зубами в черствое мясо, грыз кости, дробил хрящи и чавкал, не упуская возможности соорудит гримасу белобрысому уроду. А ему — хоть бы что. Смотрит и смотрит.

Покончив с коровьим седлом, я допил вино, смачно рыгнул, вытер пальцы о штаны и, прихватив второй кувшин, мгновенно пересел за стол к безносому.

— Ну, как жизнь, лупоглазый? — спросил я и хлопнул его по плечу так, что бедолага чуть не размазал соплю по столу.

Он закивал и отодвинулся в сторону, намерившись улизнуть, но я дал понять, что просто

так не выпущу его.

Белобрысый что-то затараторил, мол, он меня искал, но боялся, есть дело, секретно, и он не может тут все рассказать...

— Ладно тебе, выкладывай как есть, — перебил я и плеснул ему в кружку вина. — Выпей со мной.

Мы выпили. Безносый вытер рукавом рот, подался вперед и стал шептать:

— Я знаю тебя. Ты был тогда в серой зоне. Ты убил всех...

Он осекся и закрыл рот ладонью. Я припомнил стычки на ничейной земле и узнал бедолагу. Это был сбежавший юнец. Однако он изменился. Безносый прочитал вопрос в моих глазах и вздохнул:

— Когда я вернулся в лагерь один, мне не поверили, что кто-то может в одиночку справиться с пятерыми воинами Избранного...

— Кого? — переспросил я.

— Избранного! — таинственно прошептал белобрысый и выпучил глаз. — Ты нужен ему.

— Кто он?

— Он — Избранный!

— Да это я уже понял!..

— Ты знаешь легенду о двадцати девяти героях, — чуть ли не запел этот полоумный, — знаешь о богах, о проклятии, но ты не знаешь о том, что есть еще один герой — тридцатый воин! Король нищих! Ииизбранный!.. — проблеял безносый.

Это становилось интересно. Еще один герой — еще одно сердце, к тому же само идущее в руки.

— И что же ему от меня нужно? — спросил я.

— Ему нужны воины, чтобы заявить о себе. Выйти на арену и победить! И тогда мы — его подданные, сможем, наконец, насладиться лаврами победы! Сможем жить в достатке! Будем радоваться жизни! Смеяться! Петь!..

— Я понял, — остановил я безносого.

Видимо, поколотили его хорошо, раз он нес такую ерунду. Но! Еще одно сердце будет не лишним.

— И где искать его?

— В серой зоне. Я провожу...

— Стоп! — осадил я торопыгу.

Он уже поднялся и направился к выходу.

— Не сегодня. На дворе ночь, я устал и, вообще, у меня завтра дела.

— Я буду ждать тебя тут. Когда закончишь, я отведу тебя к Ииизбранному...

Больше не хотелось слушать белобрысого, я допил вино и побрел на покой в комнатку, выделенную мне хозяйкой за скромную плату. Завтра тяжелый день.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

К обеду я был у ворот замка Моасад.

— Дохлый орел! — гордо представился я.

И ворота без лишних слов открылись. Угрюмый воин в помятом панцире сказал, что барон упражняется в фехтовании, ему нельзя мешать. Уверив бугая, что я не собираюсь срывать тренировку и с радостью подожду в тени кленов в сторонке. Где проходят занятия догадаться было несложно: справа за кустами слышались крики и лязг оружия. Я махнул рукой стражнику и направился на звуки.

Барон Валлуг — весь в сверкающих доспехах, с пышными страусовыми перьями на шлеме — ловко отбивался от двух нападавших. Он не старался дать им сдачи, а наоборот, подбадривал и вынуждал идти вперед. Дрались они настоящими мечами, и удары были не шуточными. Звон стоял такой, будто тут схлестнулись в битве две армии, а не три человека.

Противники барона уже дышали тяжело, а бравый коротышка был свеж и скакал по вытоптанной площадке, что молодой козлик. Вот он оказался за спиной у широкоплечего амбала и пнул того ногой в зад, но попробуй пихни такую тушу — барон отлетел от него как мячик. Не сказать, что не вовремя: справа подоспел второй — атлет с синим пером на шлеме. Он махнул клинком, целясь в голову Валлугу, и он достал бы, если бы барон не отбил лезвие кончиком меча прямо в полете. Приземлившись, он кувыркнулся и встал в боевую позицию.

Враги стали медленно заходить с двух сторон. Барон поднял клинок, и противники бросились в атаку. Валлуг прыгнул навстречу широкоплечему. Звякнула сталь. Полетели искры. Барон изящно парировал выпад амбала, скользнул змеей под руку и клинком отбросил меч врага прямо в лицо второго нападавшего. Тот чуть не проглотил острие, но забрало спасло от смертельного удара, только вздрогнуло синее перо на макушке.

Валлуг топнул ногой и жестом призвал солдат нападать. Те ринулись в атаку. На этот раз первым ударил атлет с синим пером. Он вложил всю силу. Казалось остановить такую мощь невозможно, и следовало бы отступить, но барон стоял как вкопанный. Он перехватил меч двумя руками и легко выдержал сокрушительный удар, крутнулся волчком и железным локтем саданул бедолаге прямо в челюсть. Синее перо вздрогнуло и заходило змейкой. Воин шатаясь попятился. Второй заорал и кинулся вперед, сыпя удары, что заведенный. Валлуг убрал левую руку за спину и отступал, легко отбивая меч врага.

Так они прошли почти весь круг, и тут барон заметил меня. Вмиг он преобразился из игрока в зверя: топнул ногой и велел нападать. Синее перо уже очухался и снова первым бросился в атаку — первым же и получил. Валлуг не стал дожидаться размашистого удара, он молниеносно вскинул меч и обрушил на голову атлета. Раздался оглушительный звон, синее перо надломилось, и воин рухнул как подкошенный.

Второй слегка замешкался, но барон топнул ногой, и амбал подчинился — пошел вперед, неистово крутя клинком. Валлуг мгновение медлил, пытаясь поймать ритм, — и вступил в танец стали. На каждый выпад солдата он отвечал резким, хлестким ударом. Кончик его меча все время скользил по броне противника, выискивая слабые места. И он бы нашел их, в этом можно было не сомневаться, но это все-таки тренировка. Барон подался вперед, скрестив мечи, подставил подножку и толкнул врага. Тот лишь пошатнулся.

Попробуй свали такого бугая. Но этого было достаточно, чтобы отвлечь его и точным движением выбить оружие. Амбал опешил, и тут же получил стальным кулаком в челюсть — пошатнулся и хотел было уже броситься в рукопашную, но барон остановил его.

— Тренировка закончена! — скомандовал он и помахал мне.

— Прекрасно двигаетесь, барон! — крикнул я, спускаясь на площадку.

Вступив на песок, я вдруг отчетливо уловил дыхание арены. Ровно через семнадцать дней я вот так же выйду на такой же песок под солнцем и буду танцевать свой последний танец перед богами. Они будут смотреть на меня и радоваться. А потом я отправлюсь к ним... Если повезет...

— Генерал — это тот же солдат, а солдат всегда должен быть в форме! — отчеканил Валлуг, освобождая голову от шлема, а руки от перчаток.

Его слова вывели меня из оцепенения.

— Так, что вы решили? — спросил я.

— Идем, — сказал барон.

Мы прошли в штаб — походный шатер в тени тополей. В том, что это именно штаб можно было не сомневаться: на стенах висели карты всех имений, а по центру — общая карта Бангшира. Но самое интересное было на огромно столе. Тут расположился настоящий макет ландшафта нескольких имений с крохотными дорогами, деревнями, замками, реками и лесами. Я никак не мог понять, чьи это владения, но Эбен пришел мне на помощь.

— Гриэлас, Самлуб, Брмит и Нкис. — Он ткнул указкой в каждый угол. — Я выбрал их как равноудаленные от наших замков и наиболее подходящие для нашей встречи.

Все имения располагались по краям огромного пустыря, испещренного оврагами и поросшего кустами. Посередине протекала река, разделяя открытые просторы надвое. Место хорошее. Тут есть где спрятаться, есть где повоевать и в случае чего улизнуть будет нетрудно.

— Мы станем лагерем вот тут, — барон показал указкой в низину на севере на землях Нкис. — Их герой уже мертв, и проблем не будет. Эбен должен расположиться...

— Осмелюсь перебить вас, но барон Эбен сам выберет место стоянки. Я позабочусь о том, чтобы вы случайно не встретились. И в назначенный час герои выйдут к месту битвы, но... — я подмигнул, — Змей будет поджидать в засаде. Где? Сначала я договорюсь с Эбеном.

— Дело говоришь, солдат. Когда?

— Через четыре дня вы должны быть на месте. На пятый утром — Змей уничтожит Кракена.

Барон Валлуг пристально посмотрел на меня и сказал:

— Молодец, сынок. Я ценю преданность, но когда все начнется, ты будешь под присмотром. Помни, предашь — умрешь как собака, будешь верен — умрешь как герой! Отправляйся к Эбену, и передай, что барон Валлуг с нетерпением ждет битвы наших героев. Выполняй!

Я аж подпрыгнул и поспешил прочь. Пружина завелась, и пошел отсчет времени. Теперь все решится ровно через пять дней. Победитель определится сейчас, а не на Великом празднике.

Выходя с арены, я заметил изъеденную оспинами рожу Сирода. Он стоял чуть в сторонке и провожал меня мрачным взглядом. Белый глаз тускло поблескивал, стараясь увидеть во мне что-то потаенное, сокрытое от обычного взора.

Прочитал?! Понравилось и ждешь продю — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Утром следующего дня я вошел в имение Брмит, о чем поведал покосившийся столб с табличкой. Это было по дороге к Эбену. Почему бы не осмотреть предстоящее место битвы заранее? Сам замок и его барон с героем меня мало интересовали, и я двинулся вдоль реки в земли Нкис, где Валлут собирался разбить лагерь.

Вокруг, куда ни кинь взор, — лишь трава, кусты, кочки да ямы, подстерегающие неосторожного путника. Оступиться — раз плюнуть. А случись чего — попробуй докричись до помощи. Места дикие. Того и гляди, из кустов лось выскочит.

Я стал ступать осторожно. Мне не было страшно, но обстановка как-то сама располагала к скрытности. Мало ли кто тут шастает. Лось? Это я так к слову. А если медведь? Или волки?

В конце концов, я стал буквально красться, вслушиваясь в каждый шорох. В реке плеснулась щука. На противоположной стороне в кустах кто-то фыркнул и пустился галопом, только пыль поднялась. Ветер принес запах зверя. Пронзительно закричала какая-то птица, словно бы предупреждая об опасности.

Я уже буквально стелился по земле, что ласка. Даже, кажется, начал скалиться по-звериному. Еще немного и зарычу...

— Ты чего это там прячешься?

Я аж подпрыгнул и выхватил меч.

— Спокойно, приятель. Я не собираюсь на тебя нападать.

На берегу реки сидел бородатый мужичек. Он вывалил на солнце пивное пузо и мирно рыбачил. Я убрал оружие и вытер испарину со лба.

— Ну и напугал же ты меня, — сказал я, подходя.

— А ты не местный, — бородач сощурился, — значит правильно делаешь, что осторожничаешь. В нашей глуши чужаку надо быть очень осторожным. А лучше вообще убираться.

Я вопросительно глянул на него.

— Ты, похоже, ничего не знаешь, — продолжил рыбак, — раз гуляешь тут как барышня на променаде. Беги пока цел.

Это меня даже задело. С какого перепугу я буду драпать?

— Ты зря не пугай, — сказал я и погладил рукоять меча.

— Говорю же, небезопасно тут иноземцу. Нас-то местных он всех знает, а ты пахнешь чужаком.

— Кто он?

— Крипс, — прошептал рыбак. Он оглянулся и добавил: — Наш герой.

Опа! Герой значит!..

— Видишь эти ямы и канавы? — бородач обвел вокруг рукой. — Это все его работа. И его предшественников. У нас в Брмите герои всегда землю роют. Посеять ничего нельзя. Только кинешь зерно в поле — тут как тут уже паршивец. Исполосует землю, вывернет все наизнанку, и был таков. Никакого житья нет от этих героев. Чтоб хорошее делали, так нет же. Пакостят и пакостят, пакостят и...

— А где сейчас ваш Крипс?

— Тише ты, дурень. Услышит — ноги не унесешь. И ты иди лучше отсюда. Да скорее, — пузан отвернулся к поплавку. — Ходят тут всякие, отвлекают, а говоришь ему, что опасно тут, так нет же будет стоять и говорить, говорить, говорить, пока не придет за ним Крипс. А потом родичи давай плакать, мол, убили-погубили сынка родненького. Но я ведь говорил ему: иди подобру-поздорову, пока цел. Нет же, не идет. Стоит вон, дубина, смотрит. Рыбу пугает...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Слушал я все это, и так зачесались руки, прям, будто комары покусали.

— Не учили видно тебя вежливости, — сказал я и схватил бородача за шкурки. — Говорят, хорошая трепка сразу вкладывает нужную речь в уста. Давай проверим.

— Нет-нет, нельзя меня обижать. Крипс, как только учует, что своих бьют — вмиг примчится на подмогу.

Я осмотрелся по сторонам: глушь-глушь, ни единой живой души кроме нас.

— Что-то не верится мне, что твоя подмога придет.

— Придет-придет, уж ты не сомневайся, — сказал пузан поучительно, — поверь мне, лучше не проверять. Крипс — он все чует. Он уже все знает, только пока не хочет вмешиваться.

Я поднял его повыше. Рыбак задергался, как поросенок.

— Пусти, дурак, а то закричу — хуже будет.

Я усадил бородача на прежнее место и смачно врезал леща, так, что бедолага чуть не нырнул в реку. От звука удара из соседней канавы выпорхнула стайка уток.

— Ай! — вскрикнул пузан и стал поспешно собирать удочки. — Идиот! Говоришь, говоришь, говоришь ему, что нельзя. Нет! Дурень! Еще раз говорю: уходи пока ноги есть. Ну! Чего встал?!

Я улыбнулся — и вlepил ему еще раз. Пусть подумает, как нужно разговаривать с людьми, а тем более с богами. К тому же, если это верное средство, чтобы вызвать Крипса, то почему бы не воспользоваться им? Зачем мне искать героя, если можно просто позвать.

— Осел! Ты — осел!..

Я саданул еще раз. Правда, немного перестарался: пузан-таки влетел в воду. Вынырнул он весь в грязи и тине. Бородач открыл было рот, чтобы вновь разразиться гневными ругательствами, но так и замер с раскрытой пастью. Позади нас за пригорком с бешеной скоростью двигалось нечто огромное.

Захрустели кусты. Подогнулись деревья. Земля задрожала, заходила под ногами, будто кисель; взорвалась, — и прямо на меня вылетел гигантский шар, весь утыканный шипами, что еж. Я молниеносно ушел в сторону и выхватил меч. Крипс плюхнулся в воду, словно валун, окатив меня с ног до головы и залив все вокруг. Когда река вновь собрала свои воды, на берегу плескалась рыба, семенили раки и жуки-плавунки махали лапками — всем хотелось обратно. Только бородач пузан, чудом оказавшийся на суше, вскочил что ошпаренный, поскользнулся на глине, шмякнулся, аж икнув, и дал такого стрекоца, что можно было не сомневаться, свидетелей нашего танца с Крипсом не будет.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Смерть на кончиках пальцев

Гигантский еж распрямился и повернулся ко мне. Это была та еще машина для убийств: шипы покрывали почти все тело, за исключением живота и внутренней стороны ног и рук, кулаки — остроконечные палицы, а самое интересное, что он был гибок, будто без костей. Гигант выпрямился, закрутился в узел и нырнул. Не успели сомкнуться воды над тушей, как в мою сторону двинулся клокочущий бугор земли. Я отскочил в сторону, тварь — за мной.

Так мы прыгали по берегу, пока все это не надоело. Я извернулся ужом и со всей силы всадил меч в землю — туда, где должна быть голова Крипса. Клинок затрепетал в руках, твердь заходила, взорвалась, выворачивая недра наизнанку и поднимая клубы пыли. Крипс выскочил и ударил наотмашь. Слишком медленно. Я легко отпрыгнул и ответил — лезвие скользнуло по шипам, не причинив никакого вреда. Трудно будет достать эту тварь. Медленно, как сквозь воду, пролетел здоровенный кулачище у самого уха. Я усмехнулся и пошел вперед, осыпая врага ударами. Но попробуй пробей заросли колючек. Ни один удар не достиг цели. И все время мне приходилось уворачиваться от могучих кулачищ. Надо было что-то менять.

Поменял тактику не я. После очередного неуклюжего выпада Крипс вновь скрутился канатом и нырнул под землю. Я не успел очухаться, как он оказался под ногами и подбросил меня в небо, словно пушинку. Я извернулся как кот и ударил — меч скользнул по шипам, и я шлепнулся на спину чудищу, прямо на колючки. Сотни игл впились в кожу, будто я упал на ежа. Да я и упал на ежа! Огромного колючего ежа! Ладно бы просто упал, так этот гад еще раз подбросил меня. На счастье, на этот раз я угодил на мягкую землю. Хотя, показалась она мне не очень мягкой с пятиметровой высоты.

Дыхание сперло. Как же захотелось отдохнуть, но тень, внезапно нависшая, что туча, заставила поторопиться. Я откатился в сторону. И вовремя. Гигантский колючий шар обрушился на то место, где я был мгновение назад. Еще немного, и получилась бы отбивная. Я вскочил, но Крипс достал меня кулаком. Шип пробил щеку насквозь, другой порвал ухо, еще один расцарапал голову, содрал клочок волос. Хлынула кровь, соленая, липкая, теплая. Череп выдержал, но лишь чудом я не остался без глаз. В голове загудел рой пчел. Лицо онемело, пульсируя тупой болью. А колючий шар уже катился, намереваясь раздавить. Я рванул не разбирая дороги. Крипс — за мной. Но бегаю я быстрее, особенно, когда за спиной трещат ветки под тяжестью такой туши.

Погоня не продлилась долго. Еж нырнул под землю, и стало тихо. Я остановился, — и сразу под ногами задрожало. Все по новой: я отпрыгиваю в сторону, разверзаются недра, вылетает колючий шар, и снова по кругу. Так не пойдет. Когда-нибудь он меня поймает. Невозможно бегать вечно, но и просто дать деру — не для меня. Хорош герой будет. И тут я понял, что в воде клубку колючек придется развернуться.

Я свернул в сторону реки и не останавливаясь плюхнулся в воду. Крипс возможно и понял мой замысел, но, почуяв кровь, он уже не мог остановиться. Мы встали друг напротив друга. Ноги тонули в грязи, вязли в тине и водорослях. Чего тянуть? Я бросился в атаку. Крипс мгновенно свернулся в клубок, и все удары пришлись в колючки. Но как только я прекратил бессмысленно махать клинком, эта тварь распрямилась и пошла месить

кулачищами. Я еле увернулся. Улучив момент, я контратаковал, и опять этот гад свернулся в шар.

Нет, так дело не пойдет. Увернувшись от очередной серии беспорядочных ударов, я прыгнул на врага и вместо бесполезных попыток достать плоть клинком, поставил меч так, чтобы гадина не смогла свернуться в клубок. Крипс попробовал — тщетно. Острие уперлось ему в лоб, а рукоять в живот. Я взревел в победном кличе, выхватил потайной кинжал и приготовился выпустить кишки врагу. Но не тут-то было. Гигант одним ударом выбил загнутый клинок и прижал меня к себе. В нос ударил звериный смрад. В глаза впились жесткая щетина.

Я забился, что рыба в сетях. Пальцы нащупали горло врага, и я сдвинул изо всех сил. Как же не хватало сейчас когтя. Я отдал бы за него любую способность. Нет, отдал бы все, лишь бы сейчас на большом пальце был крепкий загнутый серп.

Крипс ослабил хватку и резал шипастым кулаком в затылок. За шиворот потекла кровь. Я сжал пальцы еще сильнее, и получил новый удар, буквально утопая в шерсти монстра. Затем еще и еще. Меня спасало только то, что у него не было размаха, и удары получались лишь в пол силы. Но и этого было достаточно, чтобы разум мой затуманился. Лишь дикая злость заставляла давить, давить, давить.

Я не заметил, когда мы упали, когда удары прекратились и Крипс затих. Кровь заливала мне лицо, текла по шее, рукам. Но я отлепился от ненавистного вонючего тела, нашел под ногами кривой клинок и погрузил лезвие в живот врагу по рукоять. Выгреб теплые кишки, и, продолжая орудовать кинжалом, стал вынимать куски печени, желудка, селезенки, и вот, наконец, нащупал твердый кристалл.

Мне не пришлось долго думать над улучшением. Я сжал сердце врага, и вместе с ярчайшей вспышкой ощутил на большом пальце правой руки острый коготь.

Друзья, не забывайте нажимать кнопчку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Меня раскрыли?

Столица Бангшира Морхэнед жил обычной жизнью. Горожане спешили по своим делам и, казалось, не замечали красоты раннего утра. На голубом небе не было ни облачка, ярко светило солнце, бросая блики на крыши домов, прохладный ветерок приятно обдувал тело, и даже назойливые мухи не могли омрачить моего настроения. Я улыбался хмурым ремесленникам, подмигивал девицам и приветствовал солдат, не обращая внимания на недоуменные взгляды. Мне было хорошо. Мягкие удобные перчатки мастера Накмиба прекрасно прятали коготь и делали меня неотличимым от обычного городского оболтуса.

Заглянув в лавку Глорда, я замер в ожидании неизбежного кровопролития: четверо здоровых мужиков боролись со свиньей. Волосатый, что горилла Фласт держал ее за задние ноги и пытался от натуги. Лысый Гмух навалился на спину и прижимал бедное животное к земле, скалясь, будто насильник в предвкушении грязного дела. Одноглазый Шаграг удерживал голову. Свинья не собиралась сдаваться без боя. Она неистово брыкалась и все норовила укусить Шаграга. А коротышка Глорд размахивал ножом, боясь задеть своего товарища. Но кровавая развязка быстро приближалась.

Гмух, наконец, распластал свинью на земле, одноглазый задрал бедолаге голову, подставив под нож белую шею, и Глорд точным движением резанул плоть от уха до уха. Свинья завизжала. Хлынула кровь в корыто, ловко подставленное коротышкой. Все напряглись, сдерживая агонию животного, и вскоре все было кончено.

— Хорошая работа, — усмехнулся я. — Вчетвером завалить свинью, — прям, герои.

— Ты еще жив, сученьш? — огрызнулся Гмух.

Глорд поднялся, вытер нож о грязный фартук и сказал:

— Рискнул появиться, Руг? Не боишься?

— А чего бояться? Честному человеку бояться нечего.

— Ты шпион, — рявкнул Шаграг, — закусываешь с гнидами Валлуга и говоришь о честности?

— Каждый делает свое дело, — сказал я. — Кто-то режет свиней, а кто-то рискует жизнью в стане врага.

— Прям, герой, — спародировал меня Гмух.

— Ладно, я тоже рад вас видеть. — Я сел за стол и плеснул в кружку вина. — У меня хорошие новости. Валлуг клюнул...

— Идем, доложишь барону лично, — перебил меня Глорд.

Фласт, Гмух и Шаграг остались разделять свинью, а мы незамедлительно двинулись в сторону дома барона Эбена. Шли молча. Я несколько раз порывался заговорить, но коротышка только что-то бубнил себе в бороду и явно показывал, что не намерен болтать. Ладно, если б я пытался выведать какую-нибудь секретную информацию, но я лишь интересовался торговлей в его лавке. Может дела шли не очень, а может он просто недолюбливал меня. К счастью, вскоре мы добрались до дома барона Эбена.

Стражники впустили нас без единого слова. Глорд завел меня во внутренний дворик.

— Жди здесь, — сказал он и исчез в дверях дворца.

Я огляделся: это было то самое место, где принял смерть главарь бандитов из серой зоны — лев, пойманный мной. Кракен тогда красиво разделался с ним. Просто загляденье:

один удар башкой о стену, и конец. Я закатил глаза, вспоминая этот бой, и совершенно не заметил, как стражники стали медленно отходить от меня и прижиматься к стенам. Послышался мерзкий хлюпающий звук, будто трутся друг о друга скользкие змеи. Запахло тухлой рыбой.

Я поморщился и увидел Кракена. Он стоял напротив, в том же самом месте, что и в битве со львом. Что он тут делает? По спине пробежал холодок. Я конечно хотел встретиться с кальмароголовым, но немного не так. Руки машинально потянулись к мечу, но я спохватился. Пока рано паниковать. Все еще можно обернуть в шутку или попытаться договориться. Кракен медлил. И я не спешил.

— Здравствуй, Руг, — нарушил тишину барон Эбен с балкончика.

Его рыжие кудри сверкали в лучах солнца. Рядом с ним стоял улыбаясь Глорд. Наверняка он уже доложил Эбену о моей новости. Но что пошло не так? Меня раскрыли или это просто проверка?

— Доброе утро, достопочтенный барон, — сказал я как можно спокойнее и поклонился. — На этот раз вы не приглашаете меня подняться к вам, а тем не менее, я принес радостные вести. Валлуг заглотил приманку, и ровно через три дня он со своим героем будет на землях Нкис. Что скажете? Вы все еще в деле или мне придется топтать обратно к этому упырю и отменять сделку?

Рыжий молча рассматривал меня, а я все косился на кальмароголового. Тот стоял как статуя, и без лишних слов было понятно, что он ждет сигнала Эбена. Рыжий медлил. Я весь взмок от напряжения, но не показывал вида. В конце концов, если начнется кутерьма, то у меня есть маленькое преимущество: они не знают кто я такой. Хотя, вдруг им все известно?

— Почему там? — наконец, спросил Эбен.

— Если вы помните, — начал я, — Нкис и Гриэлас — дикие равнины, испещренные оврагами и заросшие кустами — место, весьма подходящее для тайных встреч. К тому же граница этих имений проходит по реке. Нкис — Валлугу, а Гриэлас — вам.

— Это он так решил? — фыркнул рыжий.

— Я. Это просто удобно. Нкис ближе к Валлугу, а Гриэлас — к вам.

Барон Эбен презрительно посмотрел на меня.

— Ты много на себя берешь, — сказал он.

При этих словах кальмароголовый сделал шаг вперед.

— Через три дня вам нужно быть на месте, — невозмутимо продолжил я, — а на четвертый утром Кракен раздавит червяка Валлуга. Если вам будет угодно.

Я поклонился. Барон Эбен сделал властный жест — его герой молниеносно прыгнул и схватил меня за грудки. В нос ударил смрад тухлой рыбой. Ноги оторвались от земли. Сердце бешено заколотилось.

— Я не верю тебе, — медленно проговорил рыжий с балкона.

Я сжал кулаки, и коготь слегка кольнул в ладонь, напоминая о себе. Боги, неужели время пришло? Что ж, я готов. Легкая улыбка тронула губы. Я прямо почувствовал, что боги смотрят на меня. Смотрите! Я иду!..

Прочитал?! Понравилось и ждешь проды — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

На пороге тайны

— ...Но рискну, — закончил барон Эбен после секундной паузы.

Кальмароголовый поставил меня на ноги и отступил на два шага. Дышать стало немного легче, но все равно воняло адски. Я облегченно вздохнул, поправил куртку и твердо сказал:

— Вы сделали правильный выбор, барон. Вы не доверяете мне, но поверьте, я не подведу.

— Попробуй только, и я с тебя живьем сдеру шкуру, — фыркнул Глорд.

— Если Кракен победит, — повелительно сказал Эбен, — то я отблагодарю тебя по-королевски. Через три дня мы будем ждать тебя в Гриэласе. Если ты не появишься до захода солнца — мы уйдем.

— Где мне искать вас?

— Иди по дороге, и мои люди встретят тебя.

Барон Эбен дал знак, что разговор окончен и исчез.

— С вашего позволения, владыка Бангшира. — Я поклонился.

Что ж, осталось подождать три дня, а пока было бы неплохо подзаработать и наведаться к Накмибу за доспехами. В кармане позвякивали шестнадцать золотых — не густо. Я направился на рыночную площадь к доске объявлений. Если там не будет ничего стоящего, то загляну к травнику. У Сенеира всегда можно заработать золотой, к тому же он еще должен за Немоту и Скорость.

На рынке царил привычный хаос: кричали торговцы, уверяя, что их товар самый лучший, голосили попрошайки, кудахтали куры, визжали свиньи и ругались две полные женщины, перекрикивая всех остальных. Стражники сонно плевались семечками. На доске объявлений не было ничего интересного. Ну, не буду же я за пару серебряных монет бегать с поручениями или ловить крыс по канализациям. К Сенеиру, решил я.

Травник сидел за столом, уставившись на пять пробирок с разноцветными жидкостями.

— Мое почтение, — поздоровался я с порога, — опять что-то новенькое?

Сенеир не шевелился. Он переводил взгляд с одной пробирки на другую. Вот глаза замерли на второй — с красноватой жидкостью. Травник взял ее, посмотрел на свет, понюхал и поставил на место.

— Может нужен свежий взгляд? — спросил я.

— Ты вовремя. Нужен свежий тест.

— И что это?

— Название ты придумаешь сам.

Сенеир подмигнул и стал быстро смешивать ингредиенты в большой колбе. Адская смесь забурлила. Комната наполнилась запахом сероводорода. Даже свечи загорелись ярче. Наконец, когда все жидкости перемешались и цвет раствора стал иссиня-черным, травник достал с полки янтарную баночку и капнул в зелье одну каплю тягучего вещества.

— Это усилитель, — пояснил знаток растений.

— Если накинешь золотой, то можешь капнуть еще, — усмехнулся я.

Сенеир сверкнул глазами и капнул аж две капли.

— Дам три.

Я посмотрел на смердящую жидкость и скривился.

— Ты можешь хотя бы примерно сказать, чего ждать? — спросил я.

Травник взмахнул руками.

— Ты выйдешь за пределы этого мира, встретишь богов, откроешь тайны вселенной, познаешь себя и... в общем, сам все узнаешь.

Мир, вселенная, самопознание — чушь! А вот встретиться с богами, погостить у них часок-другой? Почему нет. Я залпом выпил мерзкую отраву и сказал, осматриваясь в поисках подходящего места для отдыха:

— Пожалуй, я останусь у тебя.

— Конечно-конечно. Путешествовать за пределы мира лучше подальше от посторонних глаз. Идем.

Сенеир завел меня в заднюю часть дома и открыл тяжелую дверь маленькой темной комнаточки.

— Здесь я пробую особые эликсиры, — сказал он, зажигая крохотную свечу.

Пламя осветило обитые соломенными матрацами стены, деревянную кровать и отходное ведро. Это все, что тут было, если не считать затхлого воздуха, сырости и гнетущего ощущения безысходности, навалившегося, словно известие о скорой смерти. Я как бы взглянул на свою собственную могилу.

— Ни один звук не проникнет сюда извне и ни один не выйдет отсюда, — продолжил травник, поставив свечу на пол. Тени заплясали на стенах, словно дикари в предвкушении жертвоприношения. — Идеальное место. Ложись на кровать и расслабься. Зелье начнет действовать, когда догорит свеча. Не пытайся покинуть это место раньше срока — ничего не выйдет. Дверь откроется автоматически, когда истечет время действия снадобья.

Что-то мне совсем перехотелось лезть в эту палату для буйных, но было поздно — меня уже кинуло в жар. Я повернулся к Сенеиру: он стал ненастоящим, как будто нарисованным. Лицо превратилось в маску. Безжизненные глаза смотрели сквозь меня. Мимика, жесты — все механическое, бесчувственное, искусственное. Мир вокруг — тоже. Я словно бы попал в трехмерную картинку.

— Поставь ведро поближе, на случай тошноты или еще чего. Такое бывает, — сказал травник и толкнул меня в комнату.

Дверь закрылась, словно крышка гроба. Сердце забарабанило в груди. Я жив!.. Кинулся на дверь. Толкнул. Ударил. Тщетно. Неужели это конец?!

Я взял себя в руки. Нет. Не такой конец приготовили мне боги. Да и они ли решают, как и где я уйду? Пусть попробуют вмешаться.

Я посмотрел на пляшущих на стенах дикарей, перевел взгляд на огарок свечи: пару минут у меня есть. Придвинул ведро, лег на кровать и глубоко вздохнул. Боги, я иду в гости.

Свеча зашипела. Пламя задрезжало. Дикари на стенах зашлись в экстазе и разом набросились на меня. Наступила тишина, и комната погрузилась в крошечный мрак.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

В гостях у богов

Тьма колыхнулась, заиграла миллионами неуловимых светящихся червячков. Они рождались из ниоткуда и мгновенно исчезали, успев прожить короткую яркую жизнь. Воздух буквально затрещал от их неугомонного веселья. Кажется, я взлетел. Вот я уже кружусь вместе с ними. Налетевший вихрь подхватил мое невесомое тело и понес с бешеной скоростью куда-то ввысь — к звездам, за край вселенной, в другой мир. От такого стремительного полета перехватило дыхание, заложило уши, и желудок протяжно завыл: «Боооррода боррол боррщик».

Я хотел было возразить ему, сказать, мол, что за чушь ты несешь, но уши яростно сдавила невидимая сила. Да так, что череп затрещал. Я открыл рот в немом крике, и хватка тут же ослабла. Теперь в ушах просто шумело, будто бы ветер задувал в трубу.

И тут я отчетливо услышал голос. Это был скрипучий голос старухи. Вначале неясное бормотание, словно она читает заклинание или бредит во сне, но потом стали отчетливо проступать слова.

— ...В мое время в кинотеатре, когда рвалась пленка, кричали: «Сапожник...»

Голос мне показался знакомым. Даже очень. Словно бы я его всю жизнь слышал.

— Действительно, почему экран черный? — спросил женский голос. — Что происходит?

И он был мне знаком: такой родной, близкий сердцу. Он пел мне колыбельные, радовался вместе со мной, смеялся. Я полетел на голос. Это совсем рядом — протяни руку и коснешься, но вокруг только бесконечная тьма. Боги, где вы? Я заметался из стороны в сторону. Что происходит? Я иду к вам! Я — Гур, дитя земных недр, встречайте меня!..

— Пойду-ка в магазин схожу, пока тут заминка. Чего пялиться в черный экран? — сказал мужчина.

Конечно же, и этот голос был мне знаком. Вот только где, когда я мог его слышать?

— С чего бы это взялось эхо? Ууу, — проскрипела старуха.

— Точно, эхо, — сказала женщина.

Я закричал в отчаянии, но это был крик души, а не тела. Тело было парализовано. Я не мог пошевелить даже пальцем. Да и были ли у меня они? Я казался себе сгустком энергии, точкой сознания, песчинкой во вселенной.

— Сашка?!

Этот голос! Он сразил меня стрелой. Меня поймала сирена. Богиня! Я лишился дара речи. Это она! Я знаю ее! Богиня!..

Она говорила не со мной, с каким-то Сашкой, но мне было все равно. Говори! Говори!!! Я хочу слышать твой голос, богиня!..

— Сашка, ты меня слышишь?

Да! Да! Да!!!

— Он что, слышит нас? — спросила женщина. — Саша, ты почему нам ничего не сказал?

Боги!.. Я бился в невидимом черном пузыре, словно рыба в сетях. Я был в мире богов, но лишь как турист в автобусе. Вот он мир — протяни руку и коснись его, но невидимая прочная стена не пускает. Рву, бью, кусаю, деру ногтями, но все тщетно. Я здесь! Я — этот...

Сашка! Пусть, нет, но я стану им, лишь бы быть с вами!!!

— Сашка, — сказала богиня дрожащим голосом, — если можешь, выходи из игры.

— Не пудри мозги, девочка, — сказала бабка. — Что тогда мы будем смотреть?

— Аня, ты чего? — сказала женщина.

— Выходи. Выходи! — буквально закричала богиня. — Прямо сейчас! Пока не поздно!!!

— Куда выходить? — Кричу. — Как?!

Но меня не слышат. Тяну руки во тьму. Боги, я люблю вас!

— Выходи! — плачет богиня.

— Анна! — женщина повышает голос. — Что случилось? Почему ты говоришь такое?!

— Выходи!..

О, боги, ну разве я не желаю этого? Разве я против?.. Мечусь из стороны в сторону. Разрываюсь... но все впустую. Я слышу вас, но ничего не могу поделать. Меня подхватывает вихрь и уносит. Сопротивляюсь, как запеленатый младенец. Голоса отдаляются. Я больше их не слышу. Боги! Я приду! Обязательно!.. Все. Я опускаю руки и лечу, отдавшись воле ветра.

Вечность... Вижу ее. Вечность... Осознаю ее. И постепенно вкрадываются новые картины. Вот человек перед светящимся экраном с текстом, откинувшийся на спинку старого стула. Руки за головой. На лице легкая улыбка. Темно, только светит монитор. Человек только что написал несколько предложений и с умилением разглядывает ровные строчки букв. Вот сверкнули глаза, и он прильнул к клавиатуре и стал торопливо стучать по клавишам. Родился еще один абзац текста.

Комната растворяется, в лицо летят буквы, слова, предложения и целые страницы. Я успеваю кое-что прочесть. И это моя жизнь. Я узнаю моменты. Жизнь пролетает перед глазами стремительным потоком — такая короткая и в то же время длинная, словно бы тянется резина... бесконечно.

И снова я попадаю в другой мир. Лечу над бесконечными комнатами, людьми, уставившимися в телефоны, планшеты, мониторы, и у всех на экранах те же буквы, слова, предложения и целые страницы... Моя жизнь.

Это сон. Просто сон...

Ждешь пруду? ЛАЙК и РЕПОСТ ускорят ее выход!

Я открыл глаза.

— Тьфу ты, напугал! — Сенеир отпрянул.

Пламя свечи в его руках едва не погасло. Тени всколыхнулись, но тут же вновь устало затрепетали.

— Ну, — протянул травник, — что ты видел?

Я молча сел, потянулся, разминая затекшие мышцы, зевнул.

— Ты был там? — не унимался Сенеир. — Не молчи. Или ты потерял дар речи от увиденного?

Я только тяжело вздохнул. Что-то совсем не хотелось говорить о странном путешествии. Совсем. Вообще было не до разговоров. Меня охватила неопишуемая грусть и чувство утраты чего-то важного. Из души будто вырезали потаенную часть, и эта часть осталась там — в другом мире. Нет, не сейчас, давно. Я родился без этой части, но получил право вернуть ее. Боги, я приду, но на этот раз не как невесомый сгусток энергии, не во сне, а наяву, с фанфарами и лепестками роз. Я знаю, вы тут рядом, и в тоже время далеки как звезды...

— Ну?! — травник затряс меня за плечо.

Я посмотрел на него: всклокоченный старик с глазами, горящими адским огнем. В нем было что-то детское, наивное. Тебе никогда не попасть туда, дружище. Да ты и сам это знаешь. У меня есть шанс, пусть небольшой, но есть, я — герой, но ты — простой человек. Зачем тебе мир, который недосягаем? Забудь о нем. Ты навсегда останешься здесь в своей лавке со склянками, травами и отварами. Боги лишь играют с тобой.

— Ты прав, — наконец сказал я, — это было путешествие в иной мир.

— Ты был там, а выглядишь так, будто наелся тухлой капусты. Где восторг? Где радость? Где жажда открытий? Другой мир! Мир богов!.. — Сенеир обвел в воздухе круг свечой. — Это ли не чудесно?!

Я безразлично кивнул. Открытия, восторг, жажда — чушь. Хотя, жажду хорошо бы утолить. Я сглотнул. В горле — словно прошелся суховей и оголил острые скалы.

— У тебя не найдется немного вина, старина? — спросил я.

— Ах, да! — Сенеир подпрыгнул и поволок меня вон из затхлой норы. — Идем скорее. Но ты обязан мне все рассказать, как договаривались.

Мы пришли в лабораторию. Травник достал с полки кувшин и быстро плеснул красного вина в две пробирки.

— С возвращением!

Я залпом выпил и налил себе еще. Терпкое тягучее вино вернуло в реальность.

— Ну, а теперь рассказывай, — сказал Сенеир, причмокивая.

Я выпил еще одну пробирку, и сразу же налил снова. Старик забил копытом.

— Не мучай меня, Руг. Я так с ума сойду.

— Ладно, — начал я, собираясь с мыслями. — Боги. Я их не видел...

Травник всплеснул руками.

— Возможно, превышена доза усилителя или одного из ингредиентов. Скорее всего, это...

— ...Но слышал, — продолжил я. — Они были рядом, вот как ты сейчас. И это было

прекрасно! Я понял, что всем сердцем желаю оказаться рядом с ними, стать одним из них. Моему желанию не было предела. Я хотел жить, но...

— Так они существуют! — Сенеир открыл рот в изумлении.

— А ты что, сомневался?

— Ну, — травник замялся, — всякое болтают. Поди разбери, кто на твой карман рот раззявил.

Я криво усмехнулся. Старик прав, боги — продукт, который пользуется популярностью во все времена. Продавать воздух — выгодное дело.

— А что они говорили?

— В основном ерунду всякую, но одна богиня, — я закрыл глаза, вспоминая сладкий голос, — все повторяла: «Выходи, выходи, если можешь». Что бы это значило?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Может, их мир опасен для нас? Недаром в портал входят только герои.

«Я и есть герой!» — чуть не вырвалось у меня, но я вовремя спохватился и сказал:

— А чего ты ждал, что нас там ждут с распростертыми объятиями?

Сенеир поднял взор к потолку и задумчиво проговорил:

— Они наблюдают за нами, вмешиваются, когда хотят, и остаются недостижимы для нас.

Но теперь, благодаря моему эликсиру, мы можем слышать их, — он сверкнул глазами. — Ну, не чудо ли это?

— Пожалуй, чудо, — ответил я с улыбкой.

Действительно, то еще было путешествие.

— Зелье получилось на славу. Твое право выбрать название.

— Утраченный мир, — вздохнул я и вновь в груди защемило.

— Прекрасно!

— Кстати, ты мне должен за Немоту и Скорость два золотых.

— Не думай, что я забыл, — уверил меня Сенеир. — Только нужен еще один тест

Немоты.

— А мне сейчас как раз хочется помолчать, подумать. Тащи свою отраву для языка.

Через минуту на столе стоял пузырек с черным зельем.

— Я немного улучшил формулу, и теперь должно работать эффективнее, — сказал старик.

Я покрутил флакон в руках, и хотел было уже открыть.

— погоди! Совсем забыл, ты же должен хотеть есть. — Травник выбежал из комнаты.

Через минуту он вернулся с тарелкой холодной зайчатины. При виде жареного мяса желудок прямо скрутило от боли. Я только сейчас заметил, что был голоден как волк и с остервенением накинулся на жаркое.

— А с чего ты решил, что я голоден? — спросил я с набитым ртом.

— Так ты три дня лежал неподвижно. Я уж думал, ты помер.

— Три дня! — Я подпрыгнул. — Чего же ты молчал!

Сегодня до захода солнца мне нужно встретиться с бароном Эбеном в Гриэласе и успеть повидаться с бароном Валлугом на землях Нкис. Я разом выпил пол кувшина вина, схватил флакон Немоты, зайца и ринулся к выходу.

— Деньги-то возьми, — крикнул вслед Сенеир.

— Потом, — отмахнулся я и выскочил на улицу.

Солнце было еще высоко, но и путь неблизкий. Я рванул прочь из города, распихивая

сонных прохожих и обгладывая тушку, что огр. Едва стены Морхэнда остались за спиной, я отшвырнул остатки зайца в сторону, вытер рукавом рот и помчался во всю прыть, только ветер выл в ушах, да клубилась пыль под сапогами. А что думали люди, мне было наплевать. Скоро все решится.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Последние приготовления

Остановился я только на землях Нкис, в паре километров от места стоянки Валлуга. Перевел дыхание и двинулся легкой, но быстрой походкой к лагерю барона. Он находился именно там, где и должен быть — на севере в низине. Встретил меня Сирод. Вот же гад, куда ни сунься, вечно попадешь на него. Он стоял на кромке гигантской впадины, словно оставленной метеоритом, и пристально всматривался в мою сторону. Видимо, ждал.

— Приветствую, коллега-шпион, — крикнул я издали.

Одноглазый ничего не ответил, но когда я подошел вплотную, он смерил меня белым глазом-сканером и прохрипел:

— Опаздываешь.

— Твое общество мне не в радость, вот и не спешу.

— Идем, — Сирод кивнул на четыре палатки. — Барон ждет.

В лагере было совершенно безлюдно. И, похоже, солдаты совсем не отдыхали в палатках, их просто тут не было: на привязи стояло только две лошади. Мне показалось это странным. Мы зашли в просторный шатер, расписанный сценами битв.

— Солдат! — крикнул Валлуг. — Доложить обстановку!

Он был облачен в сверкающие доспехи и восседал на походном троне, словно всадник в седле. На голове красовался шлем с павлиньим пером.

— Барон... — Я поклонился.

— Отставить, солдат! Мы на войне, а не на балу. После будешь шляпой пол мести. Этот тюфяк Эбен прибыл?

— Не могу знать. Я еще не ходил к нему.

— Покажи место его стоянки, — барон ткнул скрюченным пальчиком в стену.

Там висела подробная карта четырех имений.

— Пока я не могу этого сделать, генерал. Меня должны встретить люди Эбена на большаке и отвести к нему.

— Умно. — Валлуг нахмурился. — Ладно, тогда передай, что завтра на рассвете мы будем ждать его тут.

Он вынул меч и кончиком ткнул в пустырь у реки почти посередине карты. Это было как раз у дороги, где у меня назначена следующая встреча. Прекрасно. Заодно изучу местность.

— Эбену придется перейти реку, чтобы попасть на пустырь, — сказал я. — Он может сделать это где угодно. Хорошо бы мне знать, где устроит засаду Змей, чтобы помочь Кракену попасть в его ловушку.

Барон посмотрел на меня так, словно собирался клюнуть своим орлиным носом.

— У нас будет честный поединок, — отчеканил он. — А сейчас отправляйся к Эбену.

— Слушаюсь, мой генерал, — я встал по стойке смирно. — Только скажите, где ваши люди? Где Змей? Для убедительности речи, мне бы их увидеть...

— Они отстали, — отмахнулся Валуг и дал понять, что разговор окончен.

Так я тебе и поверил. Похоже, этот сморчок затеял новую игру. Уж не рыскают ли его солдаты в поисках стоянки Эбена? Лишь бы они не вспугнули птичку. А мне надо убираться поскорее, пока барон не вспомнил, что хотел оставить меня в заложниках.

Я двинулся к выходу, но Сирод, до того стоявший в стороне тенью, схватил меня за плечо.

— Постой, — сказал он. — У тебя новые перчатки? Можно взглянуть?

Я медленно снял левую и протянул. Одноглазый еле заметно улыбнулся.

— Хорошая работа, — сказал он. — Можно другую?

Неужели этот упырь догадался, что я прячу под перчатками? Если так, то зачем он лезет на рожон? Я ведь зарублю их обоих одним ударом. Засада? Вряд ли.

Я стал очень медленно снимать правую. Потянул за один палец, за второй, за третий... Мельком глянул на Валлуга: барон хмурился. Похоже, ему не нравилось представление. А раз так, то... Я молниеносно выхватил из рук Сирода перчатку, надел и шагнул к выходу.

— Некогда платья примерять, после будем обсуждать рюшки, — сказал я и вышел.

Солнце близилось к закату. Надо было спешить, но сейчас нельзя лететь на всех парах, можно выдать себя. Мало ли тут глаз. Я шел быстро, и через полчаса вышел на большак. Не успел я пройти и десятка шагов, как меня окликнули.

— Эй ты, стой!

Из кустов вылез бугай в крестьянской рубаше, подпоясанной кушаком. Он совершенно не походил на работника полей. Ему привычнее мечом махать, а не в земле ковыряться. Я сразу догадался, что это солдат Эбена.

— Пospели в кустах листья, крестьянский сын? Я не опоздал?

— А ты кто такой?

— Руг. Не меня ли ты ждешь?

Бугай окинул меня взглядом, скривился и махнул рукой:

— Идем, барон уже места себе не находит.

Он повел сквозь кусты, молодой лес, прогалины, овраги одному ему ведомой тропой. Ветки царапали кожу. Паутина ловила в свои сети, липла к лицу. Ноги то и дело вязли в траве. Стемнело. Я уже начал думать, что крестьянский сын заблудился. И, наконец, мы вышли на лужайку с пятью палатками. В лагере было беспокойно. Около тридцати воинов суетились, словно собирались в мгновение ока собрать вещички и смыться. Это немалая сила, а сколько еще стоит на страже?

Провожатый показал на самый большой шатер и исчез. На входе меня встретил лысый, похожий на борова Гмух, волосатый, что горилла Фласт и одноглазый Шаграг — все старые знакомые.

Я подмигнул им и зашел в шатер.

— Ты должен был явиться!.. — вскричал Эбен.

Его рыжая шевелюра, казалось, вспыхнула огнем гнева. Но я перебил его:

— Достопочтенный барон, прошу меня извинить. Я вел переговоры с этим ничтожным Валлугом, и теперь, могу вас уверить, я точно знаю, что Кракен победит.

Это слегка смягчило его, только коротышка Глорд нахмурился и сложил руки на груди крестом. Он стоял рядом с бароном, словно его верный сторожевой пес.

— Где он? — вскричал Эбен, срывая горло, — Я уничтожу его как клопа!

— Достопочтенный барон, владыка Бангшира, — начал я, — на улице совсем темно. Я не смогу не то, что найти лагерь Валлуга, я не смогу выйти отсюда. Но завтра на рассвете он с героем и десятком людей будет ждать тут, — я показал место на карте.

Моя речь произвела-таки впечатление: Глорд расслабился и опустил руки, а Эбен вздохнул и устался куда-то в угол палатки. На его лице заиграла зловещая улыбка. В

мыслях он уже праздновал победу. Мечтай петушок о песнях на заре, а светит тебе супчик в чугушке.

— Значит, утром, — медленно проговорил барон и встрепенулся, как курица на насесте. — Хорошо! Стража! Проводите Гура в его покои.

За спиной тотчас встали два воина в тяжелых доспехах.

— Попробуй только пискни, — сказал Глорд, — я вырежу твои гадкие глаза и скормлю их тебе.

Он вынул мой меч из ножен и бросил Гмуху. Я не сопротивлялся и только сказал:

— Гляди, не потеряй. Он мне еще пригодится.

Лысый боров только криво усмехнулся и засунул клинок за пояс.

— Не сердись, Руг, — мягко проговорил рыжий тюфяк Эбен. — Ты был согласен остаться в заложниках. Так что не обижайся. Завтра утром, ты отведешь нас к месту схватки. Когда мы покончим с Валлугом и Змеем, ты получишь награду, которую заслужил.

Я стоял смиренно, пока на руки надевали кандалы. Уговор, есть уговор.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комментарии и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Кровавый рассвет

Меня разбудили, когда было еще темно.

— Просыпайся, урод, — прорычал Гмух, сморкаясь.

— Еще рано, — отмахнулся я. — Темно — хоть глаз выколи. Как я найду дорогу?

— Жить захочешь — найдешь, — сказал Глорд.

Прозвучало это так, что сон как рукой сняло. Я поднялся. Пора покончить с этим делом. Надоело слышать брань от каждого дрыща. Сегодня я выпотрошу двух самых сильных героев, и победа будет в кармане. На руках звякнули кандалы — будет не просто в таких браслетах, да без меча. Я уже и забыл, что меня тут держат как особого гостя.

На улице в полной темноте суетились солдаты. Видимо, факелы не зажигают, чтобы не выдать себя раньше времени. Я выбрался из своей лачуги и поежился. Было зябко. Дул холодный пронизывающий ветер. Со стороны реки кричала какая-то птица, словно бы ее насиловали.

— Пошли, — гаркнул кто-то впереди.

Меня толкнули в спину, и я шагнул во тьму. Шли молча, гуськом. Под ногами шелестела трава, хрустели ветки, брякали металлом солдаты. Шли так, словно собирались грабить деревню: не смотря друг другу в глаза, каждый при своих мыслях. Чтобы отвлечься, кто-то думал о кружке вина, кто-то о филейных частях шляхи, кто-то просто боялся утра, когда начнется заварушка. А она начнется, можно не сомневаться. Я был сосредоточен на том, чтобы не споткнуться. Вокруг — тишина. Бедную птицу вконец замучили, и она начала издавать лишь протяжные стоны.

Занимался рассвет. Когда небо посветлело настолько, что стали видны силуэты впереди идущих, я осмотрелся: нас было всего-то десять человек со мной. Ни Эбена, ни кальмароголового. Что за черт!

— Эй-эй! Тпррр! — Я встал — мне в спину клюнул носом солдат. — Где барон? Где Кракен?

— Топай, давай!

Меня кольнули в ногу копьём. Больно. Я зашагал, но не унимался:

— Мы нарушаем уговор! Валлуг нас просто убьет! Где барон Эбен?! Мне нужно с ним поговорить!..

— Заткнись! — рявкнул Глорд. — Мы встретимся с Валлугом, и если все будет хорошо, то... все будет хорошо.

Это не входило в мои планы. Мне нужно быть рядом хоть с одним из героев, чтобы вступить в танец смерти в нужный момент. А сейчас я в кандалах, без оружия топаю с кучкой вояк по бурелому. Надо что-то делать. Так я могу прозевать все веселье. Эта мысль зудела в голове будто комар. Но что я могу?

Взошло солнце, разлив кровь по горизонту, и мы вышли на пустырь. Судя по всему, тот самый. Я осмотрелся: никого, только ветер гуляет, словно ретивый конь. Даже птица угомонилась. Лягушки — и те молчали.

Глорд скривился.

— Не нравится мне это.

— Может еще рано? — неуверенно сказал я.

— Мы подождем, но если они не появятся, — карлик оскалился, — я с удовольствием выпущу тебе кишки.

Я пропустил его треп мимо ушей. Больше меня беспокоил Валлуг и Змей. Где они?

Прошло около получаса, — и никто не появился. Никто! Сказать, что я волновался — ничего не сказать. И солдаты Эбена не находили себе места.

— Глорд, — сказал одноглазый Шаграг, — мне кажется, нас надули.

— Это все этот урод, — Фласт ткнул в меня пальцем.

— Надо кончать его, — медленно проговорил лысый Гмух и хрюкнул, осматривая мой меч.

Глорд сверлил меня взглядом. Кажется, он разделял мнение своих дружков, но в нем теплились ростки разума. Убив меня, он рвет нить переговоров. А за это можно и отхватить от своего хозяина — барона. Брови карлика медленно принимали угрожающий вид. Я решил немного разрядить обстановку.

— Послушайте, друзья, не стоит поддаваться панике. Валлуг придет. Может он заблудился...

Лицо Глорда превратилось в маску гнева. Он потянулся к мечу.

— Ты водил нас за нос все эти дни.

Я попятился.

— Подумайте сами, зачем мне врать вам?

— Он крыса Валлуга, — завизжал Глорд, крутя мой меч.

Воины медленно шли на меня — девять вооруженных громил в тяжелых латах. Я отступал — в кандалах, безоружный... ну, почти.

— Одумайтесь, — сделал я последнюю попытку. — Если вы убьете меня, то кто будет вести переговоры. Все еще не кончено. Встреча состоится...

— Я давно хочу это сделать, — Глорд сверкнул глазами, — Шаграг, пригвозди этого клопа к земле, я вырежу ему глаза.

На горизонте из кровавых луж выглянуло солнце — яркое, обжигающее, прекрасное, словно сердце героя.

Одноглазый поднял копье.

Что ж, боги, раз вы этого хотите, то смотрите же. Не прячьте лица. Вот он я! Я — иду к вам! Сердце забарабанило, вырываясь из груди. Кулаки сжались. Коготь впился в ладонь — больно, хорошо! Внутри взвелась пружина. Ну! Давай!

Друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Уворачиваюсь от копья и бросаюсь в сторону к крайнему воину — рогатому пузану. Теперь солдаты выстроились в очередь ко мне. Давай, подходи по одному, каждому выдам на орехи. Руки прям горят, если не врежу кому — отвалятся. Нужно именно врезать, а не пустить кровь — накипело. Толстяк не успел достать меч, как получил апперкот в челюсть. Бить в кандалах — не с руки, не размахнешься, но можно приловчиться. Жирдяй только заморгал и придал лицу невинный вид, того и гляди разрыдается. Я добавил слева в ухо и пнул сапогом в пивной бурдюк — пузан засеменял ножками и завалился, подмяв под себя соседа.

Солдаты начали растягиваться в линию, окружая, но я опять выбрал крайнего — дылду в подшлемнике — и, нырнув под клинком, с размаху завинтил кулаком под глаз — воин поник. Побаловались — и хватит. Скидываю перчатки. Ловлю меч цепью — и всаживаю коготь в голубой глаз беззубому детине с соломенными волосами, глубоко, в самый мозг. Кручу, словно ножом в банке с холодцом, мешаю в кашу и отшвыриваю бедолагу к следующему болванчику — кривоногому коротышке с топором. Он и пискнуть не успел, как коготь разрезал горло от уха до уха.

Что-то азарт поутих у бугаев: топчутся, что обосравшись, глаза пучат на трупы товарищей. Те хрипят и брызжут кровью.

Глорд взревел и толкнул ошалелого от страха молодого воина.

— Вперед, паршивый трус!

Стриженный под горшок парень мешкал. Фласт пошел вперед, неистово вращая двуручным мечом — я попятился. Его дружки — Шаграг и Гмух — стали обходить по сторонам. Тем временем очухался пузан и дылда. Теперь второго шанса у вас не будет.

Молниеносно ныряю к Фласту, бью когтем в шею, но гаденьш успеваешь уклониться. Отпихиваю, кручусь волчком, — и ловлю цепью удар в спину от паршивого труса. Вот же негодник, чуть не стал героем. Одним движением вырываю трахею с мясом. Пузан уже тут как тут, с мечом над головой. Всаживаю повторно сапогом в пивной бурдюк — у жирдяя земля уходит из-под ног, и туша шмякается оземь, что мешок с консервными банками.

Делая шаг назад, проваливаю дылду и стремительно прыгаю вперед. Цепляю когтем за челюсть, что рыбу крючком, — и швыряю улов под ноги Шаграгу. Одноглазый спотыкается и летит прямо ко мне — ловлю голову сапогом и ухожу в сторону от размашистого удара Фласта. А вот и Глорд. Он бьет с короткого замаха, точно, сильно, как в мясной лавке. Принимаю цепью клинок, хватаю гнома за бороду, поднимаю — и кулаком в челюсть, да так, что полетели зубы. Это тебе авансом!

Что-то воины совсем расклеились: стонут, охают, плюются кровью. Хватит игр. Где мой меч? Нахожу Гмуха, и словно коршун иду в атаку. Лысый понял, что я за ним, замахнулся и ударил наискось — смотрю прямо в глаза говнюку и принимаю сталь когтем, сжимаю лезвие — крепко, словно кузнечными тисками. Гмух рванул — тщетно, держу мертвой хваткой.

Слева — пузан снова в седле. Вижу его, но как приятно наблюдать испуг в глазах ублюдка Гмуха. Успею еще увернуться... Толстяк тараном сбивает меня. Наваливается. Держит, не вырваться. Заигрался я, как бы не поплатиться. Машинально убираю голову, — и

лезвие втыкается в землю у самого уха. Теперь полностью трезвею. Так недолго и слиться. Кручусь ужом, пытаюсь скинуть тушу и краем глаза вижу, как приближается нечто большое темное. В следующий миг голова содрогается от тяжелого удара. На мгновение заходит солнце, челюсть немеет, рот заполняет кровь. Предмет определяю по мимолетному запаху — сапог.

Изгибаюсь дугой и перекатываюсь на пузана. Теперь я сверху, детка. Но ненадолго — снова кручусь, закрываясь им как щитом от двух или трех ударов. Толстяк воет, корчится от такой порки железными розгами. Мелькает белая заплывшая жиром шея, — и коготь делает свое дело. Кровь брызжет в лицо. Отплеываясь, скидываю тело и мгновенно встаю на ноги.

Ну, что, братцы-кролики, потанцуем? Фласт фыркнул и стал обходить слева. Шаграг — справа. Гмух хрюкнул и завертел над головой моим мечом. Моим! Глорд сжался пружиной, готовый прыгнуть в любую секунду. Я не заставил себя ждать и пошел вперед, прямо на Гмуха. Он сделал выпад — я отпрянул, кончик клинка просвистел у самого носа. Смерть все ближе и ближе. Коротышка Глорд не выдержал и прыгнул — я навстречу. Занырнул под руку и поймал на крючок рыбку, подсек — и на берег. Гном взвыл. Его верные друзья разом пошли в атаку.

Прыгаю, словно пантера в цирке: Гмуху подрезаю сухожилия на запястье, перехватываю меч, острие всаживаю в лицо Шаграгу — входит как в масло, — вырываю, швыряю в шею Фласту, — и твердо встаю на ноги. Ап! Враги падают на землю, корчатся, верещат. Завоняло дерьмом.

Я не стал мешкать, избавился от кандалов, добил раненых и двинулся в сторону стоянки Валлуга. К Эбену теперь нельзя. Что я ему скажу? Впрочем, это уже не важно. Надо найти Змея и держаться его. Еще ничего не потеряно. Встреча еще может состояться. Я должен заполучить эти сердца!

Прочитал?! Понравилось и ждешь проды — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

По дороге я свернул к реке и наспех отмыл кровь, а то уже начали кружить мухи над головой. Холодная вода придала сил, но не избавила от жара в голове. Я прямо кипел. Я злился на Эбена, что послал меня с этими идиотами. Кривился об одной мысли о Валлуге, который вообще не пришел на встречу. Где Кракен? Где Змей? Да и себя я ругал не меньше за наивность. Как я мог поверить, что эти упыри будут играть честно?

Но долго накручивать себя не пришлось. Через пять минут я стоял на кромке гигантской впадины. Палатки на месте, что не может не радовать, и людей прибавилось. Правда, всего-то пять воинов копошились у главного шатра, но на душе мне стало легче. Валлуг еще тут, а это значит, и Змей рядом.

— Замри! — крикнул властный голос. — Кто такой?

Я повернулся: караульный с пышными усами наставил на меня арбалет и выпучил глаза, будто сидел на нужнике.

— Спокойно, — я поднял руки, — меня зовут Руг.

— Ааа, — стражник выдохнул и дружелюбно зашевелил усами, — проходи шпиен. Тебя уже ждут.

Валлуг стоял у стены и смотрел на карту. Я прокашлялся.

— Ну, — сказал барон, не оборачиваясь, — первый вестник моего гениального плана, расскажи, что произошло на поляне.

Я сжал зубы в приступе гнева. Одно движение, и карта окропится кровью этого слизняка, но нельзя. Я натянул улыбку. Она прекрасно налезает на сжатые челюсти.

— У вас стало меньше врагов, барон.

— Подробнее, солдат.

— Эбен струсил. Он послал на встречу меня и несколько своих верных головорезов. Когда они поняли, что облажались, то напали на меня. Но мне повезло больше, чем им.

Барон окинул меня взглядом.

— По правде говоря, я не надеялся увидеть тебя живым. Ты же понимаешь, солдат, что для победы нужны герои, которые положат жизнь ради высших целей. Но ты молодец! Прими благодарность с занесением в личное дело, солдат!

Я поклонился.

— Барон, теперь, когда я выполнил ваше задание, могу ли я узнать остальную часть гениального плана?

Валлуг вновь оторвался от изучения карты и пристально посмотрел мне в глаза, словно хотел проткнуть насквозь. Я выдержал взгляд. Тогда коротышка смягчился. Было видно, что ему самому не терпится похвастаться коварными замыслами.

— Прямо сейчас, — он поднял руку и сжал кулак, — пока мы с тобой говорим, вершится история. Все изменится. Больше не будет ежегодных выборов. Я возглавлю Бангшир навсегда. А на арене будем устраивать бои героев...

— Но где сейчас Змей? — перебил я.

Валлуг спустился с небес на землю и как-то недобро взглянул на меня.

— Змей?.. Он довершает задуманное.

— Где?! — я чуть не кричал.

— В лагере Эбена.

— Но как вы?..

— Это было нетрудно, — сказал позади Сирод. — Мы просто пошли за тобой.

Опять этот упырь. Меня затрясло. Как я мог так лопухнуться?! Я сам привел их и устроил встречу за своей спиной... Но может еще не все потеряно.

— Это... хорошо, — я скривился, пытаюсь затащить на лицо сползшую улыбку. — Пойду отдохну...

Я попытался, но уперся в грудь одноглазому. Он загородил проход и не собирался меня так просто отпускать.

— План не удался? — процедил сквозь зубы Сирод.

Я не ответил и попытался обойти его, но гаденыш не дал. До меня, наконец, дошло: он все знает — знает, кто я и что тут делаю! По спине пробежали мурашки. Я мельком глянул на Валлуга: он стоял лицом к стене и не видел нас. Одно движение когтя — и одноглазый упырь заткнется навечно. А потом придется кончать коротышку и солдат. Что ж, я не хотел этого, но, видимо, придется... На улице радостно закричали солдаты. Послышался нарастающий топот копыт.

— Ты как раз на десерт, — Сирод оскалился.

«Боги любят тебя, Змей!» — доносилось с улицы. Не надо дважды объяснять: Змей вернулся с победой. Я стоял, открыв рот и совершенно не зная, что делать. За шатром бряцала железом целая армия, во главе с героем, который только что стал в несколько раз сильнее. Убей я этих двух сморчков, и мне останется жить считанные секунды. Но с другой стороны, Сирод выдаст меня Змею на блюде. Мерзкий голос одноглазого вывел меня из оцепенения.

— Барон, ты знаешь, кто перед тобой?

Урод ткнул пальцем в меня, но Валлуг его не слышал. Он зловеще захохотал, вынул кинжал и воткнул в карту — в имение барона Эбена.

И тут я вспомнил об одной маленькой штучке в кармане. Это мое спасение! Я молниеносно выхватил пузырек с эликсиром Сенеира и бесцеремонно влил в горло Сироду. Тот и пискнуть не успел. Новая усовершенствованная Немота подействовала почти сразу.

— Это герой барона крпрабр... — он осекся, но тут же собрался с силами и крикнул: — Пни меня! Пни меня! Пни ме...

— Змей вернулся! — восторженно крикнул я и смачно врезал сапогом под зад одноглазому. — Боги любят его!

И откуда во мне взялось столько радости? Я прямо засветился от счастья. Ну разве можно меня заподозрить в измене? Я искренне веселился и брызгал слюной восхищения.

— Пни меня... — жалобно завыл Сирод.

Я исполнил просьбу. Валлуг, казалось, позабыл о победе своего героя и с удивлением наблюдал за нами.

— Пни меня.

С удовольствием!

— Пни меня.

В любое время, говнюк! Нравится мне новый эффект Немоты.

— Пни меня.

Не знаю, сколько бы я мог это делать, наверно долго, но пришлось сделать паузу. Шатер распахнулся, и вполз Змей.

Друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Вот мы и встретились, червяк, сказал бы я, но не успел и глазом моргнуть, как этот гад бросился на меня и обвил тело кольцами. Я попытался вырваться — где там. Мускулистый шершавый шланг намертво сковал руки и ноги. Липкий мерзкий язык защекотал шею. Бррр. Да еще Сирод не унимался. Он бегал от Валлуга к нам и кричал свое: «Пни меня». Змей не выдержал и закончил балаган одним движением. Не прекращая обнюхивать и лапать меня раздвоенным кончиком языка, он поймал одноглазого хвостом за ногу и вышвырнул вон из шатра. Стало тише. Теперь я отчетливо слышал склизкое слюнявое чавканье.

— Так это ты помог мне справиться с Кракеном, — прошипел червяк в самое ухо. — Спасибо.

Меня просто коробило от злости. Все впустую. Я сам помог злейшему врагу стать сильнее, и теперь мне не победить его в честном поединке на арене. Меня загнали в угол и поставили нож к горлу. Сейчас я бы точно вцепился зубами бестии в шею, и будь что будет, но он говорил. Этот гад говорил! И не я один был удивлен: барон Валлуг тоже стоял, раскрыв рот.

Хватка ослабла, и Змей скрутился в какашку на полу. Только сейчас я рассмотрел его. Выглядел он внушительно, хоть и слегка потрепано. На жилистом мускулистом теле виднелись затянувшиеся раны, ссадины, местами не хватало чешуек. Похоже, Кракен не сдался без боя.

Змей лениво зевнул. В эту пасть влезет человек! А зубы! — две ядовитые сабли. Они проткнут любую броню, а яд мгновенно убьет слона. Нос у меня покрылся испариной. Вроде бы пока ничего не угрожало, но я на секунду представил, что могу оказаться там — в чудовищном зеве, и захотелось поскорее убраться отсюда. Надо признать, я не готов к бою.

Барон Валлуг подбежал к победителю Кракена и стал восхищенно скакать вокруг.

— Как ты изменился! Ты прекрасен, мой герой! Теперь никто не сможет победить тебя! Ты отправишься к богам, а я стану владыкой Бангшира! Все будут повиноваться мне!..

Змей подпер хвостом голову и с досадой в голосе сказал:

— Разве вам не интересно, как все было?

— Конечно! Рассказывай, как ты вознес меня на трон.

Я молчал. От барона и его червяка меня уже тошнило, но просто взять и уйти я не мог. Напасть — верная смерть. Поэтому я стоял и слушал, как становятся сильнейшими за мой счет. А послушать было что.

Змей буквально преобразился. Он заелозил, словно уж на сковородке и сбивчиво затараторил:

— Я... мы подошли к лагерю на рассвете. Там были солдаты, а Кракен и барон спрятались в палатке. Наши пошли в атаку, — и как дали люлей вражинам. Я не спешил и по-тихому подобрался к командирскому шатру, а когда кальмароголовый понял, что происходит и выскочил своим на подмогу, — я прыгнул на него и цапнул за ногу... не, в шею. Вот так. — Змей метнулся в угол шатра на воображаемого врага и стал месить воздух. — Потом я дал ему хвостом в рыло, увернулся от его граблей и давай лупить. Вот так: на, на, на... Мне, правда, тоже немного досталось.

Он показал шрамы сначала Валлугу, затем мне.

— Прекрасная работа, герой! — барон похлопал его по телу. — Я заслужил и такого смельчака, и право стать владыкой всего государства.

А я сжал зубы, чтобы не закричать. Судя по затянувшимся ранам, Змею удалось поспать и восстановить здоровье. После боя выглядел он гораздо хуже. Тут должен был вступить я и забрать сердца. Я, черт возьми!..

— А Эбен? — спросил Валлуг.

— Он удрал, — отмахнулся Змей. — Какая тебе уже разница?

— Верно, — задумчиво проговорил барон, — какая разница, жив он или мертв. Он уже вне игры... Эх, но я бы все равно хотел, чтобы рыжая голова этого ублюдка болталась на пике у моих ворот.

— Это можно устроить, — засмеялся Змей.

— После. А сейчас отправляемся праздновать победу! В замок!

Наконец-то я смог выйти из шатра. Солдаты уже вовсю праздновали победу. Они пили вино и славили своего героя. Веселились, словно бы выиграли джек-пот. А мне хотелось поскорее испариться, чтобы не видеть их счастливых лиц. Правда, Сирод немного остудил мой гнев. Он бросился навстречу и вновь попросил об одолжении. Я с большим удовольствием вlepил ему сапогом под зад, что он аж завыл и забился куда-то под кобылу.

Не оглядываясь я пошел прочь из лагеря. Не мой это праздник. Я проиграл. Жизнь — качели: один летит вниз, другой — вверх.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Весь день я шел и думал, что же делать дальше, но ничего путного так и не пришло в голову. Что я смогу сделать Змею? Он сожрал не меньше десятка сердец. Он — просто супергерой. А я? Так, человечек с дурацким когтем.

К вечеру я был у своего замка. А куда еще идти заливать горечь поражения? Как всегда, сразу за воротами меня встретил Родор. Он бросился навстречу, словно ребенок.

— Гур! Я знал, что ты вернешься!..

Его глаза сверкали. На лице играла улыбка. Он видел во мне героя. А я отвел взгляд. Мне нечего было ему сказать.

— Как сильно любят тебя боги? — рассмеялся кузнец. — Не скромничай. Сколько сердец добыл?

Он уже хотел броситься мне на шею.

— Извини, — буркнул я. — Ничего не вышло.

И прошел мимо. Родор остался стоять с открытым ртом, будто ему вlepили пощечину.

Хотелось просто забыться. Выпить три- пять кувшинов вина и уснуть. Может потом я смогу объяснить ему, что произошло. Он поймет.

Я направился к входу в замок. Двор, кажется, изменился, но я не мог взять в толк чем. Все выглядело знакомо, но в то же время по-новому. Появились флаги — черно-белая пашечка — знак барона Горлмида. Может стало немного чище, да исчез мох со стен. Впрочем, какая сейчас разница.

Навстречу выбежал Зигруд. Как всегда в полном обмундировании, при оружии и с решимостью броситься в бой, если надо. Он сразу все понял.

— Что случилось, Гур?

— Я проиграл, приятель. Все кончено.

— Что ты такое говоришь? — хранитель затряс меня за плечи. — Ты герой! Возьми себя в руки...

Я высвободился из объятий и пошел к двери.

— Стой! В чем дело?!

Я махнул рукой.

— Идем, поговорим за столом. Мне надо выпить.

В тронном зале спешно накрывали на стол. Я уселся на краю и, не обращая внимания на Зигруда и его людей, галдящих вокруг,пил кружку за кружкой. Хотелось скорее впасть в приятное расслабление и забыться в хмельном сне.

Двери распахнулись, и вошел барон Горлмид. Его было не узнать. Вместо обрюзгшего увальня с грязной нечесаной бородой появился настоящий лев. На нем были черные сверкающие латы. На плечах висела медвежья накидка. Он обвел зал грозным взглядом и широким шагом направился ко мне.

— Гур! — взревел барон. — Что все это значит?!

Я отхлебнул из кружки, откинулся на спинку стула и рассказал все, что произошло за последние сутки. Меня не перебивали, но я видел, как хмурились брови воинов, как кусал губы Зигруд, как сжимались челюсти Горлмида.

— Послушайте, друзья, — закончил я, растягивая слова, — давайте выпьем за вашего

следующего героя...

— Прекрати! — Барон выбил кружку у меня из рук. — Ты дал нам надежду, а теперь...

— А что теперь? Вы сами по себе, я сам по себе.

— Нет! — Горлмид хлестанул меня по лицу.

В другое время я бы свернул ему нос, но сейчас... мне было все равно. Плевать. Замахнись он и ударь ножом — я бы подставил грудь.

— Ты — наш герой! — продолжил барон. — И не потому, что так решили боги, а потому, что вопреки им ты дал нам веру в победу! Теперь ты нужен нам. Ты проиграл одну битву, но не проиграл войну. Сейчас — только подготовка. А на арене ты покажешь, кто есть кто. Мы с тобой!

Я молчал. Да, они верили мне и не этого ждали. Я должен был вести их вперед, стать для них героем, а не просто назваться таковым. И вот я сижу перед ними — тряпка с осоловевшим взглядом и капустой на бороде — герой потерянной мечты.

— Вспомни, что было тут до тебя. — Зигруд затряс меня за плечи. — Оглянись. Ты видишь, как все изменилось?

Я налил себе полную кружку и залпом выпил. Скривился — ох и кислятина же! — вытер рукавом рот и стал выливать остатки на стол. Вино капало большими томно-красными каплями, будто кровь.

Сквозь толпу протиснулся Родор. Я услышал его голос.

— Гур, вижу, у тебя новые перчатки. Хороши. Дай взглянуть.

Я протянул ему пару. С минуту он разглядывал их, а потом сказал:

— Примерь мои. Я сделал их специально для тебя.

Я нехотя напялил его грубые рукавицы. На удивление было удобно. Особенно когтю. Теперь он не вжимался в ладонь, а торчал наружу грозным оружием.

— Ну, как? — спросил кузнец.

— Это ты хорошо придумал.

Я улыбнулся, наверно, впервые за день.

— Будь уверен, Гур, я закону все латы героя Мелавуда в срок, — сказал Родор.

Я посмотрел на него: он стоял на фоне могучих воинов Зигруда, словно мальчик. Но его глаза горели огнем. А сам он, казалось, вытесан из камня.

— Я подготовлю замок к торжественному выходу героя на арену, — сказал Горлмид тоном, не принимающим отказа.

— Я добуду коней, повозки и позабочусь о зрительских местах на арене, — твердо сказал Зигруд. — Мы все едем смотреть, как славно бьется наш герой — Гур.

— Мы все едем!.. — загалдели воины.

Я обвел взглядом толпу и увидел в глазах победу. Только ради нее они живут. И они счастливы. Разве вправе я отобрать у них счастье? Вот же черти, ну, разве могу я подводить вас? Я поднял кувшин, ловко прихватив его когтем.

— За вас!

— Гур! Гур! Гур! — завопили воины. — Боги любят тебя, герой Мелавуда!..

Когда шум утих, и вино разлило тепло по желудкам, кузнец сказал:

— Еще не все. Примерь это.

Он протянул мне тяжелые уродливые сапоги. Началось. Только мы были на вершине блаженства, и вот опять. Я с трудом засунул в один ногу и скривился от боли. Да, в них можно пытаться еретиков, а не по арене бегать.

— Не буду спать, пока не сделаю так, что будешь в них порхать бабочкой, — сказал Родор и быстро убежал в кузню.

Я улыбнулся ему вслед и подумал, что надо позаботиться о деньгах для кузнеца Накмиба. Родор, конечно, неплохой малый, но его жестянки не сравнятся с работой мастера. И надо проделать дыру в перчатках, мне больше не надо прятаться. Теперь я не Руг. Я — Гур!

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

И вновь я опоздал

Я резко вскочил с кровати и схватился за голову. Она просто раскалывалась, во рту — вонь, словно кошки нагадили. Ну и дрянь же эта кислятина барона. А вылакали мы вчера прилично. Осмелели. За столом в компании, да после третьего или четвертого кувшина казалось, что победа уже у меня в кармане, что я — герой, каких не видел Бангшир. Что мне Змей или кто еще? Я — первый!

Но сейчас я трезво взглянул на вещи. Все не так радужно. Во-первых, нужно раздобыть деньги для Накмиба за доспехи. Во-вторых, достать хотя бы еще одно сердце. И затем покончить со Змеем. На все про все осталось десять дней, а на одиннадцатый придется встречаться с ним на арене. Как разделаться с говорящим червяком, я придумал еще вчера. План родился в одночасье. Когда я поднимал последний бокал, меня просто осенило, будто бы пронзила стрела. Нужно только еще одно сердце.

На примете было несколько героев: лягушка из Ленвуда, Хвостокол из Моила и Зигруд рассказал еще про двух: человек-скорпион из Шелеума и какой-то зубастый монстр из Самлуба. Последних я совершенно не знал, так что оставался первый вариант. Он меня устраивал больше всех: с неповоротливым зеленым толстяком я легко справлюсь. Так чего тянуть? Я быстро собрался, захватил головку сыра, кувшин вина на дорожку и выскочил на улицу.

Было еще раннее утро, и никто не увидел, как я вышел за ворота. Все спали. Кроме Родора. Из его кузни лился звон молотка. Пусть работает, решил я. Все лучше, чем валяться пьяным под кустом. Я объясню ему, почему выбрал доспехи Накмиба. Он поймет.

К полудню я покончил с сыром и вином и совершенно не заметил, как добрался до Ленвуда. На поле, где я впервые встретил лягушку, никого не было. Не беда, иду в гости.

Ворота замка были открыты, а внутри творилось нечто невообразимое: звонил колокол, бегали солдаты, голосили бабы, даже собаки выли. Я зашел во внутренний двор и направился к толпе в центре. На меня никто не обратил внимания. Протолкавшись сквозь людскую массу, я встал в первых рядах и совершенно неподдельно взвыл вместе со всеми. Меня опередили. В центре круга лежала гигантская выпотрошенная подчистую лягушка.

Я машинально спросил у мужичка справа:

— Как это произошло? Кто мог это сделать?

— Ох, не знаю я, мил человек, — сказал сквозь слезы он. — Все так неожиданно. Еще час назад он прыгал по травке, не трогал и козявки и с мухами дружил, и вот...

Мужичок разрыдался.

Я опешил:

— Какие мухи, какие козявки? Это же лягушка! Это она съела кузнеца. Но причем тут вообще кузнец?!

— Как причем? — заголосила баба слева. — Ты видишь тело рядом? Вон там, — она ткнула пальцем в кровавый комок в сапогах и телогрейке.

— Объясните, наконец, что произошло? — сказал я, кажется, громче, чем надо было.

Толпа отхлынула от меня, и я оказался в кругу.

— Это он! — крикнул кто-то.

— Он! Он! — завопили голоса.

Я не успел и рот открыть, как подскочили солдаты и сковали руки за спиной. Такой прием не по мне. Я вырвался, сбил с ног одного воина, протаранил плечом другого, увернулся от алебарды, вскочил на зеленую тушу, но поскользнулся на слизи и шмякнулся в лужу крови. Сверху упала сеть. Не впервой.

Кувыркаюсь, скидывая сеть за спину. Вскакиваю на ноги, — и ныряю в толпу. Но упираюсь в людскую стену, вязну в руках крестьян, грудях тучных женщин, детских ручонках и стальных рукавицах солдат. Меня, кажется, раздирали на части, а я трепыхался словно жук в муравейнике. И меня-таки скрутили по рукам и ногам. Дали в челюсть для порядка и подняв над головами, занесли обратно в центр. Бережно сбросив на землю, толпа вновь образовала круг.

Я отполз к трупу лягушки и сел, прислонившись спиной к холодной склизкой туше. Люди галдели, сыпали проклятия в мою сторону. Вскоре полетели камни, огрызки яблок и всякий мусор. Я едва успевал увернуться.

К счастью, все быстро закончилось. Толпа замолкла, расступилась, и в центр круга зашел барон Тисдор в сопровождении двух стражников. Это был высокий, статный щеголь с тараканьими усами и рыбьими глазами.

— Кто ты такой? — спросил он в нос.

Я только открыл рот, чтобы сказать о чудовищной ошибке, как меня опередили.

— Это он был тогда на поле, — сказал старый воин. — Он притворялся немым.

По рядам прошел ропот. Тисдор нахмурился.

— Значит, что мы имеем? — задумчиво проговорил он. — Кузнец оказался предателем. Он и пленник работали сообща. Они напали на нашего героя, и завязалась драка. Кузнец использовал кривой кинжал, а этот человек работал мечом. Скорее всего, они были только приманкой. Был еще третий — герой одного из баронов. Вот он и убил нашего малыша и забрал сердце.

Я ничего не понял из сказанного, но при упоминании о кривом кинжале, встрепенулся. Неужели Змей? Еще вчера он заполучил Кракена, а сегодня уже идет дальше. Нет, это невозможно. Простое совпадение.

— Кто эта тварь?! — резко спросил Тисдор, сверкнув рыбьими глазами. — На кого ты работаешь?

— Достопочтенный барон, — начал я, — это какое-то недоразумение. Я искренне разделяю ваше горе, но с чего вы взяли, что я причастен к этому? У меня есть сотня свидетелей, что я провел эту ночь в Моасаде, и лишь несколько минут назад прибыл в ваш замок. А что до того, что я притворялся немым, то это следствие приема зелья травника Сенеира из Морхенда. Спросите его.

Тисдор задумался.

— Я проверю твои слова. И если ты не причастен к убийству моего малыша, я отпущу тебя. А пока скажи, знакома ли тебе эта вещица?

Он сунул мне под нос брошь в форме змеи. Теперь сомнений не было, это работа Змея. Он опять опередил меня.

Но в ответ я лишь пожал плечами. Незачем показывать, что я прекрасно знаю эту брошь и кривой кинжал и того, кто за всем этим стоит. Будут только задавать лишние вопросы.

— Уведите пленника, — махнул рукой барон.

Меня подхватили под руки два бугая и поволокли в замок.

Друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет

ЖДАТЬ МНОГО НОВЫХ КНИГ!

Тюремная волокита

До самого вечера ко мне в камеру никто не явился, и я плевал в потолок, лежа на сырой соломе. С улицы доносились звуки поминок. Из заупокойных речей и тихого скулежа они плавно переросли в лихое застолье с песнями, плясками и кулачными боями. А про меня просто забыли.

Лишь когда совсем стемнело и вновь завывли плакальщицы, в подвал спустился в стельку пьяный стражник. Он так бы и заснул на ступеньках, если бы я не позвал его.

— Чего н-надо? — прорычал он, икая.

— Когда меня выпустят? Я не собираюсь тут мять бока на полу. Где барон?

— Остынь. Сегодня похороны, а завтра с утра тобой зай-ймутся...

Он захрапел. Я попытался его разбудить: кричал, бросал камни, грозил придушить — все впустую. Солдат спал мертвецким сном. Наконец, и на улице все стихло. Ну, хоть выплюсь, решил я, и растянулся на соломе.

Утром, едва стражник загремел латами, я вскочил.

— Эй, бравый воин, — окликнул я, — позови начальника.

Но тот отмахнулся и вышел, не сказав ни слова. Я выругался и сел на пол. Оставалось только ждать.

Опять потянулись долгие часы, и никто не спускался ко мне в темницу. Я считал мух и ловил отдельные слова, долетавшие с улицы. Узнал о том, что у Геловой отелилась корова, у Арналь украли яйца, у рыжей потаскухи снова ночевал Брол, зима нынче будет лютая, а похороны героя вышли на славу. Было еще много интересного, но все не упомнишь.

Дело шло к обеду. Я уже не отказался бы перекусить и промочить горло. Но ни отчаянные крики, ни стук по решетке кандалами, ни попытки проломить стену не давали результата. Я конечно герой, но разорвать железные оковы или разрушить стену — дело непосильное даже для меня. Тут нужно что-то помощнее когтя. Нужен ум. Но и он пока не мог ничего предложить.

Ближе к вечеру дверь отворилась, и по лестнице скатился тот же стражник. Я только открыл рот, чтобы высказать все, что я думаю, но так и замер. Этот говнюк уснул еще в полете. Так дело не пойдет. Я снова стал орать, бросать камни и греметь решеткой — ничего. Когда горло заболело, все камни кончились, а стучать по металлическим прутьям надоело, я улегся на солому.

Спасть не хотелось, да и мухи кусались. Видно, даже им тут жилось не сладко. Если так пойдет дальше, я сам их начну кусать. Прошли уже сутки, как я тут, значит, до выхода на арену осталось девять дней. Барон сказал, что проверит мои слова и только потом отпустит. Если гонцы отправились сегодня днем, то к вечеру или завтра утром они вернутся и меня выпустят. И я, наконец-то, выпью и закушу!

В животе заурчало так громко, что стражник зашевелился. Я вскочил и стал кричать. Солдат поднялся, посмотрел на меня пустыми глазами и засобирался на выход.

— Стой, урод! — крикнул я. — Позови барона.

— Его светлость занят.

— Мне нужно срочно с ним поговорить.

— Я на службе. Мне нельзя покидать пост, — проворчал солдат и стал подниматься по

лестнице.

Я вскипел.

— Если не позовешь, то когда я выйду отсюда, то сверну тебе шею, говнюк!

— Ага, — равнодушно буркнул он. — Знаешь, сколько я наслушался угроз от будущих висельников? Тоже мне, удивил. Что ты сделаешь? Покажешь мне синий язык, болтаясь в петле, и завоняешь всю округу?

Я схватился за решетку.

— Тогда скажи, гонцы приехали?

— Какие гонцы? — он остановился.

— Которых послали, чтобы проверить мои слова.

— Завтра пошлют... или послезавтра... или послепослезавтра...

— Дай хоть воды, — взмолился я в отчаянии.

— Сказано, завтра — значит, завтра.

Дверь хлопнула, и он исчез в ночи. Я рухнул на солому. И опять у меня была куча времени, чтобы подумать. А на голодный желудок думается скоро. Да, чего тут думать?! Надо выбираться отсюда!

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Стражник вернулся около полуночи. Точнее его принесли и швырнули в дверной проем. Он скатился по ступенькам, словно консервная банка, уткнулся мордой в пол и засопел. Я его дано ждал, сжимая в ладони увесистый булжжик. Пару часов ушло на то, чтобы его выковырять. Голыми руками пришлось бы неделю потеть, а с когтем — плевое дело: цемент старый и легко поддавался. Теперь действовать надо быстро, пока не ушли дружки пьянчуги. Я резонно рассудил: раз я слышу людей на улице, то и они меня слышат. Эти гады слышали меня и раньше, но никто не спускался. Сейчас им придется зайти ко мне в гости.

Я стал молотить камнем по замку с такой силой, что задрожали стены. Стражник спал. — Тревога! Пленник сбежал! — закричал я. — Тревога! Побег! Клетка пуста!..

Дверь открылась, и по лестнице загрохотали кованые сапоги. Я юркнул в тень и прижался к стене. Не сказать, что меня не было видно, но в полумраке да впопыхах сразу не разберешь. Расчет был верен: солдаты приняли своего дружка за мертвого и, конечно же, побежали проверять пленника. А я тут как тут.

Два остолопа даже не поняли в чем дело. Я молниеносно просунул руки за решетку, ухватил обоих за грудки и со всей дури саданул лбами о металлические прутья. Один закатил глаза, открыл рот и засопел, второй пустил кровавую юшку из носа и заморгал, не понимая, что вообще происходит. Пришлось повторить общение с решеткой. Затем я хладнокровно перерезал им глотки. Нельзя рисковать. Они могут проснуться в любую минуту и тогда план провалится. А так даже более убедительно: кровь, трупы — ну разве не побег?

Охранник спал, даже не пошевелившись. Я обшарил карманы вояк, но ничего путного не нашел. Что ж, надо звать следующих.

— Тревога! Пленник сбежал! — завопил я.

Вновь застучали сапоги по лестнице. На этот раз их было четверо, но и я уже не с пустыми руками. Дождавшись, когда самые любопытные сунут нос в клетку, я выскочил — первому всадил меч в глаз, второго подцепил когтем за подбородок, открыл рот и сунул клинок по самый желудок. Двое других солдат отскочили на безопасное расстояние.

Секунду они соображали, а когда до них дошло, что я все еще заперт в клетке, то осмелели. Даже кинулись было в атаку, но после того, как я выхватил у одного и з них меч, отступили.

— Беги за подмогой! — крикнул старший обезоруженному юнцу. — Я покараулю.

Он остался один, но не бездействовал. Солдат всячески мешал мне осматривать трофеи. Он махал мечом, стараясь зацепить меня, но при этом не подходил близко. А я шарил по карманам в поисках ключа от решетки, изредка делая ложные выпады и отгоняя воина, что назойливую муху.

Почему-то мне казалось, что ключ должен быть у одного из них. Проверил первого — ничего, только кусок хлеба и чеснок. Я быстро запихал в рот добычу — ну уж очень есть хотелось. У второго выудил флягу с вином — то, что надо! — и вылакал все до капли. Ключа не было. С минуту на минуту тут соберется толпа, и меня начнут выкуривать. Теперь суда с адвокатами и последним словом не будет.

Драгоценные минуты уходили, а я понятия не имел, что теперь делать. Боги! Если это мой последний танец, то смотрите!

То ли вино подействовало, то ли от безысходности, но я крикнул воину в коридоре:

— Выпусти меня, и я оставлю тебя в живых.

— Тебя заколют как бешеную собаку, — процедил он сквозь зубы.

Я сжал клинок и в отчаянии рубанул по замку — полетели искры, только и всего. Ничего не выйдет. Отшвырнув меч, я схватил камень. Два удара, — и он разлетелся вдребезги. Краем глаза я заметил, что у одного из убитых на поясе висит громадный молот. Теперь дело за малым! В мгновение ока я достал увесистую кувалду и саданул по замку — в ушах зазвенело.

На улице поднимался шум. Но я разом заглушил все внешние звуки: бить молотом в железную дверь — та еще музыка! Стены задрожали, посыпалась пыль с потолка. Солдат засуетился, а я дико улыбался и лупил по решетке что есть силы. И так увлекся, что не заметил, как в темницу спустились лучники. Вернул меня к реальности удар в грудь и резкая боль, будто в тело вогнали раскаленную пику. Я чуть не выпустил молот, но вовремя спохватился и юркнул в сторону — вторая стрела прошла у самого уха и высекла искру на камне за спиной. Лучники перезаряжались. Я сжал зубы и переломил древко. Теплая густая кровь потекла по груди, быстро пропитывая рубаху. Боль — адская! О, боги! Вам нужна кровь! Будет!

Я закричал, чтобы заглушить мучения, врезал молотом в замок и спрятался за телом мертвеца. Вовремя! Две стрелы пробуравили воздух совсем рядом и разбились о камни. Я крутнулся волчком — и вновь саданул молотом — двери подпрыгнули, задрожали.

Инстинктивно вскинув руку, я поймал копьё и не думая швырнул обратно — одним лучником стало меньше, но на его место тут же встал другой.

На глаза стала надвигаться пелена, будто мы плавно погружались в туман. Звон в ушах отдалялся. Меня повело.

Залп! — я уворачиваюсь и снова за свое. Молот со страшной силой врубается в замок. Металл гнется, скрипит, того и гляди дверь распахнется. Но нет, держится, гадина. Руки наливаются свинцом. Под курткой — жирное кровавое месиво: чавкает, хлопает. Пальцы с трудом держат рукоять. Земля уходит из-под ног. Едва держусь, — и бью, бью, бью. Стрелы кружат вокруг, словно шершни, но я уже не обращаю на них внимания. Дверь вылетает! Не думая прыгаю в открытую щель, — и сразу к лучнику. Коготь впивается ему в глаз — глубоко, как только можно. Вторым — черным на выкате — смотрит на меня. А сейчас я тот еще красавчик. По пальцам течет липкая густая жижа. Второго лучника толкаю головой о стену — хрустит орех — и полосую по горлу. Перехватываю меч бывалого вояки и рву лицо, его собственным кинжалом вспарываю брюхо. Следующий?! Где? Солдаты ринулись наутек. Прыгаю следом. Но пробегая около спящего стражника, все-таки останавливаюсь на мгновение — ровно на столько, чтобы свернуть ему шею. Позвонок хрустнул, язык вывалился, а в штаны он наделал еще давно, судя по запаху. Нагоняю в дверях последнего и сбиваю с ног, следующего подцепляю под зад когтем, швыряю на выпучившего глаза бородача, — и стремглав лечу к воротам. Они все еще открыты.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Я проснулся в придорожной канаве — не место для героя, но никто не говорил, что будет легко. Светало. Небо на востоке полыхало огнем, разгоняя ночную мглу. Я поежился, дыша паром на заочевенные пальцы. Было зябко, сыро, хотелось пить, есть. Но это все ерунда, главное, что рана затянулась, и теперь я снова в седле. В путь!

Выйдя на дорогу, я побежал рысцой в сторону Морхэнда. И так, осталось восемь дней, а дел еще по горло. Надо торопиться. Но как бы я не спешил, а при виде трактира желудок просто взбунтовался, и ноги сами понесли в сторону приветливо открытых дверей. Выцветшая надпись на вывеске гласила: «Рожки и ножки».

— Мяса и вина! — крикнул я хозяину с порога. — И побыстрее. Я спешу.

— Сию минуту, господин, — пропел тоненьким голоском лысый толстяк с красным распаренным лицом.

Он засуетился за прилавком, хватая то тарелку, то поварешку, то кувшин и кружку. На пол упала металлическая крышка и забренчала, испугнув пятнистую кошку. В воздух поднялись жирные мухи, но тут же вернулись к насиженным местам.

Я оглядел посетителей: не густо, всего-то пару грязных бродяг, торговец в заплатанной куртке и какой-то дрыщ в прохудившемся дорожном плаще. У него были длинные зализанные волосы, совершенно черные глаза и маленькие усики под длинным острым носом — этаким галчонок. Босы грызли хлеб с квашеной капустой и поглядывали, как торговец аппетитно уплетает мясную похлебку.

Я плюхнулся за ближайший столик и поторопил хозяина.

— Неси скорее что есть! Я умираю с голоду!

Толстяк засуетился еще больше.

— Все холодное, господин... Несу... Может все-таки подогреть?.. Я мигом...

Но встретившись со мной взглядом, он осекся и схватил в охапку все, что было. На столе появилась тарелка жареных цыплят, полголовки сыра и кувшин вина — меня устраивало. Я тут же набросился на мясо, что голодный волк на овечью шкуру. Тарелка быстро пустела, а кувшин становился все легче и легче. Я так увлекся, что не заметил, как странный тип в плаще оказался за моим столиком. От удивления я даже прекратил жевать. Молчание нарушил незнакомец:

— Налей мне вина. Ты же знаешь, как это — страдать от жажды.

Я окинул его взглядом, облизал пальцы и сказал:

— Попей из лужи. Когда мучает жажда, и грязная вода кажется медом.

— Когда на душе сухо, поможет только вино, — вздохнул он.

Я усмехнулся — наглость второе счастье! — и плеснул ему в стакан вождельного напитка. Он поблагодарил кивком, сделал несколько маленьких глотков и устоялся в стену. Я ел. Через минуту незнакомец медленно проговорил:

— Ты никогда не задумывался, что все иллюзия?

— В смысле? — пробубнил я с набитым ртом.

— Все это, — он обвел рукой трактир, — ненастоящее. На самом деле все устроено не так, как тебе кажется.

Я пожал плечами.

— Не знаю, как-то не думал об этом.

— Каждый рано или поздно задается таким вопросом.

Я, наконец, прожевал, отхлебнул вина и сказал:

— Боги сделали этот мир, и он такой, как они пожелали.

Незнакомец кивнул.

— Ты прав, но как он устроен? Вот, к примеру, жареная курица, — он заглянул в тарелку и сглотнул набежавшую слюну. — Видишь ее? А на самом деле ее нет. И вкус у тебя во рту — лишь иллюзия. Сытость — тоже только кажется...

— Значит и голод — всего-то игра твоего воображения, — перебил я и рассмеялся, брызжа сырными крошками.

— Все верно. Так если все это не более чем наша фантазия, не поделишься ли ты этим ничемным кусочком жареной курочки?

Я толкнул миску незнакомцу и приложился к кувшину. Желудок уже разбух и даже недовольно порывивал от такого количества мяса, так что мне было не жалко объедков. Когда я вновь взглянул на своего гостя, то открыл рот от удивления. Передо мной сидел совсем другой человек. В место плаща на нем было одето дорогое платье — ни дать ни взять — принц. Пальцы — в перстнях. Только короны не хватает. Я аж икнул.

— Действительно, она превосходна! — сказал незнакомец, облизывая косточку.

— Как ты это... — выдавил я.

— Видишь ли, мир — это код. Если знаешь его, то можно делать все что угодно. Но вкус жизни невозможно создать. Для этого нужно сердце. Как ты ел эту курицу! Загляденье!..

— Кто ты?

— Ах да, я же не представился. У меня много имен, то ты зови меня Странником. Я давно хотел познакомиться с тобой, но все не было случая. Ты мне нравишься.

Что-то в его тоне настораживало. Он как бы смеялся и в тоже время по-змеиному гипнотизировал меня. Я словно бы проваливался в сон наяву. Может это действовало вино или усталость, не знаю, но мне это не нравилось. Я вскочил. Отшвырнул в сторону кувшин и хотел схватить странного дрыща за расшитый золотом воротничок и шмякнуть о стол, но он в одно мгновение оказался в дверях.

— Надеюсь, мы еще встретимся, — сказал Странник и исчез.

Я уселся обратно на стул в недоумении.

— Господин, с вами все в порядке? — спросил писклявым голосом хозяин.

Это вернуло меня в реальность.

— Да, — сказал я, бросил на стол несколько монет и вышел на улицу.

Тут я основательно протрезвел. На всякий случай осмотрелся, но никого в радиусе километра видно не было. Чертовщина какая-то.

Я махнул рукой — мало ли привидится? — и побежал в сторону Морхэнда.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Яд для крысы

Первым делом я направился к Сенеиру. Он как обычно колдовал над очередным зельем в задней комнате и был полностью погружен в работу. Я заглянул в дверь и скривился: в нос ударил едкий сладковатый смрад. Он был бы даже приятным, если бы не резал глаза и не вызывал легкую тошноту своей приторностью. Травник работал в маске. Похоже, я вовремя. Пару монет за новое зелье мне не повредит.

— Мое почтение, мастер! — крикнул я.

— Надень это. — Вместо ответа Сенеир бросил мне повязку. — На этот раз твоя помощь не понадобится.

В маске дышалось труднее, но зато пахло еловыми иголками — освежало.

— Дружище, мне нужны деньги. Дозволь я отхлебну прямо отсюда.

Я в шутку схватил черпак, запустил в кипящий котел и поднес черную бурлящую жидкость ко рту.

— Что ты! — травник замахал руками. — Это сильнейший яд!

Я, конечно, не собирался пить эту дрянь, но отпрянул от черпака что ошаренный и вылил адское варево обратно.

— Одной капли хватит, чтобы убить тебя. Он опасен, даже если попадет на кожу. А самое главное, что яд причиняет нечеловеческие мучения.

Меня передернуло.

— А зачем тебе он? Уж не крыс ли собрался травить?

— Слишком дорого будет для крыс. Это заказ для одной важной особы. Но не спрашивай, для кого и зачем. Я не скажу, — твердо сказал Сенеир.

Я понял, что выпытывать бесполезно. Да и на кой черт мне это?

— Ну, раз не хочешь говорить, и работы для меня нет, верни хотя бы долг.

— Извини, я не могу отойти даже на секунду. — Травник капнул из пузырька зеленую соплю в котел и принялся неистово мешать. — За ядом придут через час, а я и так опаздываю. Но если ты подождешь, то я все выплачу, как условились.

Час ничего не решал.

— Хорошо, подожду, — сказал я и развалился в кресле.

— Нет-нет. Только не здесь. Мой клиент будет недоволен.

А вот теперь узнать для кого это убийственное зелье мне чертовски захотелось. Тут дело не чисто. Перед турниром на арене крыс не травят. Я снял маску и вышел на улицу.

Рыночная площадь бурлила как обычно: кричали торговцы, блеяли нищие, кудахтали куры и визжали свиньи, а где-то в центре выступали уличные музыканты. Там играла флейта, и лился веселый смех. И всюду текли разношерстные людские потоки. Спрятаться — раз плюнуть.

Я нашел место в уголке под окнами цирюльника и стал рассматривать прохожих. Передо мной бегали чумазые дети, проползали бродяги, спешили по делам работники, чинно прохаживались богатеи с расфуфыренными дамами и, чеканя шаг, маршировали солдаты. Было весьма интересно наблюдать, а то и выхватывать отдельные слова и целые фразы горожан. Они смеялись и грустили, объедались и голодали, потели и мерзли — люди как люди. Все они такие разные по отдельности, но в то же время такие одинаковые вместе —

муравьи в муравейнике. Но я — не один из них. Я тут только на время — короткое время, за которое нужно сделать многое. Хотел бы я стать одним из них? Остаться тут навсегда? Нет. Я знал это наверняка.

Так за наблюдениями и раздумьями я чуть не пропустил одного интересного типа. Он был одет в скромный, но добротнo скроенный костюм без лишних украшений, а голову покрывал черный берет с орлиным пером. На худом лице — ноль эмоций. С первого взгляда можно было сказать, что это слуга, причем весьма близкий к своему хозяину. Он не прогуливался, не спешил за пучком редиски на рынок, не бежал с поручением или крался со злым умыслом. Он уверенно шел к цели — двери Сенеира. Как раз минуло около часа, и я сразу понял, это мой клиент. Но пока не стоит вмешиваться. Пусть возьмет свой яд, и тогда не отвертится.

Быстро глянув по сторонам, слуга зашел в лавку травника и затворил за собой дверь. Видимо, Сенеир все успел вовремя, так как не прошло и пяти минут, как клиент высунул нос за дверь. Осмотрелся и, на мгновение задержав на мне взгляд, двинулся прочь бодрым шагом. Я — за ним.

Пару кварталов мы прошли сквозь людскую толчею, но вскоре стихла флейта уличных музыкантов, и стало свободнее. Уже появлялись тихие переулки — то, что надо для интимной беседы. Я ускорил шаг. Но тут слуга обернулся и все понял. Он рванул, что заяц. Я — следом.

Догнать беглеца было делом пяти секунд. Где ему тягаться со мной? Я схватил недотепу за шиворот и швырнул в узкий проем между домов. Этот гаденыш попытался даже выбросить яд, но я буквально поймал на лету пузырек с черной жидкостью.

— А ну ка, что тут у нас? Это яд, черт меня подери! Для кого ты купил его?! Отвечай! — набросился я на слугу. — А то сейчас выпьешь отраву сам до последней капли!

Он заблеял что-то в ответ, замотал головой.

— Говори! Или...

Я отвинтил опломбированную сургучом крышку и сунул пузырек в лицо бедолаге. Сладковатый запах ударил в нос. Слуга заскулил, зажмурился и вжался в воротник, что улитка.

— Для барона... — он осекся.

— Ну!?

Я разжал пальцами его челюсти и поднес пузырек к губам.

— Эб-бена.

Значит, барон еще жив и помышляет о мести. Для чего же ему еще дорогуший мучительный яд? Не крыс травить, а крысу. И мне кажется, теперь у нас один враг.

Я отпустил хватку. Слуга вырвался и, хватая воздух, что рыба, исчез за углом с криками: «Стража! Разбойник! Меня обокрали!» Наивный. Я исчез в мгновение ока.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Неожиданный подарок

Забрав деньги у Сенеира, я отправился к Накмибу за доспехами. Конечно, у меня немного не хватало на полный комплект, но перед встречей с бароном Эбеном лучше позаботиться о броне. С кузнецом мы сошлись на цене за панцирь в двадцать семь золотых, за сапоги — пять, за шлем — шесть, и за поножи — восемь монет. Всего сорок шесть, минус задаток — семь, и того — тридцать девять золотых. Перчатки, к счастью, я уже выкупил, и признаться, был очень доволен. В кармане у меня лежало всего двадцать два золотых. Придется торговаться.

Я так увлекся подсчетами, что не заметил, как налетел на грязного нищего у трактира. Он вылез прямо из-под земли и буквально бросился под ноги. Естественно, я сшиб его, словно лось тростинку, и не заметил. Бедолага отлетел как мяч, лишь мелькнули голубые глаза. Переступив босяка, я двинулся дальше.

Вскоре я вошел в магазин Накмиба. Никого не было, но на заднем дворе заливались молотки, будто колокольчики на упряжке. Пахло дымом, кожей и горящим маслом. Было жарко. Я громко поприветствовал мастера и шагнул в проход, ведущий во внутренний двор.

— Посторонним в кузню вход воспрещен! — заорал он мне в ответ. — Жди у прилавка, босяк!

Я уже и забыл о его гостеприимстве и сжал зубы, чтобы не ответить, как подобает при таком приеме. Натянув улыбку, я прокричал:

— Это так ты встречаешь покупателя?

— Покупатель платит деньги за товар, а твой заказ уже давно пылится на витрине.

Кузнец вошел через заднюю дверь. Он весь блестел от пота, а лицо полыхало жаром. Звон молотков не прекратился, видимо, там остались подмастерья. Но мне тонкости производства были побоку. Меня интересовал товар.

— Тогда неси скорее! — засмеялся я.

Накмиб недобро посмотрел на меня, достал из-под стола толстую книгу и стал читать:

— Итак, за комплект доспехов, состоящий из панциря, шлема, поножей, сапогов и перчаток надо было заплатить пятьдесят золотых. Перчатки ты уже выкупил неделю назад по старой цене. Тебе повезло. Потому что сейчас мои товары подорожали, и за все с тебя пятьдесят пять золотых с учетом платы за аренду места в витрине на неделю.

Я аж присел. Ну, крохобор проклятый, совсем совесть потерял. Я сжал кулаки, но улыбку на лице растянул еще шире. Мне нужны эти доспехи позарез. В них у меня есть шанс.

— Послушай, мастер, мы договаривались...

— Проваливай! — перебил кузнец и захлопнул книгу. — На эти латы уже есть покупатель за шестьдесят монет. Но я, как честный человек, держал их для тебя...

— Ладно! — рывкнул я так, что единственная свеча на столе задрожала.

Накмиб вздрогнул.

— Хорошо, — сказал я мягче. — Будь по-твоему, но сейчас возьму только...

Я полез в карман за деньгами — пусто. Исчезло все. Нищий урод! Он обокрал меня! Больше некому. Не веря в это, я обыскал снова — и вынул грязный клочок бумаги. «Жду тебя на том же месте» — было написано там.

— Сейчас вернусь! — крикнул я и стрелой выскочил на улицу.

В мгновение ока я был у кабака, где столкнулся с нищим. И он был там же. Этот гаденыш стоял, прислонившись к стене. Он улыбался мне, словно старому другу, а в ясных голубых глазах светилось детское озорство. Как же мне захотелось шмякнуть его о стену. Я прыгнул к говнюку, но он швырнул мне кошелек в руки.

— Пересчитай.

Я быстро сосчитал монеты: все на месте.

— А что ты хотел купить у Накмиба за такое богатство? — спросил бродяга. — Сковороду?

— Не твое дело, — огрызнулся я.

— Не мое. Но мне кажется, что к Накмибу ходят за доспехами, а его товар стоит дорого.

Если окажешь мне одну услугу, то я могу попросить кузнеца о скидке.

Я осмотрел его еще раз. У него были детские черты лица, светлые волосы и ямочка на подбородке. Только теперь передо мной был не просто нищий оборванец, выпрашивающий медяк на стакан вина, а хитрый лис в обличии овечки.

— И что за услуга? — спросил я.

— Так, пустяк. Просто встретишься с одним человеком и выслушаешь его предложение.

— С кем?

Босяк сверкнул голубыми глазами и понизил голос:

— С королем нищих.

— Меня уже звали в гости к нему...

— Почему ты отказался?

— Я не отказывался, просто был занят, а теперь... — Я еще раз окинул его взглядом — этому палец в рот не клади — откусит! — и продолжил: — можно и встретиться, если будет хорошая скидка у кузнеца.

— Идем, — голубоглазый махнул рукой.

В магазин он вошел первым и с порога твердо сказал:

— Добрый день, мастер Накмиб, мой друг хочет забрать свой заказ. Где он?

— Конечно, мой дорогой друг. Вот он, — прокудахтал кузнец.

Его будто подменили. Он расшаркался перед оборванцем, подбежал на цыпочках и подвел того к витрине, где красовались мои доспехи.

— Превосходная работа, не правда ли? — Накмиб зашел справа.

— Прекрасная! Вы настоящий мастер! — ответил голубоглазый, щупая узоры на панцире. — Но к несчастью моего друга обокрали, и теперь он не знает, как быть.

— Какое несчастье. Ай-яй-яй. — Кузнец появился слева.

— Придется, наверно, ему отказаться от заказа, — вздохнул нищий.

— Что вы, что вы, — Накмиб вынырнул слева, — вашему другу, я сделаю подарок.

— О! Как это великодушно с вашей стороны, мастер. — Голубоглазый похлопал по плечу кузнеца и обернулся ко мне. — Гур, чего стал в дверях? Иди примерь.

Я только сейчас пришел в себя и, не веря своему счастью, принялся переодеваться.

Друзья, не забывайте нажимать кнопку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Король нищих

Мы с моим новым другом шли по оживленной улице в сторону реки. Он болтал какую-то чушь о тяжелой жизни нищих, о солдатах, которые вечно гоняют попрошайек и о людоедских законах городских властей. Ненавязчиво он перешел к прыщику на заднице, который выскочил у него на днях и все никак не проходил, хотя его знакомая колдунья уже плевала на больное место и прикладывала голову дождевого червяка, чтобы тот высосал болезнь. Видимо из-за этого прыща голубоглазый босяк странно подпрыгивал при ходьбе, будто ребенок.

Я особо не слушал его и наслаждался своими новыми доспехами. Они мне действительно очень нравились: удобные, прочные и в тоже время красивые. Я в них — настоящий герой! Не стыдно будет выйти на арену!

Мы незаметно вошли в серую зону.

— Ты представляешь, — болтал нищий без умолку, — такой склизкий, холодный ползает по заднице, — и все впустую. Все равно чешется и болит, чешется и болит...

Он почесал больное место и демонстративно скривился.

— Может колдунья перепутала концы червяка и приложила не голову? — спросил я для поддержания беседы.

Босяк аж остановился.

— Точно! Она же старя и слепая. А ты знаешь, где у червяка голова?

Он догнал меня.

— Как-то не думал об этом, — отмахнулся я.

— Ты не думал, потому что тебя это не касалось. А вот как вскочит прыщ на заднице, что будешь делать? Спрашивать у всех подряд, где у червяка голова? Вот то-то. Так что лучше разобраться заранее.

К счастью, мы пришли. Мой провожатый остановился у моста через реку и жестом показал вниз.

— Прошу пройти в тронный зал, Гур.

Только сейчас я понял, что он уже второй раз назвал меня так.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Я? — нищий захлопал ресницами. — Мне его сказали.

— Кто?

— Тот, кто его слышал, — он пожал плечами. — Ты часто болтал его.

— Обычно тот, кто его слышит, быстро протягивает ноги.

— Протягивает ноги тот, кто опасен для тебя, друг мой, — парировал голубоглазый лис. — Я разве не выручил тебя в трудную минуту?

— Выручил. За что тебе большое спасибо.

В конце концов, какая разница, решил я и стал спускаться по каменной лестнице. За поворотом нас встретили два амбала бандитского вида. Они кивнули моему провожатому, ощупали меня глазами и расступились.

Под мостом вопреки моим ожиданиям былолюдно. Тут собрались самые разношерстные отбросы общества: уличные попрошайки, проститутки, мелкая шпана и бандиты всех мастей. Адски воняло немытыми телами и мочой. Тронный зал короля нищих

все-таки. И вокруг — не просто отребье. Тут есть свои солдаты, рабочие, слуги, а толстяки у груды ящиков, с вином и квашеной капустой в руках — то наверняка министры, догадался я.

Мой новый друг резко шагнул вперед — серая толпа расступилась — и взобрался на трон, сколоченный из старых ящиков и обтянутый тряпьем. Он стоял прямо над сточной трубой, из которой текла черная жижа и с характерным хлюпаньем сливалась в реку. Два министра поставили кружки на стол, доели капусту и, вытерев руки о лоснящиеся животы, подскочили к моему другу. Один нацепил на его светлую голову корону — старое проржавевшее ведро без дна, а второй всунул в руку скипетр и державу — человеческую кость и череп. Затем они накинули на плечи королю плащ, сшитый из крысиных шкурок. Длинные черные хвосты торчали на нем, словно иголки у ежа.

Прозвучало громогласное «Да здравствует король!» и потерялось в шуме сточных вод, лишь эхо из трубы повторило приветствие еще дважды.

Теперь мой новый друг преобразился. И это не из-за хвостатого плаща и дурацкого ведра на голове. Нет. Он приосанился, вскинул подбородок, в глазах появилась воля — настоящий король. А череп и кость в руках давали понять, что правит он железной рукой. Его Величество провел взглядом по своим подданным, — и стало тихо. Серая масса успокоилась, и глаза царя еще больше засверкали бирюзой.

— Уважаемые рыцари сумрака, охотники за удачей и ночные бабочки, — сказал он повелительно, — сегодня у нас есть три дела, в которых нужно разобраться. Начнем с Обрубка и Киселя.

В пустое пространство перед троном вытолкали двух бродяг: заросшего, что леший, однорукого калеку и чахоточного горбуна с трясущимися руками. Оба бросились на колени и стали ползать, причитая. Но по мимолетному движению пальца короля два бугая подняли бродяг на ноги. Те повисли, словно тряпки в могучих лапах и лишь нервно подергивались.

— Ты, Обрубок, — король показал на однорукого, — говоришь, что Кисель украл у тебя золотую монету. Так?

— Т-так, государь, — однорукий задергался веселее. — Эта крыса стащила у меня его, когда я спал.

Горбатый затряс ножками и замычал в ответ, но король остановил его жестом.

— Ты выскажешься позже. Обрубок, рассказывай все, как было.

Бородача отпустили. Он встал в центре круга и стал говорить, бурно жестикулируя единственной рукой:

— Мы вместе пошли на дело. Вчера вечером. Сидим, значит, ждем. Холодно. Чертов дождь. Промокли, как воробьи на ветке. Кисель начал ныть, мол, замерзнем, заболеем и все такое. Ну, вы его знаете. Но тут из трактира вышел мужичок. Гляжу: наш клиент. Шатается, сопли развесил, ноги едва волочит. Кисель уже хотел было дать заднюю, но я говорю ему: «Не ссы, я все сделаю». И как только мужичок поравнялся с нами, я чпок его аккуратненько, кармашки оп-оп, — и тикать. Остановились, пересчитали: пять золотых и жменя медяков. Кисель говорит, мол, давай долю. Ну, я честно разделил добычу поровну: ему дал один золотой, тебе, король — два и себе — два, а медяки мы пропили. А что? Я всю работу сделал. Этот только хвостом бегал, да кашлял. В общем, выпили мы хорошо и я вырубился. А когда проснулся, глядь, — а денег-то нет. Это он меня обчистил. Он!

Король помолчал немного в кулак и медленно проговорил:

— А что ты скажешь, Кисель?

— Гонит пургу он! — Горбун закашлялся. — Не было вчера дождя.

По толпе прошелся смешок и одобрительное мычание.

— Взял я этого калеку на дело, — продолжил чахоточный, — из жалости. Проигрался он в «кости», и срок завтра выходит по долгу. Если не отдаст — вторую руку отрубят...

— Да, что он такое говорит!? — закричал Обрубок. — Не было такого...

Его заткнул молодчик ударом в живот.

— А я знал, что вчера у одного трактира попойка намечается и жирный клиент будет, — продолжил Кисель. — Обрубок все нервничал, норовил на первого встречного кинуться, насилу удержал. И вот, когда вышел жирный поросенок, я носом почувал наживу. Набросились мы вдвоем. И пока я возился, Обрубок обчистил карманы и дал деру. Я его чуть догнал. Пересчитали добро: пять золотых и медяки. Про них я не говорю, а вот золотишко Обрубок хотел прикарманить и не делиться с тобой, король. Я ему сразу сказал, что это дурная затея, но он не унимался. В итоге, я взял два золотых: тебе один, король, и мне один, все по закону, а на остальное махнул рукой. После выпили мы, и я ничего не помню. Проснулся — карманы пустые. Нашел Обрубка уже тут под мостом, и он сразу накинулся на меня. Остальное ты знаешь.

Король какое-то время молча изучал бродяг, переводя взгляд с одного на другого, а потом сказал:

— Обрубок, кому ты деньги должен?

— Никому. Врет он. Ребята, — однорукий обратился к публике, — разве я кому-то из вас должен?

По толпе прошел легкий ропот, но никто не предъявил претензий Обрубку. Тогда король обратился к Киселю:

— Откуда ты знаешь о долге?

— Он мне сам сказал вчера. Я сидел у костра, трепался с народом, тут подошел Обрубок. Слово за слово, отошли в сторонку. Он спросил, не собираюсь ли я пойти на дело, а то деньги нужны, проигрался и все такое. Я поэтому его и взял.

— Опять врет! — закричал Обрубок.

— Сам ты врешь!

Толпа загудела, но король поднял руку, — и все стихли.

— Кто-нибудь хочет высказаться? — спросил он.

Стало еще тише.

— Похоже, у вас мало друзей, — продолжил король. — Тогда давайте проверим, что у вас в карманах.

Бугаи вмиг выпотрошили лохмотья заклятых врагов. На песок перед тронном полетели корки хлеба, зеленое яблоко, медяки, нож, хвост сушеного судака, веревка и еще какое-то тряпье. Золота не было.

— Как обвиняемый, я имею право защищать свою честь в бою! — закричал Кисель.

Обрубок затрепыхался в руках молодчика.

— С радостью перережу твою поганую глотку!

— Я выпотрошу тебя, как рыбу! — ответил чахоточный. — Король, он проглотил монеты! Я понял!

— Тогда достань их! — твердо сказал светловолосый и сверкнул бирюзой в глазах.

Бродяг развели по разным концам площадки, и перед каждым в песок воткнулся нож. Обрубок схватил оружие, как-то по-звериному присел, ошетинился и истерически захохотал. Глаза налились кровью. Кисель же распрямылся, скинул рванину, показав худое, но

жилистое тело. Он подхватил нож и уверенно шагнул вперед.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Заклятые враги вцепились друг в друга, что псы и покатались по земле, поднимая клубы пыли. Полетели клочья волос, одежды. Брызнула первая кровь. Кисель все просчитал заранее: он перехватил единственную руку Обрубка, повалил того на землю и принялся орудовать ножом, будто заведенный. Однорукий бешено завопил и тяпнул врага зубами за шею. Теперь завыл Кисель, но силы быстро покидали калеку. Через несколько секунд все было кончено. Чахоточный с трудом вырвался из окровавленных челюстей, потеряв кусок шкуры, а Обрубок так и застыл с плотью в зубах.

Смеясь и кашляя, Кисель вспорол брюхо врага, покопался в потрохах, чуть не уйдя туда по пояс, и достал золотую монету. Она сверкнула огнем, и чахоточный истошно захохотал. Значит, вот как я выгляжу в такие моменты — зрелище не из приятных. Но победителя не судят.

Толпа взревела. Кто-то кинулся помочь Киселю подняться, но он отбил от заботливых рук и встал сам. Держа монету над головой, он подошел к королю, встал на одно колено и торжественно протянул золото на ладони. Прямо, благородный рыцарь, защитник угнетенных и поборник правды.

Все ликовали. Но король хмурился. Он медленно взял монету, покрутил в руках и сказал:

— Встань. Смотри в глаза.

Победитель выпрямился и поднял взгляд. Толпа стихла. Повисла напряженная тишина. Можно было слышать только, как плюхается черная вода в реку, да плачет младенец у шлюхи на руках. Ни единого слова не прозвучало, ни одна мышца не дернулась на лицах обоих, но что-то все-таки произошло. Король растянул рот в улыбке и подмигнул.

— Ловко ты его! А!?

Кисель засмеялся, и толпа подхватила веселье. Когда гогот пошел на спад, король сказал:

— Подойди ближе. Еще ближе. Вот так. Смотри, вот твоя монета.

Он подбросил золотой высоко, к самому потолку. Кисель аж рот раскрыл, следя взглядом за полетом кусочка сверкающего металла. А король молниеносно засунул ему в пасть пальцы, достал золотую монету и ловко поймал подброшенную. Глаза чахоточного округлились. Он зажал рот руками и стал мычать сквозь пальцы. Толпа ахнула, и я вместе с ними.

— Ты обокрал своего напарника! Крыса! — король громогласно объявил приговор.

Киселя скрутили в мгновение ока два молодчика. Он завопил, что кот, которому наступили на хвост. По лицу потекли слезы, смывая грязь и кровь Обрубка. Пленник попытался вырваться, но где там.

— Смерть крысе, — выкрикнул кто-то.

— Смерть крысе! — подхватила толпа.

Один из министров принес здорового рыжего пасюка, засунул в ведро и быстро привязал к голому животу Киселя. Тот завопил, будто его режут. Но король громко сказал:

— Где остальное золото?!

— Это не я! Я не брал!..

— Я достал монету у тебя изо рта.

— У меня ничего не было там...

— Ты хочешь сказать, что я вру? — король аж привстал и сверкнул бирюзой.

— Нет, Ваше Величество, пощадите.

— Где деньги?

— Я не...

Он завыл при виде приближающегося факела.

— Я видел, как ты выплюнул монету Обрубку в живот, — холодно сказал король. — А вторую я достал у тебя изо рта. Хватит отпираться, крыса. Где остальные деньги?

Толпа затаила дыхание. Было слышно только, как плюхает вода и скребет коготками крыса в ведре.

Кисель совсем поник и сквозь частые всхлипы медленно проговорил:

— В с-сап-поге.

Подскочивший министр вмиг стащил с бедолаги стоптанные сапоги и вытряхнул на песок четыре золотых монеты. Толпа ахнула и завопила:

— Крыса, выйди из него! Крыса, выйди из него!

Факел приблизился к жертве, и пламя заботливо окутало ведро. Крыса почуяла неладное, забегала, запрыгала, зашипела, — и Кисель взвыл от боли. А толпа взревела.

Чахоточный выгнулся колесом, запрокинул голову и затрясся в агонии. Крики стихли. Все напряженно следили за жертвой. Совсем скоро Кисель повис в руках молодчиков и затих. Только грудь продолжала слегка подергиваться. Затем вздулась шея. Раскрылся рот, и оттуда вывалился окровавленный хвостатый комок. Он шмякнулся на землю, вскочил и дал деру в сторону канализации. Крысе не мешали. Народ молча расступился, и она исчезла за решеткой сточной канавы.

Я смотрел на весь этот нелепый цирк, словно зачарованный, и был не в силах оторваться от кровавого зрелища. Казалось, что это только представление в театре. Вот сейчас утихнут волнения, актеры поднимутся и будут кланяться под продолжительные овации. Но нет. Киселя потащили в сторону реки и без лишних слов скинули в воду.

— Крыса вышла из него, а вода смыла позор. Дело закрыто, — громко сказал король. — Следующий — Уголек.

К трону приволокли грязного цыгана в таких драных лохмотьях, что было не понять одежда это или просто тряпки, обкрученные вокруг тела. Сапог на нем не было вовсе. Уголек широко расставил ноги, выпрямился, задрал голову и гордо взглянул на короля. Тот с минуту рассматривал пленника, а потом заговорил:

— Ты не вернул долг вовремя.

— У меня нет долгов, — ответил цыган.

— Ты был должен пять золотых Квашне.

— Долг отдают живым, а Квашня уже второй день кормит рыб.

— Теперь ты должен мне, — с улыбкой сказал король.

— Тебе я ничего не должен. Нет такого закона.

— Теперь есть.

Уголек сплюнул на окровавленный песок.

— Ты слишком сильно любишь золото, — сказал он.

— Долг — свят! Укради, убей, отбери, но верни долг! Так гласит закон!

— У меня были свои дела с Квашней, и не тебе судить меня.

— Ты пропустил срок выплаты долга! — громогласно крикнул король и обратился к толпе: — Мои горячо любимые подданные, закон — есть закон! Долг — свят! Я приговариваю Уголька к смерти!

— Нет! — закричала нищенка в первых рядах.

Она выбежала вперед и упала перед троном на колени.

— Уголек не виноват! Пощади его! Прошу! Эти деньги он взял для нашей малышки. Она больна, и ей нужен доктор. Если бы ни эти деньги, она бы умерла...

Король легким движением пальца отдал приказ, и женщину уволокли с площадки. Уголек проводил ее взглядом, повернулся и хотел что-то сказать, но ему всадили в грудь кинжал. С ненавистью смотря на короля, он сплюнул и упал лицом в песок.

— Дело закрыто. Вода смывает все.

Цыгана подхватили за руки и утащили в сторону реки.

Про меня, казалось, совсем забыли, но я знал, что это не так. За мной наблюдали все: кто открыто, кто исподтишка. Еще бы, я был в блистательных доспехах мастера Накмиба, а все вокруг — в рванине. Но я старался не показывать вида, что вляпался в дерьмо, хоть сам уже жалел, что спустился сюда. Я пристально всматривался в глаза окружающих босяков. Некоторые быстро отворачивались, некоторые выдерживали взгляд — на этих я останавливался чуть подольше. В их воспаленных от дыма глазах всплывала на поверхность вся грязь прогнивших душ. Я стоял в болоте из мерзких отходов человечества, а король словно затор в канализации собрал тут всю эту шваль.

— Осталось еще одно дело, — крикнул король. — Гур!

Друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Предложение, от которого трудно отказаться

И без того державшиеся на расстоянии оборванцы отступили на шаг. Стало свободнее. Но я не успел опомниться, как два бугая схватили меня за руки. Кто-то саданул в затылок чем-то тяжелым. В голове загудело. Полилась теплая струйка за шиворот. Я инстинктивно рванул вперед, увлекая за собой здоровяков, выкрутился и с размаху врезал одному кулаком в нос, а второму локтем в ухо. Быки сдулись и растянулись на песке как два бревна. Я развернулся, схватил за грудки того, что ударил меня сзади — юнца с опаленными ресницами — и расплюснул его прыщавую морду о свой лоб.

Взвизгнули мечи и кинжалы, вылетая из тесных ножен, и я схватился за рукоять, но король остановил нас.

— Друзья, будьте повежливее. Гур наш гость, а не пленник, — сказал он.

Напряжение спало. Клинки спрятались не солоно хлебавши. Я спокойно подошел к трону и встал между двумя лужами крови, широко расставив ноги. Места тут было побольше, и теперь схватить меня так просто не получится. Но вот пустить стрелу в спину мне могут. Я впервые пожалел, что не сделал себе глаза на затылке. А что? Круговой обзор — разве плохо? А если надо, то их можно спрятать под роскошной шевелюрой.

— Гур, дружище, не сердчай на этих остолопов. Они неправильно меня поняли. Привыкли дурни махать кулаками, — сказал король, улыбаясь и торжественно объявил: — Дорогие подданные, разрешите представить вам: любимец богов — Гур! — герой барона Горлмида!

По толпе прошел легкий ропот.

— Ну же, поприветствуйте героя!

Скопище джентльменов удачи взревело сотней хрипов, визгов и душераздирающих воплей. Меня словно позвали из ада.

Я осмотрелся: теперь на лицах светились беззубые улыбки, а помутневшие глаза слезились от счастья. Но прогнившие души никуда не делись. Они даже еще больше вылезли на поверхность вместе с лживым восторгом.

— Воины! — крикнул король. — Ты видишь их, Гур? Их сотни, тысячи! Раньше они умирали на улицах от болезней, голода и холода. Они были вынуждены скрываться в подвалах и ютиться в трущобах, но теперь они — сила!

Толпа взревела.

— Я объединил их, — сказал король железным тоном, — и создал армию! Мне платит дань каждый барон Бангшира! Я решаю, кому жить, а кому нет! Я — король Бангшира! Но у меня нет земли, замка и героя, чтобы стать законным правителем.

Я едва сдержал смех. Этот карманник с ведром на голове хочет стать настоящим королем! Куда катится этот мир?

— Я установлю порядок, которого никогда не было! — продолжал он, встав словно оратор на трибуне. — Каждый бездомный получит жилье! Каждый нищий — кусок хлеба! Каждый вор — возможность украсть! Каждая баба — мужика! Все будут счастливы!!!

Толпа ликовала. А я как будто вновь погрузился в театральное представление, только теперь не как зритель, а как участник этого фарса.

— И поможешь мне в этом ты! Ты, Гур, станешь моим героем! — закончил король и

ткнул в меня пальцем.

Вот те на. Я бы даже расхохотался от такого заявления, если бы не увидел в голубых глазах дикой решимости. Да, он не шутил. Звучало это как приказ, а не просьба. Не люблю, когда мне приказывают. Но я решил, что не стоило сразу отказываться и провоцировать этого идиота. Надо потянуть время и попытаться объяснить, что из этой затеи ничего не выйдет.

— Это бред, — усмехнулся я. — Я герой барона Горлмида, как я могу выступать на арене за... тебя.

Я хотел сказать «короля», но язык не повернулся. Ну, какой он король? Шут гороховый с ведром на голове. Тут, среди нищих, может он чего и стоит, но там, за пределами серой зоны, он — вор-карманник, по которому давно плачет веревка.

— Не беспокойся об этом, — властно сказал король и прямо спросил: — Ты согласен?

— Закон есть закон, — продолжил я, делая вид, что не услышал его. — Всего в Бангшире двадцать девять знатных домов и двадцать девять героев...

— Герои решают все! — король сверкнул глазами. — Под чьим флагом ты выйдешь, тот и есть твой барон, дурень! Боги так решили! Кто посмеет перечить им?! Если ты победишь, то я стану правителем Бангшира, и этим козлам придется проглотить это!

— Никто не будет слушать такую ерунду...

Король топнул ногой.

— Заткнись! И слушай. Тебе надо к богам, а мне надо на трон. Ты и я — мы вместе сможем победить. Какая тебе разница за кого выходить на арену? Что тебе дал Горлмид? А я тебе дал лучшие доспехи! Нужны деньги? На! — он швырнул к моим ногам жменю золотых монет.

Толпа стояла, затаив дыхание. Снова только плюхала черная вода и орал младенец. Я посмотрел на золото на окровавленном песке, сжал кулаки и перевел взгляд на немигающие голубые глаза.

— Ты мне должен за доспехи, — медленно проговорил король.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Вот теперь запахло жареным. От меня ждали простого ответа: да или нет. Если я соглашусь, то весь Мелавуд вырежут подчистую. С такой-то армией бандиты возьмут крепость за считанные часы. Зигруд и горстка воинов вряд ли смогут противостоять тысячам головорезов. Король нищих просто заменит барона Горлмида, и все останется прежним — двадцать девять знатных домов и двадцать девять героев. А если я откажусь, то придется как-то выбираться отсюда.

Я осмотрелся: в толпе практически исчезли нищие, женщины и калеки. Теперь меня окружали вооруженные громилы. Они скалились и кивали, давай, мол, соглашайся, стань нашим героем. Может барон Горлмид и его люди не самая лучший вариант, но эта публика точно не по мне.

— Нет, — я покачал головой, — я не ваш герой.

Король нахмурился.

— Мне не отказывают. Ты что не понял это?

Теперь назад дороги не было. А чтобы веселее шагалось вперед, я подбросил дров в огонь.

— Можешь командовать своими мухами, а мне ты не указ, говнюк! — Я сжал кулаки. — Нужен герой? Иди и возьми!

— Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, — сквозь зубы проговорил король. — Взять его!

Один против всех — самоубийство? Это мы еще посмотрим. Они всего лишь люди, а я — бог!

Я прыгнул к трону, в надежде поймать этого дрыща с ведром на голове, прикрыться им как щитом и покинуть это зловонное место. Но министры умели не только капусту жрать да вино пить. Они словно бы из-под земли возникли между мной и голубоглазым воришкой как два бочонка. Сверкнули ножи. Правда толстяки тут же раскисли и забулькали соплями, когда я смачно вlepил им увесистые плюхи в отъевшиеся рыла. Но этого было достаточно, чтобы король исчез. Он просто испарился, нырнул в канализацию и был таков, будто крыса.

Черная волна головорезов ринулась в атаку. Я инстинктивно отпрыгнул в сторону, и несколько стрел воткнулись в трон. Пошла жара.

Выхватываю меч — и молнией врубаюсь в первые ряды. Бью наотмашь — хрустят кости, хрипят раненые. Сегодня среди попрошайек прибавится калек. Кручусь волчком — лезвие режет горло лысому детине. Кровь бьет фонтаном. Железным лбом ломаю череп плешивому уроду. Он падает мешком, а у меня звенит в ушах. Стало тесно. Тут уже не размахнешься. Перехватываю меч за лезвие. Бью пяткой в белое колено, торчащее из разорванной штанины — безносый сифилитик исчезает из поля зрения. И раздаю направо — острием, налево — рукоятью, спереди — лезвием. Чавкает, хлюпает, трясется мясо. По рукам льется теплая липкая кровь, капает на песок и тут же впитывается. Боги! Ваше здоровье!

В запале чуть не получаю топором в спину, но вовремя перехватываю смертоносное оружие клинком и рву на себя — медведь в безрукавке крепко держится за топорище, летит следом и насаживается на острие, что окорок на вертел. Ныряю под широкое лезвие меча, —

и ногой вминаю брюхо бугаю со шрамом в пол лица. Он хрюкает и садится на задницу. Снизу наискось отрубая руку с грязными ногтями и кинжалом. Она подлетает в воздух и машет на прощание, прежде чем согнуть под ногами своры бандитов. Ее владелец истошно завыл и толпа немного отступила. Стало свободнее.

Я — весь в чужой крови, доспехи сверкают в лучах заходящего солнца — эффектно топнул ногой, поднимая пыль, вскинул клинок, выставив локти по-идиотски, но зато красиво, и крикнул:

— У кого еще лишние грабли?

Жалеющих нашлось много. Только теперь они не кидались сломя голову. В мою сторону полетели копья, но я ловко увернулся от первого, отбил второе и кувыркнулся, уходя еще от двух или трех. Кто-то бросил кинжал — он только брякнул о панцирь и шмякнулся на землю. Этим меня не пробьешь.

Вперед вышли четыре огромных воина. Все закованы в латы, на шлемах торчат бычьи рога, в руках секиры. Я только улыбнулся и бросился вперед. Эти дуболомы едва успели поднять свои тяжелые топоры, как я саданул одному клинком в лицо, а второму — когтем в щель для глаз. Отбросив меч, чтобы он не мешал, я юркнул между ног третьего, подрезал сухожилия под коленкой, запрыгнул на спину четвертому, втиснул кончик когтя в щель под шлемом и рванул, разрезая артерию. Кувыркнулся, подхватил брошенный клинок и с размаху рубанул по локтю третьему громиле — рука беспомощно повисла. Все четверо заревели, будто медведи, выходя из берлоги, и рухнули, поливать кровью ненасытный песок.

Я встал в эффектную позу, широко расставив ноги. Ну, кто еще? Давайте! Боги любят веселье! Первые ряды бандитов присели. Лучники натянули тетивы, и я не успел опомниться, как в мою сторону полетели стрелы, попарно связанные веревками. Я, конечно, попытался отскочить, и, надо признать, ни одна стрела в меня не попала, но вот тонкие, но прочные шнуры буквально оплели тело.

Толпа ринулась вперед новой волной. Видимо они рассчитывали завалить меня и там уже довершить начатое, но не тут-то было. Я, хоть и был опутан веревками что мумия, но все еще оставался богом.

Первым же ударом клинка разрубая горла сразу двум бродягам с кинжалами. Они падают, сбивая с ног напирających сзади. Протыкаю спину рыжего молодчика, что жука булавкой и ухожу в сторону от бандитов, подоспевших сзади. Вновь перехватываю меч двумя руками — и давай орудовать направо и налево. Летят брызги крови. Хрустят кости. Трясется мясо. Получаю мечом в наплечник — держит, лишь гнется. Песок под ногами уже хлюпает. Пейте боги! Ваше здоровье!

В суматохе прилетает топором в спину — сбивает дыхание, вмятина трет позвонки. Откуда-то падает булава на макушку. В ушах — набат! Руки немеют, ноги подкашиваются, мысли размякают. Но я кромсаю врагов что заведенный. Кто-то дергает за веревку — чуть не падаю. Оборачиваюсь: волосатый крепыш ухватил за конец шнура и тянет. Уже с другой стороны дергают. Тянут сзади. Спереди. Того и гляди раздерут как жабу.

Я едва устоял на ногах и в мгновение ока отрубая умникам конечности. Они остаются висеть адскими гирляндами.

Волна откатывает. На арене остается только гигант с пышной бородой и трезубцем в руках — настоящий Нептун. И я хорош: весь в веревках с отрубленными конечностями на концах — адское зрелище. Но пора бы убираться отсюда. Прыгаю к толпе и натыкаюсь на стену копий. Не сейчас. Сзади топает Нептун, замахивается и — я ныряю, перекатываюсь —

и трезубец вгрызается в землю у самых пяток. Вскакиваю, когтем отрываю ухо бородачу и не глядя с размаху мечом — туда же. Клинок находит плоть — трепещет мясо. Боги! За вас...

Слева получаю секирой в забрало — из глаз сыплют искры, голова каменеет. Мычу от боли. Пальцы — колбаски. Меч выпадает из рук. Пытаюсь пошевелить языком, чтобы понять насколько сильно я отхватил. Но во рту — каша из зубной крошки, ошметков губ, кусков щеки и языка. Соленый теплый кисель течет за шиворот, обжигает грудь. Дышу захлебываясь. Что-то бьет по всему телу. Понимаю — земля. Часть забрала загнулась, словно рыболовный крючок и рвет щеку до ушей. Перед глазами кованый ботинок, словно говорит: «Привет» и наступает на вывернутую часть шлема. О, боги! Как же больно! Вою сиреной, и впиваюсь в лодыжку когтем — действует, сапог исчезает.

Сквозь гул в ушах слышу победные крики. Рано радуется, собаки. Перекатываюсь, но сверху наваливается жирдяй, скалится, брызжет слюной. Успеваю подобрать ноги и отшвыриваю мерзкого ублюдка. Вскакиваю. Боль — адская, но она лишь подстегивает. Нет, я не умру сегодня. Не тут и не так. Боги, и не надейтесь от меня так просто отделаться.

Уворачиваюсь от секиры, кручусь, подцепляю когтем бородастого разбойника и вырываю клокочущий кадык. Улыбаюсь, если можно назвать улыбкой тряску ошметков губ на оголенной кости челюсти. Теперь точно пора уходить... В спину врубается трезубец. Пробивает тело насквозь: слышу, как трутся острия о панцирь изнутри. Я дрожу как сосиска на вилке. Дышать не могу. Легкие горят огнем. Хватаю ртом воздух, но он не идет — свищет сквозь вывернутые зубы. Кровь быстро заполняет нагрудник. Надо уходить... Делаю шаг, но спотыкаюсь о какого-то мудака и подаю во тьму.

Друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Убийственная игра

Все в комнате молча уставились на черный экран. Анька застыла с печеньем во рту, Виталий Борисович замер с бутылкой пива в руке, Ульяна Исааковна — с пилочкой для ногтей, а Октябрина Владленовна просто спала, повесив голову. Только Стелька на коленях у Аньки, встревоженная внезапной тишиной, повела ухом, но убедившись, что все в порядке, подложила лапки под голову и продолжила нежиться в сладкой дреме.

На VR-шлеме у Сашки заморгала красная лампочка — все тут же перевели взгляд на нее.

— Нет, — выдохнула Анька и выпустила печенье из рук.

Стелька подняла голову, понюхала кусочек и улеглась обратно.

— Что произошло? — спросил Виталий Борисович и поставил пиво на стол.

— Слился Сашка, — проснулась бабка.

— Как раз к обеду, — сказала Ульяна Исааковна и продолжила пилить ногти.

— Прошу вас, молчите, — шикнула Анька и прошептала: — Это индикатор погружения. Из-за смерти Сашка почти вышел из игры.

— Ну и хорошо, — сказала мама, — пусть выходит.

— Вы не понимаете, — взмолилась девушка, — если он сейчас выйдет, то может случиться нечто ужасное.

Теперь все смотрели на нее.

— Анна, — строго сказала Ульяна Исааковна и перешла на шепот, — ты должна все рассказать.

Но девушка не сводила глаз с моргающей красной лампочки. Каждый всплеск света приближал конец Сашки. Она знала это. Красный огонек отсчитывал последние секунды его жизни, словно бьющееся сердце у смертельно раненого человека.

Лампочка погасла. На экране появилась заставка: «Боги не играют по правилам», и поползла строка загрузки.

Все выдохнули. Напряжение спало.

— Теперь рассказывай, что произошло, — сказала Ульяна Исааковна.

Анька заломила руки и начала сбивчивый рассказ:

— Мы не знали. Никто не знал. Даже сами разработчики. И вначале все было хорошо, проигравшие спокойно выходили из игры. Проблем не было. Но после Карантина все изменилось. Теперь выбывшие игроки, — девушка прикусила кулак, — впадают в кому. Есть смертельные случаи.

— Доигрался, — выпалила бабка. — Все эти новые техналоги до добра не доведут.

— Это ерунда какая-то, — отмахнулся Виталий Борисович. — Так не бывает.

— Сашка?.. — мама показала трясущейся рукой на экран. — Он же...

— Не волнуйтесь, — поспешила успокоить Анька. — Его убили боты. Они не могут взять сердце. Сашка отоспится, и все раны исчезнут.

— Саша! Саш! — Ульяна Исааковна встала. — Очнись!

— Нет! — крикнула Анька. — Не трогайте! Это убьет его!

Мама вскипела.

— Не лезь, девочка!

— Если не верите, включите телевизор! — выпалила Анька.

Все рванули в зал и буквально прилипли к экрану. Шли новости. В очередной раз рассказывали о победах наших лидеров на мировой арене. Папа взял пульт и стал щелкать каналы. Наконец, он нашел.

— Мы продолжаем следить за событиями черной субботы для игровой индустрии, как ее уже окрестили, — холодно объявила молодая девушка хорошо поставленным голосом. — Наш корреспондент находится непосредственно на месте событий. Геннадий.

— Да, Маргарита, — ответил вылизанный щеголь, пятясь в узком коридоре. — Я нахожусь в квартире обычного геймера. Сегодня, как и каждую субботу, мальчик Павел сел поиграть в компьютерные игры, но все закончилось трагически...

Камера теряет припудренное лицо и показывает небольшую комнату с выцветшими обоями: компьютерный столик, стул и кровать. На ней лежит мальчик лет двенадцати. Глаза открыты, но в них нет жизни. Убитая горем мать с химией на голове в полинялом домашнем халате всхлипывает и отворачивается от камеры. Врачи пожимают плечами. Камера наезжает на шлем VR, который валяется на полу под столом.

— Если ваш ребенок играет в таком устройстве, ни в коем случае не отключайте компьютер и не пытайтесь снять шлем — это приведет к смерти. Свяжитесь с нами по телефонам на экране или позвоните в полицию, и мы постараемся вам помочь.

Ульяна Исааковна бросилась к телефону. Виталий Борисович щелкнул пультом.

Заиграла знакомая заставка, и популярный ведущий в стильных очках произнес скороговоркой:

— Москва. Ток-шоу «Пусть говорят». В этой студии мы обсуждаем невыдуманные истории, о которых невозможно молчать. Убийственная виртуальная реальность или погоня за наживой? Как безобидная игра стала ночным кошмаром для родителей восьмиклассника Вовы Никитина, и сколько зарабатывают разработчики на детских смертях?..

Анька тихонько вышла из зала и подошла к Сашке. Она села рядом на коленки, взяла его руку и прижила к своей щеке.

— Держись, — сказала девушка.

И ее глаза заблестели.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Встреча героя

Держусь, богиня, держусь. Я открыл глаза, но ничего не увидел: полная тьма. Пошевелил челюстью, схватил руками, залез пальцами в рот — все в порядке. Конечно в порядке! Я же бог! Поднялся и стукнулся головой об увесистую железяку — раздался звон колокола. Больно. Я потер ушибленное место. Скрипнула дверь, пробился луч солнца, и я увидел вокруг решетки. Снова — здорова. Зажглись факелы, и в коридор шагнул щуплый человек с квадратной головой, за ним — еще несколько бугаев. Захлопали сапоги по грязи. По влажным стенам поползли тени.

— Очнулся, — сказал король. — Как самочувствие?

Один из бандитов поднес факел ближе.

— Ты как новенький, — продолжил коротышка. — Только шрамы остались. Ну, это чтобы ты помнил, как со мной разговаривать.

Я, конечно, очнулся, но еще не совсем пришел в себя и не спешил открывать рот.

— Просунь руки сквозь решетку, — приказал король.

Я не двигался.

— Выполнять!

Я посмотрел на него: мелкий змееныш буквально кипел.

— Если ты сейчас не выполнишь команду, то я скормлю тебя крысам, а наутро спрошу опять. Знаешь, у меня еще семь дней. Если хочешь провести эту неделю до выхода на арену в мучениях, я легко это устрою. Скажу так, ты для меня — только пропуск. Вкладывать силы я буду в следующего героя, так что тебя могу просто слить. Подумай об этом.

Я медленно просунул руки сквозь толстые прутья.

— Молодец, — король ухмыльнулся. — Сейчас мы немного прокатимся. Хочу показать тебя твоим бывшим владельцам, а то они не верят.

Я скривился.

— Может не надо устраивать этот цирк?

Верзила заковали мне руки в деревянные оковы и только после этого открыли дверь. Я бы мог попытаться вырубить их ногами, но не стал рисковать.

— Видишь ли, — сказал король, — барон Горлмид закрылся в моем замке и не хочет впускать меня. А я не хочу рушить стены и терять людей. И так уже из-за тебя погибли мои лучшие воины.

— Ты думаешь, что увидев меня, барон сдаст замок? Черта с два.

Король рассмеялся.

— Ты видел имение? Оно держится только на мечте. Без героя они разбегутся как крысы. Забудь о них. Смотри, твои доспехи вновь целые.

Один из бугаев покрутил перед моим носом панцирь. Второй показал шлем. Действительно, все было как новенькое, даже лучше.

— Накмиб трудился всю ночь. Я хочу, чтобы мой герой ходил только в лучших доспехах.

Тем временем бандиты нацепили на меня панцирь и, надев шлем на голову, посадили его на место кулаком.

Они заржали, а я молча сглотнул обиду. Ничего. Это не конец истории. У меня есть еще семь дней.

В конце концов, меня в деревянных оковах и цепях вывели на улицу. И первое, что я получил — тухлый помидор в лицо. Вот тебе и встреча героя. Нищие загалдели, что вороны. В меня полетели объедки, камни, грязь. И никто не пытался остановить этих тварей. Похоже, они еще долго будут помнить вчерашнюю взбучку.

Я шел медленно, едва переставляя ноги в кандалах. Хорошо, что я был в доспехах, а на голове крепко сидел шлем, — это спасало от камней. Но вот от объедков совсем не защищало. Наоборот, тухлятина просачивалась внутрь и теперь мерзко хлюпала, воняла и норовила попасть в рот. Тут же, прилетели мухи и стали лезть внутрь, щекоча нос. Я сдувал их, фыркал, даже кричал, но этим тварям все равно.

Но вскоре все закончилось. Меня бросили на телегу, накрыли тряпками, и мы медленно покатали по неровной дороге в сторону Мелавуда.

Друзья, не забывайте нажимать кнопку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Настоящие герои

Ехали мы весь день, и я порядком устал трястись на телеге. Тело просто одеревенело, а вонь под грязной накидкой уже въелась в кожу настолько, что стала родной. Естественно, не кормили, считая, что герои питаются исключительно сердцами поверженных врагов.

Наконец, телега встала. Прибыли. Накидка слетела, и я зажмурился от яркого солнца. Крепкие руки подхватили меня и подняли. Вот они — родные стены Мелавуда. На башнях реют флаги шахматной расцветки, бегают солдаты, дымятся костры — наверно готовят смолу для нападающих. Слышу со стены властный голос Зигруда, отдающего приказы. А вокруг меня беснуется черная толпа бандитов — тут около тысячи воинов. Они выкрикивали ругательства в сторону замка, изредка пускали стрелы и бросали камни. В ответ — молчали.

— Горлмид! — крикнул король. — Посмотри, кого я тебе привез.

С меня сорвали шлем. Впервые за день я вдохнул свежий воздух. Как же приятно! Но насладиться мгновением мне не дали. Кто-то саданул по затылку мечом плашмя и пробасил:

— Поздоровайся с бароном.

Я прям напрягся в тщетной попытке разорвать оковы, так захотелось развернуться и врезать говнюку в нос. За что мне досталось вновь железом в затылок и посильнее прежнего. Даже в голове загудело.

— Ну, чего застыл?!

Я зажмурился. Молчать — бессмысленно. Говори, пока можешь. Но что им сказать? Я сожалею, что облажался? Посоветовать сдать крепость? Защищаться и умереть с честью? Мне ли это решать. Я тут только гость. А раз я гость, то будут и новые гости. Я выпрямился и крикнул:

— Это я — Гур. Друзья, вы извините, что так вышло. Забудьте обо мне. Держитесь! Не сдавайте замок! Будут еще герои, и они будут сражаться под вашими флагами, и они победят!..

Темно. Я не сразу понял, что произошло, но по пульсирующему затылку текла теплая струйка, нос уперся в доски телеги, и вновь завоняло накидкой.

— Заткнись, — пробасил кто-то сверху.

Я кое-как развернулся и увидел своего обидчика. Это был Нептун. Вместо правого уха у него висел обрубок, щедро замазанный мазью, а плечо было перебинтовано — моя работа. То-то он со мной так ласков.

— Теперь вы убедились, что я говорил правду? — крикнул король. — Я предлагаю вам жизнь взамен замка...

— Не слушайте его! — перебил я.

И тут же близко познакомился с сапогом Нептуна. В глазах блеснули искры, левая половина лица онемела, а во рту появился знакомый привкус крови. Больше я не встречал в разговор.

— Поторопитесь с ответом. Ужинать я хочу в своем замке, — закончил король.

На стену поднялся барон Горлмид. Он был одет в броню, на поясе висел меч, а в руке он держал шлем, раскрашенный в шахматную клеточку. Барон обвел взглядом подступившее к его замку войско, задержался на мне и нахмурился. Было видно, что он хочет что-то сказать, но не может решиться. Наконец, он крикнул:

— Поднимите Гура.

Меня поставили на ноги. Но я не мог смотреть ему в глаза и уставился на хвост кобылы.

— И ты держись крепче, герой, — крикнул барон. — Мы уходим. Замок ваш.

Он исчез со стены. Черная орда победно завопила, радуясь, что не придется проливать кровь и предвкушая скорое разграбление винных погребов.

Через минуту открылись ворота, и вышли около тридцати хорошо вооруженных воинов во главе с бароном. Они шли прямо к нам. Я узнал среди них Зигруда, Родора, одноухого громилу и лысого мордovorота. Но там были далеко не все жители Мелавуда, я точно это знал. Где остальные?

Ответ последовал незамедлительно: на стенах замка появились лучники и дали залп по врагу. Несколько бандитов захрипели и повалились на землю, корчась в смертельных судорогах. Одна стрела угодила точно в круп кобыле — та заржала, и телега покатила прямо к воротам замка. Я едва устоял на ногах — все благодаря Нептуну позади. Упершись спиной в его грудь, я резко развернулся и врезал углом деревянной колодки ему в рыло — одноухий слетел с телеги и шмякнулся в грязь. А я заверещал раненым индюком, подгоняя кобылу и без того набирающую скорость.

Я почти доехал до воинов барона, когда бандиты опомнились и стали стрелять по лошади. Первый же залп превратил ее в ежика, и бедняга упала как подкошенная. Я перелетел через кобылу, вскочил на ноги и побежал, малюсенькими шажками, словно бешеный пингвин. В спину ударили несколько стрел, но пробить доспехи они не смогли. Тысяча разъяренных головорезов бросилась за мной в погоню. И не смотря на то, что я шлепал ногами, что заведенный, меня быстро нагоняли. И они догнали бы, но на помощь пришли люди барона. Четверо бойцов схватили меня за руки и за ноги и рванули к воротам. Остальные встали стеной. Горстка воинов против тысячи разбойников — вот кто настоящие герои!

— Гур, когда будешь биться на арене, помни о нас! — крикнул барон Горлмид. — Ты должен победить! И Мелавуд вновь расцветет!..

Черная волна накрыла смельчаков и разбилась, словно о камни. Зазвенели мечи. Засвистели стрелы.

По нам тоже стреляли. Двое из моих солдат рухнули, не добежав сотни шагов до стены. Двое других тоже были ранены, но еще могли помогать. Я повис у них на плечах и скакал будто кузнечик. Наконец, мы забежали во двор, и ворота закрылись.

— Быстро сбейте оковы! — завопил я. — И дайте мне меч!

Прочитал?! Понравилось и ждешь проды — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Прощай, король

Мучительно долго какой-то дряхлый старик сбивал замок. Но я молчал, боясь, что его хватит инфаркт, если я начну подгонять. Когда все же он одолел проклятую железяку, я высвободился из объятий колодок, выхватил у старика молоток и одним ударом перебил цепь на ногах. Свобода! Теперь только бы успеть.

Я мигом влетел на стену, подхватил на ходу меч из рук женщины-лучника и не глядя перемахнул через каменную преграду. Внизу — черное море бандитов. А мои спасители, словно скала, о которую разбиваются черные воды. Их стало меньше, но уцелевшие продолжали отчаянно сопротивляться.

Я приземлился прямо на голову плешивому тюфяку с булавой и едва не поскользнулся. Ноги соскочили с лысины, и я уселся на плечи, словно на лошадь. Бандит не понял, в чем дело и побежал по инерции. Я дал пятками ему в бока для уверенности и отрубил волосатую голову справа. Одному ткнул острием в шею, затем следующему и еще одному. Сверху это так удобно делать. К тому же разбойники не ждали удара сзади.

Наконец, лысый конь догадался, что я катаюсь даром и махнул булавой, но я ловко поймал ее, перехватил и оплатил проезд — врезал железным шаром по макушке. Тюфяк завилжал, но не завалился и продолжил бег. Только пришлось повернуть его левой пяткой, а то мы немного сбились с пути. Теперь я орудовал в две руки: справа — мечом, а слева — булавой.

Так мы добрались до уцелевших солдат. Они уже едва стояли на ногах. Израненные, в помятых доспехах, но с огнем в глазах бойцы Мелавуда продолжали защищаться.

Я добил вконец измотанного коня и встал в ряды воинов.

— Гур! — удивленно воскликнул Горлмид. — Ты...

Он не договорил, получив алебардой по голове. Барон устоял, но я видел, что ему совсем туго. В следующую секунду на алебарде остались отрубленные руки, а их владелец громко оповестил всех о приближающемся возмездии за павших защитников Мелавуда. Пощады никому не будет.

— Разве я мог пропустить такое веселье! — крикнул я и проломил булавой череп рыжему детине.

Теперь, когда у меня позади были преданные бойцы, я не беспокоился о защите спины и рубил направо и налево, что заведенный. При этом я постоянно двигался вокруг нашего кольца, вырезая врагов десятками. Вскоре образовалось второе кольцо трупов, и желающих расстаться с жизнью поубавилось. Но и меня стала одолевать усталость. Я хоть и бог, но все же во плоти. И небольшая передышка была как нельзя кстати.

— Что, твари, пропало желание?! — рассмеялся я. — Еще немного, и мы увидим, как сверкают пятки этих трусов!

Но мне никто не ответил. Я обернулся: на ногах остались стоять только три воина: Зигруд, одноухий и лысый мордорот. И то благодаря тому, что они подпирали друг друга спинами. Они были полностью выпачканы в крови. Доспехи превратились в куски металла, а мечи выщерблены и затуплены.

Зигруд посмотрел на меня и проговорил, сквозь тяжелое дыхание:

— Я был рад сражаться с тобой рядом, Гур. Но ты должен уйти. Быстрее...

Черная волна вновь обрушилась на нас. Ну уж нет! Не я должен уйти, а непрошенные гости должны вернуться в свою канаву! Я взревел, словно разъяренный бык и ринулся в атаку. Но прикончив пару бандитов, заметил знакомую фигуру, высоко стоящую над головами врагов. Это был король нищих. Его подняли на щите, чтобы он мог на безопасном расстоянии наблюдать за ходом битвы. Вот кто мне поможет прекратить резню.

— Потерпите еще минутку! — крикнул я и стремглав бросился к королю.

Да как! В меня словно бес вселился. Все произошло в мгновение ока.

Разбиваю тараном ряды головорезов — они разлетаются, что картонные — и буквально взлетаю. Бегу по головам, плечам, спинам. Хватаю короля за шкурки и железным кулаком разбиваю нос вдребезги. Встряхиваю хорошенько уroda, и ведро слетает с головы. Я машинально подфутболиваю, да так, что оно сминается в лепешку и подлетает высоко над сворой разбойников. Они замирают.

— Этот человек привел вас сюда на погибель! — крикнул я, стоя на щите. — Все его обещания — лживы! Вам никто не позволит безнаказанно захватить замок. Вас тут всех перебьют как крыс! Барон Горлмид законный владелец Мелавуда! Его нельзя заменить каким-то нищим!

Король захохотал, брызжа кровавой слюной.

— Ты идиот! — крикнул он. — Замок уже мой! Убейте его!

Толпа ринулась на меня, готовая разорвать на части. Это был конец. Да, надо признать, я плохой оратор, зато направление могу указать точно.

— Да пошел ты, — процедил я сквозь зубы.

И дал этому говнюку такого пенделя сапогом под зад, что он подлетел не ниже своей ржавой короны. Король еще не успел шмякнуться на землю, а толпа встала как вкопанная.

— Ай-яй! — взвыл предводитель нищих, приземлившись. — Убейте его! Чего встали?!

Но бандиты не двигались. Король кричал, приказывал, угрожал расправой, просил, умолял, но никто даже не подошел к нему.

Темнело. Мало-помалу, головорезы стали расходиться, унося своих раненых. Мы тоже забрали всех защитников Мелавуда. А бывший вершитель человеческих судеб ползал во тьме под стенами замка с переломанным тазом, скуля как побитая собака.

Как выяснилось, виной всему был пендель. Станный народ эти бандиты. Оказывается таким способом я перевел короля из высшего статуса в низший. Прощай, король.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Я, барон Горлмид, Зигруд, Родор и еще несколько воинов сидели в зале для банкетов и пили вино. Каждый перемотан, что мумия. На лицах нет живого места — сплошные синяки с кровоподтеками. Нельзя сказать, что это был пир по случаю победы над врагом. Пили молча. Вместо разговоров только стонали. Оставшиеся в живых и так с трудом поднимали кружки. И среди них не было ни одноухого громилы, ни лысого мордоворота. Они погибли. Я лично вынес их тела с поля боя.

— Давай выпьем за твоих друзей, — сказал я Зигруду. — Я не знал их имен но...

— Эяк и Летат.

— За Эяка и Летата! — с трудом выговорил я и осушил кружку.

— Они были хорошими бойцами, — добавил Зигруд.

— Красивые доспехи, — вздохнул Родор, показывая на меня. — Бешеных денег стоят.

Я нахмурился. Не денег они стоили, а жизнью. Благодаря им мы проливали кровь. Надеюсь, не зря, и они пригодятся мне на арене. Но вслух я ничего не сказал.

Вскоре захрапел Горлмид прямо за столом. Кто-то ушел, не в силах больше держать голову. И, в конце концов, усталость сморила всех.

Утром мы закопали павших товарищей. И чтобы не попасться Родору на глаза я поспешил прочь из замка. А то кузнец с такой кислой рожей смотрит на мои новые доспехи, что мне даже не по себе. Направился я напрямиком в имение барона Эбена. У меня там осталось незаконченное дело.

Первоначальный план придется изменить: с сердцем вышла заминка, да и некогда уже бегать в поисках героев. Так что буду действовать по обстоятельствам. Барону Эбену нечего терять, он уже остался без героя. Разве что жизнь? Но я помогу ему ее сохранить, а заодно и поквитаться за Кракена с бароном Валлугом. Только бы не опоздать. Змей мог уже навестить имение Куэмо, и тогда все пропало. Но чего зря ломать голову, приду и все узнаю.

Ближе к вечеру я увидел стены замка барона Эбена. Ворота были закрыты. На стенах дежурили солдаты. Их было больше чем достаточно. Значит, барон жив и ждал гостей.

— Кто таков будешь? — спросил меня усатый седой воин, высунувшись в окно башни.

Я не собирался скрываться или выдумывать небылицы. Сейчас мне это незачем.

— Передай барону, что с ним хочет говорить Гур — герой барона Горлмида.

У воина даже усы вздыбились. Он пробубнил что-то себе в нос и скрылся. Через пять минут со стены свесилась рыжая голова.

— Ты!? Паршивый предатель...

— Спокойно, — перебил я, — не вывались, а то могу не поймать. У нас были непонимания, теперь все в прошлом. Кто старое помянет, тому глаз долой. Ты ведь тоже был не до конца честен со мной, но сейчас это не важно. Сейчас у нас общий враг, и ты правильно делаешь, что боишься. Я точно знаю, что Валлуг задумал убить тебя.

— Я никого не боюсь! И Змея, и тебя, и любого другого урода! — истерично закричал Эбен и шлепнул ладошкой по камню.

— Зачем тогда тебе столько солдат на стенах?

Барон замялся, и спросил уже помягче:

— С чего ты решил, что Валлуг хочет убить меня?

— Я слышал сам.

Он и без меня догадывался об этом. А теперь убедился, что не зря устроил тут смотрины войск.

— И чего ты хочешь от меня?

— Буду честен. Я хочу убить Змея, когда он заберется к тебе в комнату.

Рыжий прям задрожал.

— Ты с ума сошел! Убирайся, пока цел!

— Он придет за тобой, и ты пожалеешь, что меня не будет рядом. Не глупи. Я — единственная возможность для тебя пережить эти дни до арены.

Барон колебаться. Он мог просто уйти и спустить на меня собак, но не делал этого и продолжал стоять на стене. И держал его страх. Когда за тобой охотиться Змей, можно забыть старые разногласия. Барон Эбен был не дурак.

— Ладно, — сказал он. — Но ты должен поклясться, что будешь защищать меня ценой своей жизни.

Я скривился. Но что поделаться, придется.

— Клянусь.

— Пропустите его, — скомандовал рыжий.

Когда мы зашли в покои барона, совсем стемнело, и по всему замку зажгли сотни свечей. Стало светло, как днем. Везде стояли стражники, вооружение до зубов. Похоже, барон действительно боялся.

Мы сели за стол. Тотчас подали жареную утку, вино, сыр, фрукты и сладости.

— А ты не боишься, что я убью тебя? — спросил барон и выкрутил утиное крылышко.

— Нет, — твердо ответил я, вырвав утке бедро с корнями и засунув в рот.

— А если я захвачу тебя в плен и откуплюсь от Валлуга?

Эбен сделал глоток вина из золотого кубка.

— Нет, — бросил я и приложился к кувшину. — Ты же знаешь, что Змей убьет нас обоих. Но хватит об этом. Расскажи, для чего тебе был нужен яд?

Я выставил на стол пузырек, отнятый у слуги. Барон замахал руками.

— Убери это со стола!

Я сунул яд обратно в карман.

— Нет, отдай моему слуге.

Ко мне подошел тот самый тип в черном берете с орлиным пером. Я молча протянул ему пузырек.

— Сделай все как договаривались, — приказал барон, и слуга удалился.

— И что это значит? — спросил я.

— Он намажет ядом мои клинки, — спокойно ответил Эбен. — А теперь расскажи свой план.

— Все просто. Мы сидим, пьем вино и ждем Змея.

— Сколько надо ждать?

— Да хоть все шесть дней до арены, если понадобится.

Я откинулся в кресле, закинув руки за спину и крикнул:

— Эй там, тащите еще вина. У нас будет долгая ночь.

Не успел слуга и шагу ступить, как с улицы раздался дикий вопль.

— Он здесь, — сказал я.

Час настал. Но я не готов. Я думал, что у меня еще есть время. Но... Я выхватил меч и

спрятался в углу за ширмой. Сердце застучало барабанную дробь. Ладони покрылись испариной. Боги на небесах затаили дыхания. Сейчас все решится. К этой минуте я шел все это время. И вот она! Боги! Встречайте меня! Ну же, давай!..

Друзья, не забывайте нажимать кнопочку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет ждать много новых книг!

Танго со Змеем

Долго ждать не пришлось. Порыв ветра всколыхнул свечи, и в окне показалась голова монстра. Барон Эбен вскочил и попятился, как мы и договорились. Змей оцупал длинным раздвоенным языком воздух и только затем медленно высунулся. Мой выход! Я молниеносно выскочил и рубанул мечом изо всех сил, стараясь одним ударом обезглавить гада. Но не тут-то было. Тварь заметила меня, и голова исчезла. Меч только высек искры на полу, а я завалился и получил мордой тычок в плечо. Да такой, что перелетел всю комнату и закатился под кровать.

Барон Эбен прижался спиной к стене. В правой руке он сжимал кинжал, а левая беспорядочно шарила по камням в поисках спасения.

Змей вновь показался в окне. На этот раз он заполз в комнату, сложился в какашку на полу и стал сверлить глазами барона. Тот совсем поник. Еще немного и, казалось, он от страха выронит кинжал.

Но на его счастье, я выкатился из-под кровати и встал между ними.

— Постой, ты же этот, как тебя там... — Змей широко раскрыл глаза. — Извини, братан, не помню имя. Что ты тут делаешь?

Я крепче сжал рукоять меча и кинулся на врага. Что я ему буду объяснять, кто я такой и что тут делаю? Детский сад какой-то. Я ударил сверху-справа — в пустоту. Снова завалился и получил хвостом в плечи. Устоял, крутнулся волчком и опять ударил на этот раз с легкостью фехтовальщика, а не дровосека. И достал: кончик клинка скользнул по телу Змея, но лишь вырвал несколько чешуек. Раздалось мерзкое шипение. Похоже, ему не понравилось. Я отпрыгнул и увернулся от хлесткого удара хвостом. Опробовав силы друг друга, мы разошлись по углам комнаты.

— Я не хотел тебя трогать, — прошипел герой барона Валлуга. — Но ты сам напросился.

Он прыгнул, буквально, растянувшись в воздухе во всю длину. Я юркнул под стол, перекатился, выскочил с другой стороны, схватил тяжелый стул и швырнул в червяка — точно в морду. Стул разлетелся вдребезги. Змей хрюкнул, затряс головой и прыгнул снова. Я поднял стол и укрылся за ним, как за щитом. Тяжелая туша врезалась в крышку, что стенобитный молот, но я устоял, слегка проехавшись по полу. Выглянул из-за стола и рубанул по огромной голове. Змей зажмурился, получил клинком в бровь и отпрянул. Полилась кровь.

Барон, видимо, подумал, что настало его время довершить начатое. Он завопил, что ошпаренный и побежал на врага с высоко поднятым кинжалом. Хвост успокоил его хлестким ударом. Эбен отлетел обратно и занял место у стены, но уже без кинжала.

Качаясь из стороны в сторону, Змей двинулся вперед. Похоже, этот идиот не понимал, кто пред ним. Оно и к лучшему. Я поднял меч и мелкими шажками пошел навстречу. Расстояние сокращалось. Кто ударит первым?

Еще полшага и я достану. Двигаю ногу вперед. Пора! Но Змей бросается первым. Раскрывается ужасная пасть. Сверкают зубы. Я отпрыгиваю назад — челюсти хлопают у самой ноги — и обрушиваю клинок на голову врага. Лезвие оставляет на морде глубокий рубец. Хлещет кровь, заливая пол. За спиной радостно визжит барон. А я скидываю меч и

бью вновь, но Змей ловко изворачивается и хватает меня. Зубы скребут панцирь — он держит. Течет яд по латам. Ужасная пасть смыкается, я остаюсь во рту, зажатый длинными клыками, что щипцами. Но цел и невредим. Неистово молочу клинком по телу бестии — летят чешуйки, лопается шкура, показывая розовое мясо. Еще немного, и я разрублю его на десяток колбасок.

Но Змей встряхивает меня хорошенько, поднимает к потолку и со всей дури шмякает об пол — я чуть не влезаю головой в панцирь что улитка. Перед глазами вспыхивает фейерверк. Не успеваю вдохнуть, как уже расплескиваюсь на стене медузой. На мгновение выключают свет. Пальцы разжимаются, и меч выпадает с насмешливым звоном. Змей выплевывает меня, как косточку — лечу в угол, сбиваю стулья и замираю у камина.

Ладно. Вскрываю — рука нащупывает кочергу — швыряю в бестию. Мимо. Краем глаза замечаю на полу отравленный кинжал барона. Червяк вновь атакует. Пасть с ужасными зубами летит прямо на меня. Кувыркаюсь, подхватываю кинжал и не глядя бью — клинок рассекает воздух. А я оказываюсь в зубах твари. Вновь взлетаю к потолку, — и шмяк об пол. Кинжал отлетает в сторону. В голове заиграли колокольчики. Я уже у потолка, набираю воздуха и готовлюсь снова встретиться с полом, но вместо этого меня засасывает внутрь громадной пасти. Эта тварь глотала меня вместе с доспехами! Успеваю заметить бледное лицо Эбена, и исчезаю в шершавой трубе. Последнее, что вижу изнутри — зубы монстра, — и наступает крошечная тьма. Тесно, душно, адски смердит, а разъедаемая кислотой кожа буквально полыхает огнем.

Прочитал?! Понравилось, и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Что может быть лучше когтя?

Знал бы этот идиот, кто я, то не стал бы глотать, а сначала прикончил бы. А для меня оказаться в утробе — просто подарок. Лучшего места не придумать, если не считать мелких неудобств. Тут я как никогда близок к цели и прекрасно защищен. Дождавшись, когда тварь основательно пропихнет меня в желудок, я выставил коготь. Время пришло!

Вгрызаясь в плоть, я ощупью пытался найти заветный кристалл. Сквозь пальцы продавливалась резаная печень, легкие и другая требуха. Не знаю, как там было Змею, но коликами в желудке это точно не назовешь.

У меня стал заканчиваться воздух. Становилось совсем туго. Еще немного, и я тут окочурюсь. Пришлось изменить направление поисков и пробить дыру наружу. Высунувшись, я глубоко вздохнул и вернулся во влажную горячую утробу.

Змей орал от боли так, что дрожали стены, а барон, совсем ополоумев от увиденного, забился в угол и закрыл лицо ладонями, но все равно изредка подсматривал. Жуткое, наверное, зрелище. Мне-то тут не понять всей мерзости картины.

Наконец, я нащупал острые края кристалла. Вот он, мой билет к богам! Трепещите, я иду! Жаль, что этот момент никто не видит. Главный враг повержен, и нет никого, кто бы порадовался за меня. Барон Эбен не в счет. На арене меня бы восхваляли, осыпали цветами, дамы падали бы в обморок, желая провести со мной ночь... Но хватит мечтать. Я сжал сердце врага, и даже тут в кромешной тьме зажегся свет!

Изменившись, я одним движением разрезал мертвое тело Змея и выскочил наружу. От меня шел пар, по телу стекала кровь и требуха, а я стоял посреди комнаты и любовался собой. Герой! Я увеличил коготь до размеров сабли и приделал к нему длинные позвонки. Получилось вроде как хвост с жалом на конце. Теперь он втягивался в руку, а если надо — выстреливал почти на три метра. Очень уж мне понравилось, как Змей орудовал хвостом.

Я хотел изменить еще что-нибудь, но не смог. Сердце Змея исчерпало свои силы. Даже странно как-то, ведь он столько героев убил. Ну и черт с ним, решил я. Значит, мой новый коготь стоит того. Как раз подвернулся случай испытать его. Барон Эбен поднял отравленный кинжал и ринулся на меня. На что он только рассчитывал?

Я молниеносно выкинул коготь — он вошел в грудь барона как в масло — и дернул. Пролетев всю комнату, рыжий впечатался в стену словно мокрая тряпка. Я не хотел его убивать, но он сам напросился.

За дверью послышался топот сапог. Что ж, мне тут больше делать нечего. Надо бы убежать, но стоял как в командный. Ну очень уж хотелось показать кому-нибудь новое оружие. В конце концов, кого мне бояться? Забарабанили в дверь.

— Барон, что случилось?! Мы слышали крик! — раздалось из коридора.

Я крутнул коготь и запустил в дверь. Он пробил дерево насквозь. Я рванул — полетели щепки, скрипнули петли, дверь задрожала, но осталась висеть. В дыре показался глаз и увеличился вдвое, когда заметил меня. А я эффектно щелкнул когтем, будто кнутом и встал в позу героя. Да я и был героем!

— Ты кто? — спросил солдат.

— Гур! Запомни это имя, — ответил я и прыгнул в окно.

Излишне пафосно? Я же герой!

Ворота будут закрыты, в этом можно не сомневаться, и там будет полно солдат. Хватит ненужных смертей. Взбежав по лестнице на стену, я махнул рукой обалдевшему воину, зацепился когтем за край и прыгнул во тьму. Повиснув, ухватился за выступ, перекинул коготь и снова прыгнул. Так я добрался до самой земли. Теперь любая стена для меня не помеха.

Я шел по дороге в сторону дома, насвистывая нехитрую мелодию. На лице играла легкая улыбка. Луна освещала путь. Звезды игриво подмигивали и манили огромными непостижимыми масштабами вселенной. Дул теплый ветерок. За рекой выли волки. Но меня это не волновало. Подумаешь, волки. Сейчас, когда я заполучил сердце главного врага, мне больше никто не страшен. Осталось каких-то пять дней до Великого праздника. Там, на арене, под овации публики прибью пару-тройку комаров, и я — бог.

Так я шел, улыбаясь и мечтая, пока не увидел огни постоянного двора. Все-таки день выдался не легким, не мешало бы отдохнуть, отмыться от крови, выпить, закусить, решил я, и свернул с дороги.

В трактире «Кудлатый пес» было полно народу. В такой-то час! Воняло портянками, пивом и капустой. Шум, гам. А вот и причина: в центре круга люто молотили кулаками друг друга два бойца. Какой-то нищий дернул было меня за ногу, дай, мол, медяк, но тут же спохватился и заполз под стол. Меня заметили крикуны за столиками у входа и затихли. Их глаза остановились на когте. Рты плавно открывались.

Я широким шагом направился к хозяину — носатому дылде с квадратной челюстью и бычьей шеей. За спиной становилось все тише. Крики постепенно перерастали в шепот. Теперь стало отчетливо слышно тяжелое дыхание бойцов, топот и хлесткие звуки ударов. Но вскоре и они прекратились. Я обернулся: весь трактир смотрел на меня. Похоже, не часто тут бывают герои. Положив руки на стойку, я сказал:

— Доброй ночи, не найдется ли комната для меня?

Хозяин уставился на коготь и закивал, что дятел.

— Д-д-да-да-да.

— И столик.

Носатый шикнул на трех крестьян в углу, те сгребли в охапку пожитки и растаяли. Я положил на стойку золотой и громко сказал:

— Всем вина!

Зал взревел, и про меня тут же забыли кто я, что я, главное — халявная выпивка! Вновь здоровяки принялись лупить друг друга под веселые крики, и трактир погрузился в привычный хаос.

— И мне кувшин, — сказал я, — и неси, что там у тебя есть съестное. Я голоден как волк.

Усевшись за свой столик, я стал уплетать жареную оленину и запивать сочное мясо терпким вином прямо из кувшина. О! Это было просто божественно! Кажется, я так не ел уже сотню лет. Жир тек по бороде и капал на стол, я жмурился от удовольствия и совершенно не замечал, что творится вокруг. Открыв глаза после очередного мгновения блаженства, я увидел за своим столиком бродячего торговца. У него были черные, глубоко посаженные глазки, длинный нос и тоненькие усики. Одет он был в вытертый походный костюм. На голове красовался берет в желто-синюю клеточку. Торговец показался мне знакомым.

— Привет, — сказал он, улыбаясь. — Вот мы и снова встретились.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

За гранью реальности

Это был Странник, я узнал его. Опять трактир, вино, и он. В прошлый раз мы расстались не очень-то хорошо. Тогда я хотел хорошенько наподдать ему за странные фокусы, но этот гад сбежал.

— Здесь неплохое вино, правда? — сказал он и отхлебнул из своей кружки.

Что-то я не помнил, чтобы она у него была, но не важно, может я просто не заметил.

— И оленина превосходная, — согласился я, жуя сочное мясо.

— Я следил за тобой, — продолжил Странник, — и видел, как ты расправился со Змеем. Молодец.

Мне это не нравится. Как он мог следить за мной? Я отставил миску, сделал большой глоток вина и медленно проговорил:

— И что?

— У меня есть предложение для тебя, но... — он замялся, теребя в пальцах кусочек сыра. Откуда он его взял я опять не увидел. — Не знаю, с чего начать.

Я отхлебнул из кувшина и пожал плечами.

— Тут как-то шумно, — сказал Странник.

И в тот же миг трактир опустел. Не осталось никого из посетителей, только хозяин продолжал копошиться за стойкой. Я испуганно огляделся. Вот так фокус!

— Как это ты?.. — выдавил я.

— Это мелочи. Скажи, ты видел дочь хозяина?

Я покачал головой. И тут же из задней двери вышла девушка в простом крестьянском платье. Это была спелая невинная красота: округлые бедра, тонкая талия, пышная грудь, длинные черные волосы, большие глаза и алые губки. Она благоухала сладостью луговых цветов и была свежа, как майское утро.

— Хороша? — спросил мой собеседник. И не дожидаясь ответа добавил: — Она твоя. Делай с ней что хочешь.

Девушка мгновенно скинула платье и предстала передо мной абсолютно голой. Я открыл рот. Меня бросило в жар и холод одновременно. В глазах потемнело, видимо кровь отхлынула от головы и прилила в другом месте. Еще немного и я бы просто набросился на нее. Но какая-то часть меня все же воспротивилась. Это не по-настоящему. Этот урод вновь играет со мной.

Я вытер вспотевшие ладони и сказал, стараясь не смотреть на девушку:

— Это твое предложение?

— Нет. Это подарок. Разве тебе не нравится? Я могу позвать ее брата.

— Эй, ты, полегче! — вспыхнул я.

— Ладно, успокойся, я пошутил. Прокатимся?

И вновь не дожидаясь моего ответа, он сделал нечто невообразимое: поднял нас высоко в небо вместе со столом и стульями. Мы парили в сотне метров над землей, словно птицы.

— Все это, — Странник провел рукой по горизонту, — может стать твоим.

Я с трудом оторвал одеревенелые пальцы от стула, в который вцепился при взлете, и схватил кувшин. Сделал пять глотков и только после этого перевел дыхание.

— Что происходит? — выдавил я.

— Наверно, я слишком быстро начал.

Мы сорвались вниз, и я пожалел о выпитом только что вине. Зажмурился, а когда открыл глаза, мы вновь сидели в трактире.

— Я могу все в этом мире! — Странник откинулся на спинку золоченого трона. — Хочешь иметь все?

Вокруг него появились полуобнаженные девицы. Они обмахивали его пальмовыми листьями, массажировали плечи, руки, ноги — буквально облизывали. Странник открыл рот, и светловолосая нимфа грациозно изогнувшись, положила туда вишенку.

— Нравится?

Я сглотнул.

— Да.

— Тогда оставайся. Зачем тебе к богам?

Он посмотрел на меня, как на несмышленного младенца. Я только хмыкнул. Так вот оно в чем дело. Этот упырь хочет отговорить меня от выхода на арену.

— Нет, серьезно, зачем покидать этот мир? — Странник провел ладонью по бедру девушки. — Ты хоть знаешь, что тебя ждет там?

— Я буду сидеть на небесах и плевать с высоты на жалких людишек в этом мире, — усмехнулся я и тут же добавил: — Шучу. Я герой, и был послан в этот мир для победы и вознесения на небеса к богам, чтобы стать одним из них!

Странник прыснул и зашелся диким гоготом.

— Ты серьезно?.. Боги! Кто сказал, что тебе надо к ним?

Я задумался. Действительно, зачем мне это? Я не знал, но точно чувствовал, что это важно, что там меня ждут.

— Твои боги с удовольствием убегают в этот мир. Ты сам пришел сюда по своей воле, потому что тут ты можешь все! — он звонко шлепнул девушку по ягодицам.

Я нахмурился. По-моему, он нес полную чушь, и мне бы следовало дать пинка этому дрыщу, но его фокусы не давали мне покоя. Вдруг он прав? Зачем спешить? Тут ведь совсем неплохо. А с такими возможностями — я пробежался глазами по обнаженным телам — тут просто рай на земле. Размышления прервал Странник.

— Ну? Хочешь все?

— Что ты возьмешь взамен? — спросил я.

— Сущий пустяк, совершенно ненужный в этом мире — сердце.

Я отпрянул.

— Ну уж нет! Не знаю, как ты все это делаешь, — я ткнул пальцем в девушек, — но верни, как было, и проваливай, пока цел!

— Я могу забрать твое сердце прямо здесь и сейчас, — Странник сверкнул глазами, — но хочу помочь тебе. Подумай над моим предложением.

Я уже подумал, урод. И сейчас выдам тебе ответ, который будешь долго помнить. Но не успел я схватить ублюдка за грудки, как он вырос втрое, превратившись в грудку мышц. Девицы исчезли, и мы снова оказались в трактире в центре круга. По ушам ударили крики болельщиков: «Давай, врежь ему! Врежь!» — кричали со всех сторон.

— Отдавай по-хорошему, — пробасил гигант, нависнув надо мной как скала.

Я сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

— Забери, если сможешь.

Друзья, не забывайте нажимать кнопку «ОТСЛЕЖИВАТЬ АВТОРА» — и вас будет

ЖДАТЬ МНОГО НОВЫХ КНИГ!

Чертовщина какая-то

— Я научу тебя как со мной разговаривать! — взревел великан.

И понеслась. Здоровяк молниеносно выбрасывает каменный кулачище. Я едва уворачиваюсь. И когда он только успел сделать себе гранитные колотушки? Нырнув под вторую руку, мощно бью слева по ребрам, а справа на отскоке — точно в челюсть. Странник только заржал.

— Неплохо, не плохо, но что ты ответишь на это?

Толчок в спину. Кто? Не успеваю заметить. Лечу словно навстречу поезду. В последнее мгновение уклоняюсь. Каменная глыба царапает щеку. Прыгаю в ноги, кувыркаюсь и всаживаю коготь под коленку — острое впивается в золотую монету.

— А я-то думал, что потерял ее!

Откуда она там? Смотрю на золото как истукан. Мысли идут кувырком. Что за чертовщина? Размышления пришлось отложить: в грудь бьет босая пятка великана. Дыхание перехватывает. Лечу. Но не теряюсь. Выбрасываю коготь здоровяку в лицо — смертоносное оружие втыкается в грустную деревянную маску. Уже не думаю, откуда она взялась, а дергаю — и лечу на врага. Бью двумя ногами в грудь. Гигант охает и попятится. Споткнувшись, садится в мягкое бархатное кресло с золотой вышивкой и кистями. Там он уже седой бородатый дед в красном пальто и с посохом в руках.

— Ох-хо-хо-хо! — смеется он и бросает мне подарок.

У ног падает коробка. Из нее льется знакомая мелодия, — и вылетает здоровенная перчатка на пружине. Точно мне в челюсть. Вспыхивает фейерверк, и кажется, пахнет мандаринами. Пячусь. Трясу головой, приходя в себя. И в атаку! Хватит фокусов!

В мгновение ока оказываюсь рядом, ухожу от левого хука, ныряю под правую руку, цепляю кончиком когтя за шею, подпрыгиваю и рву изо всех сил. Получай урод! Голова Странника неестественно повисает на бок. Он топчется на месте, словно обделавшись, разворачивается и поливает фонтаном крови меня с ног до головы. А нет, не кровью — борщом. Пока я удивленно моргаю, у него вырастает новая голова — крокодилья. Только с накрашенными красной помадой губами и длинными черными волосами, заплетенными в косы. Зубастая зеленая морда складывает губки бантиком, закрывает желтые глаза с завитыми ресницами и лезет целоваться. Я едва увернулся.

Прыгаю, кручусь и бью с разворота когтем точно в шею — насквозь. Но коготь застрекает, плывет вниз, на плечо, в руку, и вот гигант уже сжимает его в пятерне — не вырваться. И тут же я получаю здоровенным кулачищем в лицо — во все. Нос, кажется, вминается. Дышать им уже невозможно. Сплюываю кровавый комок. Открываю глаза: на когте висит потрепанная женская сумочка. За другую ручку ее держит дряхлая старушенция в толстых очках и с прической одуванчиком. «Негодяй!» — кричит она и бьет меня сумочкой по лицу — больно, у нее там гиря наверно.

— Тебе не победить меня. Отдай сердце, — шепчет на ухо пролетающая бабочка махаон.

— Нет!

Я отскакиваю и выхватываю меч. С меня хватит этого цирка. Куда делась бабуля? На меня уже смотрит здоровенный циклоп в балетной юбке.

— А ну спрячь ножик! — рычит он, — не то руки вырву! У нас честный кулачный бой.

Теперь на меня двигается настоящий боксер в трусах. Он держит высоко поднятые руки в кожаных перчатках. Я прячу меч и невольно встаю в стойку. Он бьет передней рукой — быстро, хлестко, что молния — в защиту. Укрываюсь, работаю корпусом. Странник вновь выкидывает джеб и с дальней руки — крюк. Но я встречаю прямым, делаю подшаг, — и бью сверху с замахом в бровь. Он приседает. Я включаюсь. Пробиваю серию: голова-корпус-голова и заканчиваю апперкотом в челюсть. Странник плывет. Пинаю говнюка ногой в живот, раскручиваю коготь до свиста, — и давай нарезать ломтики. Они падают в салатник, черт знает откуда взявшийся и меняются прямо на лету: румяная лепешка, две колбаски, сыр с двумя большими дырками, между ними лег пучок лука, а чуть выше — два помидора — получается лицо. Опять фокусы. Я отскакиваю от греха подальше.

Салатник поднялся, и колбаски зашевелились:

— Отдай сердце! — сказала еда.

Нет. Это или сон, или вино, или я совсем схожу с ума. Дальше мысль оборвалась, потому, как проклятый блин с колбасками, сыром, луком и помидорами стало тошнить, и из него вылезал огромный кожистый червь с лапками — мерзкое зрелище. Я морщусь и вспоминаю, что когда-то сам был таким. Да это и есть я!

— Дай мне сердце, или мы с тобой не выживем, — говорит он моим голосом.

Я в ступоре, но не долго. Прыгаю и давлю сапогом голову твари — она лопается как арбуз, забрызгивая все вокруг кровью. Поскальзываюсь и лечу в мягкое кресло. Меня тут же облепляют заботливые руки полуобнаженных девиц.

— Отдай сердце, — сладко шепчут они, — отдай и оставайся с нами.

Бьюсь, что муха в паутине. И сверху спускается Странник в своем первом обличий.

— Я предлагал по-хорошему, но ты отказался.

Не могу пошевелить руками. Они, словно зажаты в тисках. А этот гад начинает неистово молотить меня по лицу. Оно немеет, пухнет словно тесто, и я погружаюсь все дальше и дальше в землю — туда, откуда пришел. Последнее, что слышу — слова Странника:

— Ты еще пожалеешь об этом, но будет поздно. Я хотел дать тебе жизнь, но ты отказался, идиот. Теперь тебе конец. Ты не выживешь на арене. Там тебя ждет ужасный сюрприз.

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Знакомая вещица

Я очнулся в трактире за своим столиком. И как раз вовремя: какой-то грязный хмырь запустил руку ко мне в карман. Не знаю, что на меня нашло, но я зарычал и дал ему такую затрещину, что бедолага стукнулся лбом о стол, сполз, будто кисель и застыл на полу бездыханно. Может, не стоило бить так сильно, а достаточно было просто сломать руку, но уже поздно. Воришка пустил кровавую пену. Только сейчас я обнаружил, что в руке зажат некий предмет. Я разжал кулак, и на стол упала брошь в форме змеи. Меня словно кольнуло иглой. Знакомая вещица! Но со Змеем покончено. Тогда что бы это значило? Я попытался сосредоточиться, но в висках пульсировала страшная боль. Внешне я был цел: никаких следов боя со Странником, но внутренне мне досталось. С трудом поднявшись, я подошел к хозяину трактира, взял ключи от комнаты, доплелся до кровати и уснул мертвецким сном.

Проспал я до обеда, и теперь основательно пришел в себя. Вчерашняя встреча со Странником казалась сном, не более. Видимо, сыграла усталость и вино. Я вырубился прямо за столом и спал в неудобной позе. Только так можно было объяснить случившееся.

Я сладко потянулся, поднялся и увидел на столе брошь в форме змеи. Сон? Может быть. Но она появилась не просто так. Я взял загадочный предмет и вышел из комнаты.

В трактире было всего-то несколько человек. При виде меня они быстренько собрались и выскочили на улицу. Я поздоровался с хозяином и спросил о своей находке, не видел ли он такую брошь раньше, но трактирщик только пожал плечами. Я повертел в руках таинственную безделушку, сунул в карман и двинулся в путь домой.

К вечеру я добрался.

Было приятно видеть, как над стенами замка гордо реют флаги в шашечку. На башнях стоят часовые, зорко всматриваясь вдаль. И льется звон кузнечного молотка. Похоже, Родор все трудился над доспехами. Бедняга не может понять, что у меня уже есть прекрасные латы для арены. В них я настоящий герой, и ни за что на свете не нацеплю на себя его ржавые кастрюли.

— Эй! — крикнул я, крутя над головой когтем, — встречайте своего героя!

Ворота открылись, и стражники заметили мое новое оружие. «Боги любят тебя, Гур!» — раздались со всех сторон. Навстречу выскочил Родор с перебинтованной головой и заковылял, что старуха. Левая рука у него тоже была замотана и висела на повязке. На лице багровел коряво зашитый рубец. Превозмогая боль, кузнец улыбнулся и закричал:

— Боги любят тебя, Гур!

— Осторожнее, друг, побереги себя, — я подхватил его под руку. — Пойдем лучше выпьем вина. Тебе надо отдыхать.

— Нет-нет, я должен работать, — Родор высвободился из моих объятий. — Мне нужно закончить доспехи в срок. Веселитесь без меня.

Он развернулся и поковылял в кузню. Со стороны замка уже скакал на костылях Зигруд. Правая нога у него распухла и походила на бревно. Голова в ссадинах, нос вывернут влево. Он все понял с первого взгляда и крикнул только одно слово:

— Змей?

Я кивнул. Он рассмеялся, кривясь от боли.

— Боги точно любят тебя, сукин сын!

— Идем праздновать победу! — я взвалил его на плечи и понес в замок.

В скором времени мы сидели за широким столом в банкетном зале и пили вино, закусывая зайчиной и сыром. Горлмид был совсем плох. Он не ел, не пил, а лишь натужно улыбался. Другие воины тоже были изрядно побитые и не особо разговорчивые. Они слушали меня. А я во всех красках рассказывал о победе над главным врагом.

Незаметно на Мелавуд опустилась ночь. По привычке зажгли свечи, но народ стал расходиться. Вскоре зал опустел. Делать было нечего, и я отправился в свою комнату. Завалившись на кровать, попытался уснуть, но проклятая брошь не давала покоя. Почему Странник напомнил мне ту историю? В том, что это его проделки, я не сомневался. Кто еще мог подложить эту безделушку мне в руку? Но зачем?..

Шумел ветер в ставнях, где-то выла собака, и монотонно постукивал молоток в кузне. Так и не найдя ответа на загадку с брошью в форме змеи, я провалился в сон.

На следующий день я уже не вспоминал о ней. Брошь так и осталась лежать на столе. А у меня внезапно появилась целая куча работы: оказалось, что ничего не готово к выезду в столицу на Великий праздник. Да, замок преобразился, расцвел. Теперь это неприступная гордая крепость, а не сырые развалины, поросшие мхом. Зигруд купил коней, обустроил конюшни, но еще не подготовил повозки. Их надо было отремонтировать, а то мы за ворота не выедем.

Так что, я хоть и герой, и мое занятие — пить вино да девок по сеновалам тискать, но пришлось мне стать плотником. Сперва я выгреб все золото из карманов и послал двух солдат за провизией и всяким барахлом, необходимым в пути. Затем засучил рукава и взялся за топор, пилу и молоток.

Три дня я трудился не покладая рук. И помогали мне все: старики, женщины, раненые, дети, даже барон участвовал. Его вынесли на улицу, и он лично руководил работами.

В назначенный срок все было готово. Завтра на рассвете мы отправимся в столицу на Великий праздник. А потом меня ждет встреча с богами. Волнуюсь ли я? Боюсь? Нет. Пусть они боятся. Я иду!

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

День Великого праздника

Утром, едва взошло солнце, все жители Мелавуда собрались во дворе. Одни грузили вещи, другие запрягали лошадей, третьи ставили флаги на повозки. Люди шутили, смеялись: праздничное настроение постепенно накрывало всех. Детишки путались под ногами. Им как всегда не терпелось отправиться в столицу, где будут красочные представления, игры, сладости. Великий праздник все-таки.

Когда все было готово, барон с трудом забрался в головную повозку, поднялся, опираясь на Зигруда и сказал:

— Друзья, сегодня решится наша судьба. Мы славно потрудились. Нас пытались сломить, но мы выстояли. И все благодаря нашему герою. Гур, ты вдохнул в нас надежду, дал нам силу и веру в себя. Ты воскресил в нас воинов. Спасибо тебе. Знай, тебя любят не только боги, но и мы. Помни об этом на арене. Мы с тобой!

Народ одобрительно закричал.

— Поначалу я не верил в тебя, — Зигруд усмехнулся, — думал, что ты самонадеянный идиот, но я ошибался, ты настоящий герой! Я рад, что ты с нами, друг!

— Мы любим тебя, Гур! — закричала толпа.

Я смотрел на людей вокруг, видел их счастливые лица, и впервые понял, что привязался к ним. Не я один шел к арене — мы вместе проделали этот путь. Мы сражались плечом к плечу. Я и они — одно целое. Только вместе мы победим. И на арене я буду биться не только за себя, но и за них. Я не сам по себе, мы вместе!

Ко мне подошел Родор с повязкой в черно-белую шашечку и сказал:

— На арене герой должен быть в цветах своего флага. Дозволь, я привяжу это к твоему нагруднику.

— Нет, — ответил я. — Скажи мне, Родор, готовы ли доспехи героя Мелавуда?

— Д-да, — кузнец закивал головой.

— Тогда неси. Я буду биться в них.

Толпа взревела. В небо полетели шапки. Застучали мечи по щитам. Люди буквально впали в экстаз. Они приветствовала своего героя, и я был горд, что стал им.

Скинув с себя дорогие доспехи Накмиба, я облачился в латы героя Мелавуда. И надо признать, Родор потрудился на славу, все пришлось впору. Он даже продумал в перчатках место для когтя. Да, на нагруднике не было львов, но зато был вычеканен герб и вышиты цвета флага.

Я запрыгнул в повозку, и мы двинулись в путь. Ехали весело: пели песни под пастушью дудочку, пили вино с сыром, смеялись. Даже раненные оживились: в день Великого праздника нельзя ходить с постным лицом. Я растягивал рот в улыбке, но не пил и не разделял всеобщей радости. Для них это праздник, а для меня — последний день. Независимо от того, выиграю или проиграю, я все равно покину этот мир.

Время стремительно уходило. Вот уже показались стены Морхэнда. А за ними виднелась арена — огромное сооружение в форме чаши в самом центре города. Помню, как впервые увидел столицу в лучах заходящего солнца. С вершины холма она казалась огромным муравейником, где в общем потоке растворяются счастье и горе, радости и печали, надежды и разочарования. Бродя по улицам, вокруг видишь лишь незнакомые

угрюмые лица. Люди замкнуты в свои мирки и не впускают туда посторонних. Они привыкли жить в толпе, научились не замечать окружающих и уходить в себя. Они плывут в одной лодке, но сидят на разных скамейках.

Пока я впадал в уныние и растворялся в мысленном болоте, мы въехали в ворота и направились сразу к арене. Наш вход в это колоссальное сооружение был на северо-западе. Проехав пару кварталов, мы столкнулись на перекрестке еще с одной процессией. Как оказалось, это был барон Фиордор из северо-восточного имения Финград.

Зигруд хлестнул вожжами лошадей, но кони Фиордора оказались резвее и первыми выехали на пересечение улиц. Пришлось остановиться. Раздался издевательский смех проезжающих. В нас полетели объедки. Но наша детвора не дала себя в обиду и закидала забияк грязью.

А я смотрел на украшенные резьбой кареты и понимал, как по-деревенски смотрится наш обоз — будто крестьяне приехали на рынок. Но чувство досады и стыда пришлось забыть, когда из второй кареты выглянул герой. Ну и рожа! Будто его сунули в улей: распухший, заплывший жиром урод с маленькими глазками и конским хвостом на голове. Он встал и пригрозил мне шестью кулаками. Да, трудно будет с ним боксировать. А если он возьмет в руки оружие и щиты?

Наконец, дорога освободилась, и мы двинулись дальше.

— Ты видел его? — испуганно сказал Родор. — Настоящий монстр!

— Картофелина с ручками, — отмахнулся я.

А про себя подумал, что все мои встречи с героями были так или иначе подготовлены, а сейчас придется драться на арене в равных условиях.

Чем ближе мы подъезжали, тем больше людей становилось на улице. В конце приходилось буквально пробиваться через толпы зевак, разгонять уличных торговцев и музыкантов. У входов как всегда образовалась давка. Там кричали и ругались, заглушая музыку, льющуюся со всех сторон. Мы пробились в специальный вход в наш сектор и поставили телеги в круг на крохотной площадке. Несколько человек остались охранять лагерь, а остальные расселись на скамейках. Я, Родор, Зигруд и барон Горлмид заняли большую ложу.

Арена — огромный амфитеатр — шумела, словно водопад. Уже почти не осталось свободных мест, а люди все плыли и плыли широкими реками через главные ворота, затем разделились на потоки поменьше, становились десятками ручейков и растворялись в людской пене на зрительских местах.

Но меня интересовало поле битвы. В самом центре была песчаная площадка утыканная столбами с цепями. Повсюду стояли щиты с шипами, висели сети, тянулись водные каналы и рвы, были даже три башни, соединенные канатными дорожками и еще черт знает что, отсюда не разобрать.

— Да начнутся игры! — прокричал глашатай.

Я подпрыгнул. Прямо сейчас? Тут же к нам в ложу зашел лысый дылда в черном балахоне. Чисто выбритое лицо его не выражало никаких эмоций, словно бы вытесано из камня.

— Барон Горлмид, будет ли от вас герой? — спросил он.

Я вмешался.

— Разуй глаза. Ты не видишь героя?

Лысый слегка удивился и сказал:

— В таком случае, следуйте за мной.

Я попрощался с бароном, обнял Зигруд, хлопнул по плечу Родора и вышел. Не люблю долгих прощаний. Мы уже все сказали друг другу. Чего тянуть?

Лысый провел меня широким коридором и остановился перед решеткой.

— Ожидайте сигнала.

Я стал прислушиваться к голосу глашатая, но из-за шума сотен тысяч человек разобрать что-то было просто нереально. Наконец, протяжено затрубил горн, и лысый открыл решетку. Мол, давай, иди. Я шагнул вперед, и дверь закрылась за спиной. Все. Назад пути нет. Я улыбнулся. Наконец-то! Боги, хорошо ли вам видно?!

Прочитал?! Понравилось и ждешь проду — оставь коммент, поставь лайк или сделай репост! Ведь тебе это ничего не стоит, а мне приятно.

Я смело шагнул на залитую солнцем арену. Под ногами мягко зашуршал сыпучий желтый песок — совсем как в карантине. Осмотрелся: справа лежал валун, размером со слона, слева стоял столб с подвешенными на цепях шарами в шипах, что ежи на виселице, прямо была натянута сеть — игрушки для героев.

Зрители встретили меня оглушительными криками. Даже уши заложило. Ну, ладно, не только меня, а еще... раз, два, три... пять героев. Тех, что подальше не рассмотрел, а вот сосед справа был мне знаком — тот самый шестирукий урод. С него и начнем! Чего тянуть?

Выхватываю меч и бегу к многорукому, но не за обнимашками. Мне нужно больше — сердце! Он замечает меня и, кажется, узнает. Жирная морда растягивается в улыбке, и я улыбаюсь. Не добежав десятка шагов, ныряю за валун, скрываюсь из виду. Пусть понервничает. Прыгаю на камень, и с него — на врага. Сюрприз! Бью мечом — шестирукий уворачивается, отпрыгивает в сторону, но я достаю, и он уже четырехрукий с двумя обрубками. Первая кровь! Зрители ахают, взывают! Кровь хлещет фонтаном, заливая песок.

Я пробегаю по инерции несколько шагов, разворачиваюсь, встаю в эффектную позу, слегка загнув носки сапог внутрь — герой! — и получаю по голове цепью. Шлем чуть не слетает. Снова трубит горн, или это у меня в голове? Бросаюсь в сторону. Кувыркаюсь. Враг вновь щелкает цепью — она бьет по песку у самых ног. В запале выбрасываю коготь, но он не долетает до цели. Пора бы уже запомнить расстояние.

Четырехрукий бросается в атаку. В одной руке у него меч, во второй — палица, в третьей — цепь, а в четвертой — кинжал. Лицом к лицу мне не победить. Даю деру. Он истекает кровью, время работает на меня. Или нет? С другой стороны арены сверкает яркая вспышка. Зрители визжат. Кто-то уже лишился сердца. А кто-то заполучил его, и это не я.

Добегаю до столба с колючими шарами, цепляюсь руками за перекладину и раскручиваю колесо — стальные ежи приходят в движение, с шумом разрезая воздух. Встаю в центре. Враг замирает. Секунду медлит и стреляет цепью. Вот идиот. Я укрываюсь за столбом — цепи путаются, шар тащит четырехрукого за собой. Я не теряюсь, бью в спину, но он парирует клинком и снизу пытается достать меня палицей — уворачиваюсь. Противник вскакивает, останавливает карусель. Но цепи сплелись основательно, так просто не выпутаться. Пришлось четырехрукому бросить свое оружие.

Раскручиваю коготь и прыгаю, запуская смертоносное жало во врага. Острие впивается в грудь, пробивает доспехи, но лишь совсем немного — легкая рана, для такого бугая — комариный укус, но неприятный. Дергаю, чтобы он не перерубил позвонки. Вновь кручу над головой. Враг идет в атаку. Пячусь, стегая когтем, будто кнутом.

Упираюсь спиной в сеть. Как это я недоглядел! Четырехрукий прыгает, занося оружие для сокрушительного удара. Отбиваю меч, перехватываю кинжал, уворачиваюсь от палицы — она скользит по шлему, вминает наплечник. Отворачиваюсь и напарываюсь на стальной кулак. Звенит в ушах. Есть что-то полезное в многорукости. Бью в ответ эфесом в глаз. Гад только ухмыляется и лупит по очереди то кулаком, то палицей. Я качаю головой, извиваюсь, но пропускаю удар за ударом. Хорошо, что он бьет булавой без замаха, а то я бы уже расплескал все мозги по шлему.

Так дело не пойдет. Отпускаю руку с кинжалом и всаживаю коготь в шею. Он скользит по латам и проходит мимо цели, но мне достается: кинжал обжигает бок. Кулак вновь находит мое лицо. Плыву. Ноги подкашиваются. Руки немеют. Бодаюсь. Локтем выбиваю лезвие из-под панциря и повторно всаживаю коготь — мимо, он опять скользит по доспехам. Мечусь, пытаюсь вырваться, но четырехрукий держит и бьет, бьет, бьет.

Почти в беспамятстве обкручиваю позвонки когтя вокруг шеи врага и давлю, что есть мочи. Четырехрукий понимает, что попался — рвет жилы, выкручивает позвонки, орудует палицей. Я не чувствую ничего — давлю, рычу, хриплю. Наконец, шея гиганта хрустит. Тело обмякает. Отпихиваю мертвую тушу и облегченно вздыхаю. Справился. Но некогда расслабляться, отдыхать буду в другом мире, а сейчас надо спешить, не то появится другой. Судорожно впиваюсь в застежки панциря, рву, кромсаю тело когтем, и нахожу заветный кристалл.

Поднимаю трофей над головой. Трибуны ревут. Берегите глаза, сейчас будет больно... но в последний момент я останавливаюсь и не сжимаю кулак. Кто знает, с кем мне придется драться? Измениться — дело одной секунды. Увидев врага, я пойму, что мне улучшить и так будет больше шансов победить. Я хвалю себя за находчивость и прячу сердце понадежнее — в карман под нагрудник.

Арена озаряется светом. Зрители вскакивают. Не я, так кто-то другой. Раз, два, три. Осталось еще двое. Пора на них взглянуть. Бегу вдоль щита с шипами, затем — на деревянный мостик через канаву и замираю на другом берегу. Впереди справа семят ноги по песку. Может, зря я спешу? Ныряю за каменную башню. Шаги приближаются. Враг за углом. Пора!

Не глядя рублю что есть силы — отсекаю несколько толстых шипастых конечностей у огромного насекомого. Отпрыгиваю. Перед носом щелкает клешня. Мечом отбиваю жало. Пячусь. Так, что тут у нас? Похоже, человек-скорпион или что-то в этом роде. Клешни, жало, ноги — как у насекомого, а тело, руки и голова — как у обычного бугая. Могучий торс и уродливая голова скрыты под сверкающими доспехами. На нем нет крови, значит, он еще не заполучил ни одного сердца.

Свой трофей пока не трогаю, посмотрим, что этот урод умеет. Долго ждать не пришлось. Скорпион пошел в атаку. Несмотря на увечья, он довольно бодро перебирал оставшимися конечностями. В мгновение оказался он оказывается рядом и включает весь свой арсенал: одна клешня хватает меч, будто тисками — не вырвать, вторая — коготь, а сверху летит смертельное жало. Я отпускаю клинок и перехватываю ядовитую иглу, выкручиваю коготь из клешни и отпрыгиваю. Вовремя. У самого носа свистит кинжал. Я остался без меча, но не без оружия!

Раскручиваю коготь и секу, словно косой, передние лапы врага. Брызжет кровь. Скорпион припадает на обрубки и хватает мой позвонковый жгут с когтем клешней. Одно движение, и все кончено: коготь падает на песок. Я пячусь, лезу в карман за сердцем, спотыкаюсь и лечу на землю. Скорпион прыгает, победно вереща, заглушая шум трибун, — и его сметает зеленая тень. Она пролетела, словно порыв ветра, подняв столб песка.

Вот это скорость! Если даже я использую сердце, то все равно не смогу сравниться с ним. Я вскочил и, наконец, увидел того, кто спас меня от Скорпиона. Это был Хвостокол, я узнал его, хоть он и слегка изменился. Теперь к его арсеналу добавились шипы на спине, а вместо когтей на лапах стали просто маленькие, но мощные клещи. Сейчас он ими ловко вскрывал панцирь Скорпиона, будто консервную банку, а бедняга только дрожал. Он был

парализован ядом из иглы Хвостоккола.

Ужасный монстр был повернут ко мне боком, и на плече у него я увидел новый герб барона Гниора — змею, точь в точь как на той проклятой броши. Осколки мозаики встали на свои места. Я понял, кто стоял за всеми убийствами. Следы когтей на месте преступления не могли принадлежать Змею. Как я упустил это из виду? Брошь! Этот урод Фуас работал на Хвостоккола! Это он пустил меня по ложному следу и натравил на Змея. Поэтому я так легко с ним справился. Этот червяк съел всего-то пару сердец до встречи со мной.

Хвостоккол повернулся ко мне, и я увидел шрам под правым глазом — это же моя работа — ловушка в замке.

Тем временем Хвостоккол выпотрошил Скорпиона, достал сердце и сжал — ударил свет. Зрители ликовали. А я воспользовался моментом и скрылся за башней. Куда бежать? Где спрятаться? Мне надо было время, собраться с мыслями, выстроить план и использовать сердце. Единственное что пришло в голову — залезть на башню. Я вскарабкался на десятиметровую каменную колонну, что мартышка, и затих.

Зрители буквально впали в истерику. Они смеялись, свистели и показывали на меня пальцами, а снизу шелестел песок. Хвостоккол искал меня — последнюю жертву. Сую дрожащую руку в карман, нащупываю кристалл. Что сделать? Мысли путаются. Почему-то звучит голос богини: «Выходи, если можешь». Земля заходила ходуном. Чуть не падаю. Впиваюсь в край башни. На мгновение шум песка внизу затихает, — и в следующую секунду получаю мощный пинок. Башня уходит из-под меня. Лечу вниз.

Земля встречает не периной. Кажется, легкие порвались — не могу вдохнуть, хлопаю ртом, что рыба. Хочу подняться, но тело коченеет. Негнущейся рукой шарю по карману: сердца нет. Оно выпало! Взлетаю в воздух. Перед глазами мелькает уродливый морда, в живот упираются клещи и начинают кромсать нагрудник вместе с курткой и плотью. Кишки выпадают, ползут по ногам, свисают. Я — наглядное пособие по вскрытию. В чудовищную лапу монстра падает сверкающий кристалл. Все. Осталось подергать ножками, намочить штаны и кануть в небытие. Хвостоккол мерзко хохочет, и из-под его пальцев бьет свет.

Но я почему-то еще жив. Осознание приходит мгновенно: он схватил не мое сердце, а четырехрукого!

Вот он мой шанс! Выхватываю потайной загнутый кинжал и вспарываю брюхо говнюку. Всаживаю руку в горячие потроха. Пальцы натыкаются на острые края — сжимаю, и сразу становится легко. Меняюсь. Хвостоккол обмякает. Втыкаю кривой кинжал в герб со змеей и прыгаю на землю: тяжело, твердо, из-под ног летит пыль.

Выпрямляюсь. Теперь я стал больше. Доспехи буквально порвались по швам и висят на мне покореженными кусками металла. Раз боги принимают таких, как Хвостоккол, то незачем стесняться. Растягиваю огромную пасть с рядами длинных острых зубов в дьявольской улыбке. Ну и, конечно же, коготь на месте. Щелкаю им в воздухе.

Трибуны на мгновение замирают, и взрываются в победном:

— Боги любят тебя, Гур!!!

Воздух в нескольких метрах от меня серебрится, искрит, потрескивает, — и появляется портал. Он сверкает радужными переливами, словно волшебный цветок. А в нем — мерцают силуэты богов. Они смотрят на меня и радуются. Они ждут меня. Я прошел испытания. Теперь я — один из них.

Поворачиваюсь к трибуне, где стоят Горлмид, Зигруд, Родор и остальные. Машу им рукой, улыбаюсь и ныряю в наэлектризованное марево портала.

Дорогие друзья, ваши лайки, репосты, комменты и особенно награды помогают и воодушевляют меня!

Пугающий звонок

— Ура! — закричала Анька. — Прошел! Прошел на следующий уровень!

Встревоженная Стелька спрыгнула с ее ног, расцарапав колени, но девушка даже не заметила этого. Она захлопала в ладоши и чуть было не бросилась обнимать неподвижно сидящего Сашку, но вовремя спохватилась.

Виталий Борисович вскочил с кресла и ударил себя по ляжкам, разливая пиво на пол.

— Да! Молодец, Саня! — громогласно завопил он.

Ульяна Исааковна схватилась за сердце и выдохнула:

— Налей мне стаканчик. Я не выдержу этого. Сашка, родненький...

Она хотела тоже кинуться к сыну, но отец остановил ее. Мать молча села обратно. Они не могли ничего сделать. Только смотреть, как их сын борется за жизнь. Они уже позвонили в «скорую» на всякий случай. Диспетчер, узнав причину вызова, обещал прислать машину, когда будут свободные, но пока, видимо, таковых не было. Полиция тоже молчала.

А Сашка сидел неподвижно, будто это и не он вовсе только что чуть не погиб. Ноль эмоций. Хоть бы палец дернулся. В этом шлеме он казался древней статуей какого-то божества, в которых всякие энтузиасты видят пришельцев из далекого космоса.

Октябрина Владленовна всхрипнула, клюнула носом и открыла глаза:

— Игрушка покруче, что бы в ней быть всех сильнее и умнее, да хер по колено. Что еще нужно для счастья, да?

Собравшиеся в комнате переглянулись, но ничего не сказали. Бывает. Спросонья и не такое ляпнешь.

На экране монитора сменилась картинка. Вместо радужного сияния портала появилась заставка: «Боги не играют по правилам», «Уровень сложности — безжалостный».

Все приготовились. Сейчас Сашка появится в новом мире. Но тут раздался телефонный звонок. Ульяна Исааковна вскочила и схватила трубку.

— Д-да. Д-да, — заикаясь, закивала она.

Затем она замолчала, побелела, и телефон выпал из рук. В комнате стало тихо. Были слышны только протяжные гудки. Все смотрели на нее.

— Надо звонить в полицию, — проговорила Ульяна Исааковна не своим голосом.

— Что случилось? — хмурясь, спросил Виталий Борисович.

— Мне угрожали, — только и смогла выговорить мать.

Она просто была не в силах повторить то, что сказал развязный наглый голос в трубке. Он не поздоровался, не представился, а медленно просипел: «Так уж случилось, что твой малый попал с моим пацаном в одну яму. Я не позволю сыну проиграть, так что, мамаша, если не отключишь своего ублюдка от розетки, мои ребята сделают это за тебя. И они не будут нянчиться со всеми вами. У меня большие связи, я богатый человек, и если сделаешь все как я скажу, то в качестве компенсации получишь, скажем, новый BMW шестой серии. Даю тебе час!»

— Что? — Виталий Борисович вскочил. — Почему? Что ты сделала?

Ульяна Исааковна всхлипнула и с трудом выговорила:

— Ничего. Он хочет, чтобы мы отключили Сашку, иначе нам всем... — она закрыла лицо ладонями и зарыдала. — Позвони в полицию...

— Кто он? Как нас нашли? — возмутился отец. — Никто ведь не знает!

— Мы сами звонили в полицию, — сказала Анька и схватилась за голову. — Что же мы наделали.

— Он сказал, что у него связи... — проговорила Ульяна Исааковна сквозь всхлипывания. — Предложил машину за Сашку...

— Вот урод! Шиш тебе, а не Саню! — Виталий Борисович врезал кулаком по столу. — Мы еще посмотрим кто кого! Сын, держись!

Он выбежал из комнаты в коридор и стал баррикадировать дверь, ругаясь и грозя пристрелить каждого, кто приблизится к квартире. Анька знала, что это не пустые угрозы. У Виталия Борисовича была старая двустволка, коробка патронов и дурь в голове, чтобы сдержать слово.

Тем временем строка загрузки доползла до конца, и на экране засеребрился портал.

Конец первой части

Больше книг на сайте — Knigolub.net